

The illustration depicts three characters in a dark, atmospheric setting. On the left, a man with dark hair and a serious expression looks towards the center. In the middle, a woman with long, wavy blonde hair and a ring on her finger looks directly at the viewer. On the right, a man with dark, curly hair and a slight smile looks towards the center. They are all wearing white shirts and ties. The background is dark with greenish light filtering through, suggesting a forest or a mysterious interior.

СОМНЕУМ

Змеиное Кольцо

Таисия Роуз

Сомнеум. Змеиное кольцо

<https://litres.ru/73555668>

SelfPub; 2026

Аннотация

Агата Вирхова вынуждена вернуться в Россию из кругосветного путешествия, чтобы забрать наследство, оставленное ранее неизвестным ей прадедом Михаилом. Но быстрая поездка отягощается рядом странных и пугающих обстоятельств, достаточно тесно связанных с ее новым знакомым, Маркусом Кайзером.

Теперь Агата студентка университета, которого нет на картах. Ее соседки ведьмы; преподаватели могущественные колдуны, вечно что-то не договаривающие. А однокурсники делятся на тех, кто хочет ее спасти, и тех, кто хочет использовать. Есть и те... кто связан с ней гораздо больше, чем она могла себе представить. Но можно ли верить тому, кто однажды уже обманул? Или тому, кто не отвечает на вопросы, но всегда рядом?

Говорят, что кольцо выбирает хозяйку через поколение. Говорят, оно открывает дорогу в Сомнеум обитель неуспокоенных душ. Говорят те, кто туда попадает, теряют себя. Или обезумевают в попытках отыскать путь назад. Но Агате уже не до легенд, ведь предназначение натирает ноги.

Содержание

Глава 1: Странные обстоятельства.	4
Глава 2: Змеиный глаз.	23
Глава 3: Ведьмины проделки.	46
Глава 4: Смерть не разлучит.	66
Глава 5: Первые неловкости.	90
Глава 6: Начало тьмы.	108
Глава 7: Урок астральной магии.	129
Глава 8: Жуткие тени.	154
Глава 9: Магические утехы.	173
Глава 10: Проснувшаяся кровожадность.	197
Конец ознакомительного фрагмента.	219

Таисия Роуз

Сомнеум. Змеиное кольцо

Глава 1: Странные обстоятельства.

Взволнованное море сверкало под тёплыми лучами летнего солнца, едва ли скрывающегося за громоздким горным хребтом. Ухоженная смотровая стоила каждой ступеньки, восхищая человеческий глаз небывалой красотой. Ну... Или камеру телефона.

— Так, а теперь нежно улыбнись, — скомандовала Лиза, переворачивая экран вертикально.

Я приподняла уголки губ, чувствуя, как с сотым снимком присущая мне скованность куда-то исчезает. Денёк у нас выдался насыщенный, впрочем, как и год. Что делают люди, которые расстаются со своей первой любовью? Полагаю, плачут, выпивают и смотрят слезливые мелодрамы. Не отрицаю, что один день именно так и провела. Однако с наступлением утра меня резко перемякнуло: я взяла академический отпуск на выпускном курсе журналистского факультета, сложила первые попавшиеся под руку шмотки в розовый чемодан и улетела к подруге в Европу. Вначале думала, что на неделю. Но неделя сменилась месяцем, затем следующим,

медленно превращаясь в целый год. Возвращаться мне всё никак не хотелось. И вот сейчас мы, второй день находящиеся в солнечной Испании, пытались сделать хоть один тот самый «идеальный» снимок для соцсетей.

— Ну что там? — устав искусственно улыбаться, спросила я.

— Да-да, отлично! Теперь моя очередь, — Лиза быстро поменяла нас местами, вручая мне в руки телефон.

Словам загорелой брюнетки с хитрющими зелёными глазами я поверила едва ли. Уж что точно поняла за прошедший год: фотограф из неё "не ахти". Но и спорить не стала, чувствуя, как до сих пор болят щёки. В одиннадцатом классе я увлеклась искусством фотографии, а в более осознанном возрасте даже подрабатывала фотографом на подиумных показах у друга-модельера, поэтому не сомневалась, что Каменская останется довольна результатом.

Так и оказалось. В ожидании вкуснейшей паэлы с морепродуктами в небольшом каталонском ресторане девушка то и дело одобрительно кивала, показывая мне очередные снимки. Я, подмяв рукой щёку, сонно рассматривала меню, игнорируя назойливые звонки от неизвестного номера.

— Да возьми уже, вдруг Кирилл понял, что жить без тебя не может, — Лиза подглядела в экран телефона.

— Год как-то жил, а теперь решил, что не может. Именно так, — саркастично ответила я, закатывая глаза. — Готова поспорить, что это папа.

Конечно, у обычной студентки, хоть и подрабатывающей фотографом, не могло быть достаточно денег для такого долгого и роскошного путешествия. Мои родители открыли небольшой ресторан японской кухни, когда я и ходить толком не умела, в итоге, с годами превратив малый бизнес в целую сеть по столице. Они переехали жить в Германию вместе с младшим сыном, когда мне только исполнилось семнадцать лет. Я же осталась в Москве осознанно, противясь изучению нового языка и расставанию со своей «безумной» любовью вплоть до двадцати двух лет. Когда же моя «безумная» любовь оказалась застигнута врасплох за изменой с одной из моих близких подруг, я психанула и уехала, без зазрения совести тратя деньги с родительской карты. Что мама, что папа являлись сторонниками лояльного воспитания и не торопились блокировать счета, хоть и были прекрасно уведомлены о том, что я бросила учёбу и пустилась во все тяжкие. Но шли месяцы, и ничего не менялось. Поэтому почти каждая моя неделя начиналась с отцовской тирады о будущем и угроз передать всё управление бизнесом Ярику, моему младшенькому.

— С неизвестного номера? — скептически сморщила нос Лиза.

— Видимо, понял, что с обычного я не возьму.

Подруга не ответила, продолжая активно обрабатывать новые фотографии. Поужинать мы решили в самый аншлаг, из-за чего заказ загруженные повара готовили непри-

лично долго. Настолько, что телефон успел пропеть назойливую мелодию раз двадцать. В какой-то момент даже моего королевского терпения не хватило. Что ж... всё-таки стоит поговорить с папой, ведь на носу ещё Франция, Норвегия и Греция, а карта грозилась стать замороженной в ближайшие дни.

— Да что такое?! Я же говорила, что буду ходить по музеям ещё пару дней! — с лёгким раздражением в голосе протараторила я, намереваясь бросить трубку через две минуты.

Однако на другой стороне связи ответил мне отнюдь не басистый отцовский голос, а весьма тонкий и стервозный.

— Агата Вирхова? — переспросил голос на русском языке, не удосужившись поздороваться.

— Ага. А вы кто?

— Я звоню сообщить, что скончался ваш прадедущка, Михаил Владимирович Болотный. Прошу приехать в течение пяти дней за наследством, адрес напишу в сообщении.

Не дав ничего мне сказать, неназванная женщина отключилась, вынуждая динамик издать противное пиликанье. Я закатила глаза, глубоко вбирая воздух. Чёртовы мошенники достали меня даже в Испании? Что ж... Могли придумать что-нибудь правдоподобнее, чем никому не известного прадеда. А в следующий раз что? Четвероюродная бабушка, проживающая в Куево-Кукуево? Ну и идиоты!

— Чему так безумно лыбишься? Аж мурашки по коже, — рассмеялась Лиза, наконец наслаждаясь долгожданным кок-

тейлем.

— Да так... Шутку вспомнила.

В дальнейшем вечер прошёл без приключений. После долгих разговоров под вино мы прошлись по песочному пляжу босиком и направились к отелю. Зайдя в номер, я вдруг осознала, насколько устала. Лестница на смотровую действительно вымотала меня, хоть изначально не казалась преградой: икры жгло от усиленной нагрузки, а ступни постигло воистину райское наслаждение, стоило сунуть их в наполненную тёплую ванну с розовой пеной.

— А это ещё что за бред?

Намазав на лицо глиняную маску, я засекала ровно десять минут, решая наконец последовать примеру подруги и выставить новенькую публикацию. Ко мне вопросов не было: идеальная укладка на длинных блондинистых волосах, милые ямочки на румяных щёчках и невинные янтарные глаза, ярко выраженные из-за густых тёмных ресниц. Лиза на этот раз постаралась на «ура» и не стала фотографировать именно в тот момент, когда я зажмурилась от яркого солнца или решила поправить волосы, прилипшие к губам. Возмутило меня другое. В мыслях точно отложилось, как мы несказанно обрадовались, когда дошли до самого верха и обнаружили, что обычно шумное туристическое местечко в этот раз словно подстроилось под нас и оказалось полностью пустым. Так откуда на самом краешке фотографии появился загадочный парень, одетый в совсем не подходящее под жаркую погоду

чёрное худи? Ещё и так назойливо повёрнутый в мою сторону...

«Ты видела его?» — прикрепил две фотографии с доказательством я, ловко отправляя сообщение подруге.

«Кого?», — Лиза, как всегда, ответила молниеносно. — «Пальму слева? Ну да, милая».

«Издеваешься? Парень в углу стоит и смотрит на меня!»

Лиза отчего-то долго не отвечала. Я предпочла забить и отложила телефон, расслабленно прикрывая глаза. Горячая вода приятно обволакивала изнеможённое тело, просачиваясь в каждую его частичку. С крана размеренно стекали единичные капли на большой палец ноги, обладая усыпляющим эффектом. Я практически провалилась в небольшой дрём, как почувствовала чьи-то ледяные руки, сомкнувшиеся на шее. Распахнув веки, я бесшумно крикнула, замерев на месте. Надо мной нависло нечто отвратительное, с салными длинными патлами и обезображенным лицом. Глаза у этого чудовища были выколоты, а руки сморщенные, со взбухшими, загноившимися венами.

— *Забери наследство, ведьма... Забери*, — его костлявые пальцы продолжали всё больше сжимать мою шею; изо рта вытекала кровь, капающая мне на лоб.

Я взвизгнула, пытаюсь отодрать от себя цепкую хватку. Кожа в области прикосновений пылала; давление противно повышалось. Понимая, что теряю сознание, в последний раз замахнулась на уродца, растворяясь в беспомощности.

Четыре дня спустя.

Табло в аэропорту резко выключилось из-за перепада электричества. Люди, ожидающие своего рейса, закопошились, нервно заходя в новостные сводки. Я задумчиво закусила губу, устало разминая шею. Последняя неделя оказалась совершенно безумной. Безумной настолько, что у меня не оставалось выбора, кроме как вернуться домой и снова начать тихую студенческую жизнь.

Если тот инцидент в ванной я сумела списать на накопившийся стресс от недосыпа и чрезмерное употребление алкоголя, то резкую смену в поведении Лизы и неожиданную блокировку всех счетов — нет.

А странности начались сразу. Во-первых, после приёма ваннных процедур я обнаружила себя укутанной в одеяло на кровати, облегчённо осознавая, что произошедшее не больше чем сон. Но красные болящие отметины на шее были совсем не похожи на грим или размазанную помаду... Что, конечно, повергло меня в ужас и до чертиков испугало. Во-вторых, Лиза, девушка, которая поклялась в том, что никогда больше не вернётся на Родину и всю жизнь проведёт в вечном путешествии, резко поменяла точку зрения, выслушав мой рассказ про парня на фотографии и мошенников. Мальчишку в худи она, кстати говоря, так и не видела на снимке, а про чудище я решила промолчать, чтобы подруга не приняла меня за окончательно поехавшую.

«Наследство прадеда, говоришь? Так давай съездим, ты ведь журналистка... Разве не интересно побывать в российской глубинке и взять у них интервью о сельской жизни? Да и мне, честно говоря, надо развеяться. Хочу чего-то новенького...»

Я, конечно, старалась её вразумить и намекала на то, что наверняка никакого прадеда не существует и эти телефонные звонки, которые начали преследовать меня все невыносимые четыре дня, не больше чем чей-то розыгрыш или мошенники, в ближайшее время запрашивающие реквизиты для перелёта. Но Лиза будто и не слушала, чуть ли не одержимая идеей съездить в загадочный посёлок. А в-третьих... В-третьих, отец любезно заблокировал все три карты, не желая слушать ни единого возгласа. Всё, что он сказал — немедленно вернуться в Москву или переехать к ним в Германию, начав обучение там с чистого листа. И вот я совершенно растерянно сижу в аэропорту. Конечно, забрать какое-то там наследство не входило в мои планы, а вот вернуться домой, когда других вариантов нет, — вполне себе. Удивительно лишь то, что и до столицы Лиза решила меня сопровождать.

— Пишут, что из-за неполадок с обслуживанием самолёта наш рейс отменили, — отрицательно покачала головой Каменская, показывая мне экран телефона.

Она не соврала. И правда отменили. Всем пассажирам, летящим до Стамбула и в дальнейшем до Москвы, было предложено либо зарегистрироваться на рейс, назначенный

только через восемнадцать часов, либо проследовать на борт весьма сомнительного, недобравшего достаточно пассажиров самолёта.

— Ну, по крайней мере, так мы вылетим сегодня и разница всего в час, — подбадривающе пробормотала подруга, поправляя распушившуюся чёлку.

Выхода у нас иного, правда, не оставалось. Денег у меня едва ли хватило на перелёт, а у Лизы всё было строго под расчёт. Натянув улыбку, я вяло кивнула, вновь засовывая в уши наушники. Меня преследовала тревога, появившаяся по весьма понятным причинам. Головой я всё ещё понимала, что не стоило так резко решать вернуться обратно... Понимала, что надо бы разобраться во всём получше и, возможно, действительно умотать к родителям. Я это понимала, но всё равно прошла регистрацию и села на положенное место. И тогда... Тогда, когда самолёт вылетел со взлётно-посадочной полосы, появилось это «в-четвёртых». В-четвёртых, помимо обслуживающего персонала, я, Лиза и сидевший рядом с нами молодой парень являлись единственными пассажирами, что не могло не дать волнению окончательно пустить корни в сердце.

— Извините, это же рейс до Стамбула? Почему так мало пассажиров? — спросила я у худошавой стюардессы на английском.

Явно переборщившая с косметологическими уколами девушка удивлённо захлопала наращёнными ресницами, натя-

живая искусственную доброжелательность на лицо.

— Вам нехорошо? — уточнила она. — Это частный самолёт до Сочи.

— Какого ещё Сочи?! — вскипела я, не выдерживая происходящего вокруг дурдома.

Разблокировав телефон, я показала девушке то самое оповещение о переносе рейса. Однако рыжеволосая стюардесса лишь снова нервно захлопала ресницами и попросила меня успокоиться. Непонимающе закусив щеку, я обратила экран на себя, в последующие минуты заметно затихая из-за резкого шока.

«Рейс Барселона – Стамбул переносится на пять часов из-за технических неполадок. Приносим свои извинения!»

Ни слова про неделю или другой рейс от компании, следующий через час. Но как так?! Ведь это видела не одна я... Лиза ведь тоже... Не могли же мы сойти с ума одновременно?

— И что за частный рейс? Кто его оплатил?

— Вы ведь Агата Вирхова? Вы и оплатили...

— Да ни черта я не оплачивала! Посадите самолёт!

Стюардесса вновь попросила меня успокоиться. Лиза подбадривающе положила руку на плечо, уточняя, что происходит. Рыжеволосая, воспользовавшись минутной заминкой, быстро улизнула, пробормотав, что узнает подробнее и вернётся. Каменская, успевшая задремать до моего бунта, сонно повторила вопрос. Я, будто этого только и ждала, принялась

ей всё пересказывать, с долей радости подмечая, как сменялись эмоции на миниатюрном девичьем личике. Она явно находилась на моей стороне и не понимала происходящего.

— Извините... — вдруг слева послышался приятный глухой мужской голос. — Я случайно подслушал ваш разговор. Хотите сказать, мы летим в Сочи?

Обернувшись, я увидела перед собой молодого парня, на вид не больше двадцати пяти лет. Одетый в чёрную оверсайз-футболку и такого же цвета классические брюки; по внешности кучерявый, с отросшими, практически закрывающими глаза тёмными волосами; ярко-зелёными глазами с хитрым прищуром и выскакивающим из-под ворота футболки кусочком определенно массивной татуировки змеи. Сколько бы я ни разглядывала его, могла сказать точно: настолько симпатичного и запоминающегося внешностью парня ни с кем не перепутать, и видела я его впервые. Так что резкая амнезия и заказ мною же частного самолёта — бредовые рассказы.

— Ага, именно туда и летим.

Я не торопилась нападать на него с расспросами, подмечая одну интересную деталь: или мой разум окончательно навидумывал всякое, или юноша уж больно был похож на того, который засветился на загадочной фотографии.

— Странно как-то... — задумчиво произнёс незнакомец, полностью поворачиваясь к нам. — Я был уверен, что видел уведомление о рейсе до Стамбула... Да и регистрацию мы на

него проходили.

— Вот-вот!!! — радостно встретила его замечание я.

Раз трое видят одно и то же — значит, точно не сошли с ума! Теперь оставалось выяснить: ошибка ли это администрации аэропорта или проделки резко разгневавшегося папы, решившего заодно подарить мне «незабываемый» перелёт к Чёрному морю.

— Прямо-таки мракобесие какое-то происходит, иначе и не скажешь, — слегка шутливо произнесла Лиза, сверкая глазками на незнакомца.

— Угу, настоящая чертовщина, — странно улыбнулся парень, забавно морща курносый нос.

Нервно тарабанив пальцами по креслу, я подметила, что незнакомец не планировал от нас отстать и пытливо поглядывал то на меня, то на Лизу, периодически сдувая с глаз непослушные волосы. Я невольно и сама стала рассматривать его боковым зрением, особое значение придавая оголённым рукам: на длинных утончённых пальцах располагалось множество массивных перстней с драгоценными камнями. И зачем столько? Панк что ли какой-то... Хотя с виду не похож.

— Я Марк, кстати, — вдруг решил представиться он. — Хотел в Москву к другу слетать, а тут такое недоразумение.

— Агата, — всё-таки кивнула я и протянула руку. — А это...

— Каменская, — как-то не слишком добро дополнил за

меня Марк.

Удивлённо выгнув бровь, я снова к нему пригляделась. Да нет же, точно его не знаю.

— Елизавета, да. Вы знакомы что ли? — с подозрением спросила я.

Самым наилучшим и приятным объяснением ситуации будет то, что Лиза решила разыграть меня в последнюю неделю перед очередным путешествием. Она же безумная в этом плане. Вечно обожает устраивать всякие сюрпризы, порой даже пугающие. Так, на Хэллоуин Каменская наняла целого актёра, который пугал меня весь день, практически заставляя поверить в призраков.

— Блогерша же. Многие знают, — оправдала его подруга, также смерив парня хмурым взглядом.

Иногда я и правда забывала, что многочисленные фотографии мы делали не просто так, а для «заоблачно правдивого» контента в Лизиных социальных сетях. Да и познакомились похожим образом: она приехала на показ моего друга, на котором я выступала в роли фотографа.

— Ты мой фанат, получается? — отчего-то от принуждённого тона Лизы не осталось и грамма.

Каменская резко нахмурила соколиные брови так, что они начали выглядывать из-под густой тёмной чёлки, а уголки накрашенных алых губ потянулись книзу, выдавая стервозную ухмылку.

— Получается, что так, — чуть ли не выплюнул Марк,

теряя к девушке всякий интерес.

Ближайшие часы он с нами не разговаривал, отвернувшись к окну. Лиза и вовсе сумела заснуть... В таких-то обстоятельствах! А я до последнего пыталась вызвать стюардессу и даже прошлась по салону вплоть до двери кабины пилота, но никого так и не нашла. В итоге, огорчённо усевшись на место, я решила в очередной раз пересмотреть идиотский снимок и сравнить Марка с незнакомцем на фото. К сожалению, лица было практически не видно, но причёска и даже кроссовки полностью совпадали! Может, это действительно всё проделки Каменской и не больше чем розыгрыш? Если так и выяснится, то я живьём её похороню... Точно похороню. Особенно если случай в ванной — это тоже какой-то нанятый актёр, а не помутнение рассудка.

— Не майся ты так. Мы всё выясним, — заметил моё беспокойство Марк, позволяя увидеть едва заметные ямочки на вытянутых щеках.

— Без этого никак, — обессиленно ответила я.

Пилот как раз оповестил нас о снижении: он попросил всех пристегнуть ремни и не вставать с мест до отключения соответствующего значка. Приземление было лёгким и беспроblemным, что несказанно радовало, учитывая неразбериху вокруг. Проход проверки документов и вещей, парочка металлоискателей — и вот мы все втроём стояли на выходе из сочинского аэропорта. Лиза отошла покурить, оставляя нас наедине с Марком; я, скинув все вещи на бедного пар-

ня, пыталась дозвониться до отца, который, видимо, назло не брал трубку. В аэропорту меня даже слушать не стали, ведь всё было ровно так, как сказала стюардесса: частный самолёт на моё имя и ни слова в сводке об отменённом рейсе. Успокаивало лишь то, что Марк тоже видел это треклятое оповещение и оставался на нашей стороне третьим свидетелем. В какой-то момент, наверное, с раза десятого и с пятнадцать минут стояния у входа, телефон всё-таки взяли. Правда, не папа, а мама, старающаяся обычно не лезть в наши разборки. Я, не особо церемонясь, начала ей сразу пересказывать всё произошедшее, ища поддержки, в том числе и материальной.

— Агачка, постой... — она вдруг меня остановила. — Говоришь, дедушка Михаил скончался?

— Да какой к чёрту дедушка Михаил? Мошенники это были, и не больше! Ты вообще меня слушала? Мне срочно нужны деньги на билет до Москвы! — раздражённо прикрикнула я.

— Агата... Дорогая... Послушай, никакие это не мошенники. Дедушка мой умер, давно не общались, в ссоре были. До меня дозвониться не получилось, наверное, — мама говорила как-то слишком медленно и растерянно, совсем не похожая на себя привычную. — Ты поезжай тогда, забери наследство. Похоронами, видимо, твой дядя занимался. Наследство главное забери. Мы чуть позже подъедем обязательно.

От такой резкой тирады новой информацией я обомлела. Давно не общались?... Дядя? Никогда не слышала о том, чтобы у мамы был брат. Да что уж там, мы всегда ездили только к отцовским родственникам. Родители у мамы умерли ещё, когда мне и четырём не исполнилось, а про остальных она ни слова не говорила.

— Только приезжайте быстрее. Мне нужно узнать всё! Потому что происходит какая-то хрень, мам, полнейшая хрень!

Мама промямлила тихое: «будем, как можно скорее, ты главное наследство забери» и сбросила трубку, оставляя меня с кучей вопросов в голове. И почему все так усердно говорят мне про это наследство? Будто у старого хряка, живущего в глубинке, может иметься действительно что-то стоящее...

— Вот же чёрт... — чуть ли не хныча произнесла я, скользая спиной по стене здания.

Усевшись на корточки, я закрыла лицо, пытаюсь собраться с силами. И почему навалилось так много проблем разом... Ведь только недавно спокойно загорала на шезлонге под деревянным зонтом. Ещё и папа так не вовремя взъелся и заблокировал счета. Уйдя далеко в собственные мысли, я совсем забыла о том, что рядом со мной по-прежнему стоял не менее странный паренёк, по случайности оказавшийся в похожей патовой ситуации. Он решился на весьма смелый поступок, пытаясь убрать упавшую на нос светлую прядку

с моего лица. Один из его массивных перстней запутался в волосах, отчего я болезненно пикнула.

— Извини, — неловко улыбнулся Марк, всё же присаживаясь рядом. — Дела плохи, да?

— Дела полное дерьмо, а не плохи, — не сдерживалась в выражениях я.

Подул тёплый ветер, вновь возвращая прядку на мой нос. На этот раз Марк прикоснулся к волосам почти невесомо, тут же заводя её мне за ухо. Его тёплые пальцы едва ли коснулись моей кожи, но она мигом покрылась мурашками. Возможно, из-за треклятого ветра, а может, потому что я слишком устала и даже поддержка от едва знакомого человека меня успокаивала. Я задержала ненадолго взгляд на его руке, которую он быстро спрятал в карман, и вздохнула.

— Деревня «Змеиный глаз». Тоже мне. Я была уверена, что это мошенники. Даже на карте её нет. Как вообще мама хочет, чтобы я добралась?

Моя реплика, скорее, являлась своеобразным криком души, ведь я прекрасно понимала, что Марк не мог бы услышать мой диалог с мамой с такого расстояния. Однако, к удивлению, парень быстро спохватился и как-то закопошился.

— У меня бабушка там раньше жила. М-м... И не знаю, как же объяснить местоположение. Могу отвезти вас, если ты не против, конечно.

— Шутишь?! Я-то не против, но ты сам говорил: к другу

в Москву летел. Не слишком ли обременительно?

Уж если я была на его месте, у меня имелись деньги и возможность смотреть из Сочи домой прямо сейчас. О... Я бы непременно так и поступила и плевать на чьи-то там проблемы, резко возникших прадедушек вместе с дядьями и странный перелёт. Марк лишь рассмеялся с моего удивлённого лица. Я же действительно поверила в ангелов и что один из них стоит прямо передо мной.

— Всё в порядке. Друг всё равно не знает, что я собрался к нему. Это сюрприз. Да и... Не брошу ведь девушку в беде.

Вновь наградив меня белоснежной улыбкой во все тридцать два, Марк поднялся, подавая мне руку. Только сейчас, оказавшись с ним достаточно близко, я обратила внимание на то, что парень-то являлся достаточно высоким. Я, со своим метром шестьдесят восемь, доставала ему до уровня плеча.

— Сто восемьдесят семь сантиметров, — невозмутимо произнёс он. — Ты не поэтому пялилась?

Невольно замерев, я недоумённо на него зыркнула, только спустя минуту покрываясь лёгким румянцем.

— Вообще нет!

— Ну, да...

И снова невинная полуулыбка, будто и не было этого начального тона пять секунд назад. Благо, ещё большей неловкости помогла избежать наконец пришедшая Лиза, держащая в руках два стакана кофе и бумажный пакет с десертами.

И действительно благо, она быстро принялась рассказывать о противной продавщице в магазине и их небольшой стычке. Закончила рассказ Каменская только, когда мы дождались такси. Я её мигом ввела в курс дела и в наши дальнейшие действия.

— Вот и будет тебе прекрасный репортаж! Как вернёшься в универ, считай готовая курсовая.

Я пропустила подобную болтовню мимо ушей, с небольшим разочарованием глядя на то, как город начал по чуть-чуть исчезать, сменяясь горами и природными просторами. Только бы это всё поскорее закончилось. Прошу.

Глава 2: Змеиный глаз.

От опасного вождения и самого настоящего серпантина меня жутко укачивало. Леденцы, любезно отданные Лизой, и концентрация на одной точке никак не спасали ситуацию. Всё, что я и могла, — это держаться за живот и молиться всевышним силам, чтобы меня не вырвало прямо в салоне.

После того как мы проехали злосчастный участок, стало легче, и, заметно расслабив мышцы, я сонно прикрыла веки. Температура в салоне стояла комфортная, не такая жаркая, как на улице, из-за активно работающего кондиционера. И чьё-то плечо было особенно удобным... Прямо-таки идеальной подушкой для меня. Стоп... Плечо?! Я резко вздрогнула, оглядывая Марку, в чьих изумрудных глазах виднелись озорные смешинки.

— Можешь поспать ещё, — шепнул он, хлопая себя по плечу. — Так сладко дремала, аж слюнка потекла.

Недовольно цокнув, я откинулась назад, полностью игнорируя его насмешки. Целый год я всячески обходила мужское внимание, поэтому теперь чуть ли не шарахалась от любых заигрываний. А его чрезмерное внимание к моей персоне очень сильно походило на своеобразный флирт. Лизу-то наш неожиданный спутник всецело игнорировал. И вот я почти что снова заснула, сумев отогнать назойливые мысли, как ощутила резкий толчок. Машина почему-то встала.

— В чём дело? — спросила Каменская, щурясь от ярких солнечных лучей, светивших прямиком на её румяное лицо.

— Не поеду. Дальше сами, — с явным абхазским акцентом ответил ей таксист, разводя руками, мол: «Ничего не поделаешь».

Тут спасти ситуацию взялся Марк, по-рыцарски предлагая доплатить мужчине, но тот пригрозил пальцем и уже на повышенных тонах попросил выметаться из машины в ближайшие секунды. Так мы оказались с кучей вещей посреди узкой грунтовой дороги и пасущихся коров на зелёном лугу.

— Ещё и деньги все забрал! Вот же гад... — приговаривала я, злобно пиная ближайший булыжник.

Лиза тоже устало промычала, усаживаясь на большой чёрный чемодан. От палящего солнца и сухого ветра становилось жарко. Я сняла рубашку, обвязав её вокруг тонкой талии, оставшись в лёгенькой белой майке. Марк последовал моему примеру и вовсе оказался голым по торс. Татуировка, замеченная мною в самолёте, и впрямь была громоздкой: огромная чёрная змея с высунутым раздвоенным языком начиналась головой на шее, тонкими петельками обводила мышцы на крепкой груди, затем спускалась на выделенные рёбра, огибая внушительный пресс, наконец пряча наверняка изящный хвост под широкий брючный ремень. Я, словив себя на том, что уж слишком долго пялюсь, поторопилась отвернуться. Марк, явно заметивший мои метания, тихонько прыснул, после чего удостоился показанного ему

среднего пальца. Каменская, всё это время нас разглядывая, выгнула бровь в немом вопросе и неодобрительно покачала головой.

— Не кисните, — вдруг произнёс он. — Я понял, где мы. На самом деле тут не особо и далеко. Пару часов — и будем в деревне.

— Ещё с кучей вещей по тридцатиградусной жаре не таскалась, — выступила с протестом я. — Лучше подождать, может, кто из местных проедет.

Марк немного задумался, хмуря лоб. Затем медленно кивнул, кажется согласный с моим планом. Первый час прошёл гладко. Мы обсуждали нашу поездку в Сербию и попутно показывали Марку фотографии. Тот почему-то восторга не высказывал, мечта в Каменскую молнии презрения. Я, всё ещё не понимающая их взаимной неприязни, действительно начала подумывать, что они оба меня дурят и давно знакомы. Но предположения говорить не решилась, прекрасно осознавая, что они снова отмахнутся. Следующие два часа дались сложнее. Солнце принялось подпекать ещё сильнее, вода заканчивалась, а ноги устали от неудобного сидячего положения на чемодане. Я в моменте и правда была готова согласиться пройти два часа до дурацкой деревни, лишь бы поскорее прилечь. Но тут возражать принялась Лиза, то ли назло Марку, то ли действительно подвернувшая лодыжку ещё в аэропорту Барселоны. Тогда, чтобы сгладить все углы, Каменская предложила поиграть в «пять фактов о себе».

— Говорите пять фактов, один из которых ложный, и мы должны угадать, какой неверный, — объясняла правила она, выгнув спину в пояснице.

У Лизы фигура была что надо. Грудь третьего размера, осиная талия и широкие бёдра — это всё про неё. Даже с взлохмаченными волосами и полустёртым макияжем она выглядела восхитительно, сверкая загорелой кожей и спортивным телом в ярко-розовом топе. У меня, хоть и тоже фигура являлась типом «песочные часы», но в объёме груди и росте я ей явно уступала, потому и не вызывала такого ошеломительного интереса у незнакомцев.

— Тогда начну, — кивнула я. — Меня зовут Агата Вирхова. Это первый факт.

— Ну так неинтересно, давай что-нибудь повеселее, — закатила глаза Лиза, по-детски надув губы.

— Окей... — призадумавшись, согласилась я. — У меня есть младший брат.

— Правда, — практически в унисон загалдели ребята.

— Верно! — согласилась с ними я. — Так... В шестнадцать лет я загремела в полицию из-за того, что кричала на всю улицу в нетрезвом виде.

— О... Это тоже правда, — рассмеялась Лиза, слишком хорошо узнавшая меня за последний год.

Со следующим фактом — о том, что я боюсь темноты и сплю с ночником — они также оба согласились, хоть Марк и явно посмотрел на реакцию Лизы и только потом положи-

тельно кивнул. Четвёртый факт совсем не лез в голову, поэтому мною было решено значительно упростить им игру и сказать что-нибудь совершенно глупое.

— У меня есть магические способности с детства, — я усмехнулась, готовая к их неодобрительным возгласам.

Но Лиза почему-то помрачнела, отображая на лице кривую улыбку, а Марк так вовсе весь напрягся, чуть ли не процеживая сквозь зубы:

— Правда.

— Не-а. Ты проиграл, — немного растерянно сказала я. — А что, так напоминаю тебе ведьмочку?

Это, скорее, являлось шуткой. Я просто захотела самостоятельно вернуть наш разговор в более комфортный лад, замечая, что благодаря этой игре время впрямь шло куда быстрее. Однако Марк, проведя рукой по непослушным кудряшкам, интригуяще закусил губу. В его глазах на мгновение загорелся ворожащий огонёк.

— Достаточно привлекательную ведьмочку.

Точно флиртует. По его шее стекала капелька пота, спускающаяся ниже на соблазнительный пресс. Чистые, словно весенний сад, зелёные глаза не спускали с меня неоднозначного взора, утягивая следом в пучину. Признаться, от него веяло жуткой самоуверенностью и обычно раздражающей меня наглостью. Но почему-то я не сумела вымолвить и слова, позволяя странному секундному чувству расползтись от груди до живота.

— Так... Теперь говори ты, — прервала наши гляделки Лиза, обращаясь к Марку. — Факты.

— Даже не знаю, что и сказать, — его внимание всё ещё было направлено на меня. — У меня есть две сестры, одна из которых сводная и просто невыносимая.

— Полагаю, правда? — принялась угадывать я, наконец отойдя от непривычного состояния.

Лиза фыркнула, соглашаясь с моим предположением. Её загорелое лицо заметно покраснело, ладони сжались в кулаки. Казалось, достаточно безобидный факт сильно расстроил девушку. И я сразу поняла почему: она рассказывала мне как-то про сводного брата и их достаточно сложные взаимоотношения. А вот Марк явно наслаждался недовольством Каменской, оскалившись словно Чеширский кот.

— Угадали, — хлопнул в ладоши он. — Второй факт: мне двадцать.

— Правда! — моментально ответила Лиза.

— Ага.

— Погоди... Сколько?! — переспросила я.

И он настолько нахально себя вёл, будучи младше на три года?! А на вид и не скажешь...

— А вот и машина.

Лиза кивнула на дорогу. К нам и впрямь приближался старый УАЗик болотного цвета. Что ж... Не самый удобный вид транспорта, но всяко лучше, чем продолжать стоять посреди дороги и заниматься невесть пойми чем. Автомобиль ехал

медленно из-за неровной дороги, проворно объезжая многочисленные ямы. Поэтому трёх человек, активно размахивающих руками на закате, коренастый мужичок разглядел сразу. Мотор заглох, и мужчина, поправив кепку цвета хаки, направился к нам, забавно причёсывая густые усы.

— Как это занесло вас сюда? Видно же, городские, — осмотрел он нас с ног до головы, особенно задерживая взгляд на оголённых бёдрах Лизы. Вот же придурок...

— За наследством приехали. Деревню Змеиный глаз знаете? Нам туда, — попытавшись соорудить самую милую гримасу, рассказала я.

Мужчина мигом изменился в лице: заметно посуровел и как-то позеленел. Размашистые, с прорезью седины брови насупились, ноздри на широком носу принялись активно вдыхать воздух.

— За наследством все горазд, — буркнул он. — Однако в деревню вас не повезу. Да и вам туда соваться не советую.

— Да как так?! Мы же заплатим! — чуть повысила голос я, осознавая, что больше стоять на обочине банально не выдержу.

Мужичок вновь хмуро нас оглядел, пожевывая во рту толстую сигарету. Издав недовольный вздох, он медленно кивнул головой:

— За тридцатку отвезу.

— Тысяч? За УАЗ?! — вновь воскликнула я.

— Гата, — Лиза ласково нажала пальцем мне на ладонь.

— Хорошо, мы согласны.

Я смирила её неодобрительным взглядом, в итоге безысходно разводя руками. Поведение подружки уже который день было жутко странным. И мне данное не нравилось. Не нравилось то, что даже вроде с виду нормальная Каменская вела себя совершенно не подобающе характеру.

— Я заплачу, не переживай, — прошептал Марк, подхватывая мой чемодан. — И держись рядом. Сядем вместе, — оставив меня в смятении, он пошёл помогать укладывать вещи водителю.

Дорога с каждым вздохом только ухудшалась. Мужик вёл неаккуратно и порой небрежно, продолжая мерзко пожевывать сигарету зубами. Порой он разглядывал нас через внутреннее зеркало, слишком похабно причмокивая губами. Я сжималась в сиденье, ощущая его взор на оголённых ключицах. Марк, кажется осознавший моё беспокойство, закопошился в рюкзаке, доставая ту самую чёрную футболку. Уложив её мне на грудь, парень скорчил забавную рожицу, чем ненадолго, но рассмешил.

— А вы не боитесь? В Змеиный-то глаз соваться... — вдруг спросил мужичок, особенно заостря внимание на названии.

— А что с ним? — действительно заинтересовалась я.

Всё-таки, может, не зря нас так невежливо выгнал из машины таксист, да и «этот»... хоть и кажется неприятным, но,

услышав про деревню, сразу отказался ехать, следом запросяв весьма большую сумму.

Мужчина в ответ издал смешок, скорее похожий на хрюк, покрутив пальцем около виска.

— Да все, кто совался туда, не возвращались больше. И Маруська... С деревни моей. Видная была девица, всё при себе, — хищно облизнувшись, он вызвал сразу у всех в салоне рвотный рефлекс. — Поехала туда по делам, говорят, любовным. И не вернулась. Через месяц-другой только труп её нашли, плывущий в реке. Красоты у неё никакой не осталось. И мент, что это дело расследовать начал, тоже не вернулся. Третий месяц уж как без вести пропавшим считается. Да и много таких... Пропавших.

Я нервно сглотнула, поглядывая в запотевшее окно. Смеркалось. Золотистые поля медленно сменялись проплешинами хвойного леса и болотистой местности, которую на низкой машине и не проехать. Впереди дорога виднелась плохо: над лесом всё сильнее сгущался туман, намёка на который не было минут двадцать назад. Погода сильно ухудшилась, затянув некогда голубое небо хмурыми тучами.

— А ты не оглядывайся, девчонка! Всегда тут так. Хоть светло, хоть солнце, как приближаешься к деревне — туман и сырость! Мистика тут творится, точно вам говорю, — проследил за моим взглядом мужчина.

Он рассмеялся, обнажив жёлтые зубы. Я зажмурилась, стараясь успокоиться от резко возникшего страха. Мы-то ту-

да проездом считай. Заберём наследство и смоемся при первой возможности. Если и есть в деревне маньяк, навряд ли успеет нас настигнуть. Да и... знаю я таких местных.

— Верите вы просто во всякий бред в своём селе, — съязвила я.

Марк неожиданно положил массивную ладонь мне на грудь, впиваясь пальцами в чёрную ткань хлопковой футболки. Второй он показал мне знак «тс-с», смеряя достаточно серьёзным и холодным взглядом. Таким, каким ещё ни разу не смотрел, всё время скрываясь за озорными смешинками. Трепет вновь захватил меня с головой.

— *Неверующая ещё! Вот же неверующая потаскуха...*

Голос у мужчины изменился из прокуренного в совершенно нечеловеческий, грубый и глубокий, такой, что эхом звенел в ушах. Я с ужасом взглянула на него, замечая, с какой безумной улыбкой и совершенно не моргая, он уставился в зеркало. Сквозь туман просачивались тусклые огоньки приблизившейся деревни. Автомобиль неожиданно разогнался, отчего я впилась пальцами в сиденье, опасливо прикрывая глаза.

— Немедленно остановитесь! — закричала я.

— *Заткнись, ведьма!!!* — приказал мужчина, резко сворачивая влево, прямоком к толстым деревьям.

Марк накрыл мою ладонь своей, немедля поднимаясь. Туловищем обогнув перегородку, он схватился за руль, стараясь избежать столкновения с грозным стволом ели.

— Тормози.

Уши заложило, я слышала его отдалённо. Голос у Марка приобрёл особенную тональность, такую, что неминуемо усыпляла. Будто и не его вовсе. Он говорил спокойно и уверенно, с точностью зная, какой приказ отдаёт.

— Тормози и исчезни.

— *Таких, как ты... Больше всего терпеть не могу. Таких... Хочу сожрать...* — сквозь зубы цедил водитель, глубоко дыша.

Наши ладони разъединились. Я чувствовала это по резкому холоду, окутавшему кожу. Машина ускорила, поэтому паника усилилась. Мы разобьёмся... Точно разобьёмся. Лиза закричала от страха, вся сжавшись, словно котёнок. Я и сама завопила.

— Остановись немедленно, нечисть. Исчезни с глаз моих, — продолжал вторить Марк.

Он больно захватил щёки мужчины, поворачивая на себя. Всю машину трясло от многочисленных кочек, но парень держался уверенно, хоть как-то помогая контролировать движение второй рукой. Мужик резко завопил, будто дикое животное. Из рта его полилась чёрная жижа, большой струёй стекающая вниз. Резкое торможение. Я больно впечаталась лбом в переднее сиденье, с сильным хрустом в шее откидываясь обратно. Ещё несколько минут — и машину дёрнуло, бросило в сторону, словно разъярённый бык взбрыкнул копытами. Дальше всё произошло в мгновение

ока. Автомобиль, потеряв равновесие, заскользил по мокрой листве, делая несколько болезненных переворотов вниз. Раздался оглушительный скрежет металла, и УАЗ перевернулся вверх тормашками, содрогаясь кузовом, словно живым существом. Лобовое стекло пошло паутиной трещин, рассыпаясь мелкими осколками прямиком на наши лица. Я закрыла глаза, не осознавая — живая ли ещё или это всё чудится.

Воздух был наполнен запахом крови, бензина и горелого металла. Свет резко выскочившей из-под густых туч луны падал на моё искалеченное лицо. Я в последний раз приоткрыла веки, видя перед собой нашего резко заведшегося водителя. Из его неестественно открытого рта продолжала стекать мерзкая жижа, капающая мне на ключицы, а из глаз сочилась густая кровь.

— Ну и дерьмо... — еле слышно проямлила я, теряя сознание.

Издав болезненный стон, я постаралась перевернуться на другую сторону, скрипя жутко неудобной кроватью. Осознание. Я жива. Глаза открылись сами по себе, не веря в случившееся чудо. После такой-то аварии — и выжить. Схватившись за горло, сама того не понимая зачем, я облегчённо вздохнула, когда поняла, что оно практически не болит.

— И ты живой... — хрипло произнесла я, с сильной болью в рёбрах чуть приподнимая голову.

Марк смиренно сидел на углу кровати, внимательно

уткнувшись в какую-то потёртую книгу. С его ушей свисали белые провода от наушников, поэтому от внимательно-го юноши и скрылось моё пробуждение. Поддавшись резко-му желанию, я вновь внимательно его разглядела, впечаты-вая в память каждую деталь. Волосы цвета пугающей меня ночной темноты давно отросли и теперь непокорно вились кудрями, обрамляя лицо. Они то и дело норовили закрыть лоб, добавляя в образ небрежности и определённого мальчи-шеского бунтарства. Лицо у него отличалось особой бледно-стью и симметричными, правильными чертами. Прямой кур-носый нос с выделенным кончиком; чётко очерченные скулы и подбородок с еле заметной ямочкой; губы слегка припух-лые, безумно красивые в улыбке. Но главным акцентом в его внешности безусловно были глаза: зелёные, как лесной мох, как два сверкающих изумруда, излучающих озорные искры, в любой момент готовые превратиться в страстный огонь.

— Понравился? Вижу ведь, — он усмехнулся, растягивая слова.

Наши глаза встретились, и я заметила, как некогда вни-мательный взгляд, сосредоточившийся на мудрёном тексте, смягчился, немного беспокойно проходясь по моим ранам. Он осторожно придвинулся, прикоснулся к ссадине на лбу, которую я ощутила только после накрывших её тёплых паль-цев, затем спустился чуть ниже, остановившись ровно около маленькой родинки под нижним веком. Я стряхнула его ру-ку, нехотя осознавая, что сердце всё-таки пробило тревож-

ную чечётку.

— У тебя есть ужасная привычка: распускать руки, — отшутилась я, стараясь не думать о том, что второй раз поймана с поличным на разглядывании.

— Она появилась только с тобой, — многозначительно поиграл бровями Марк, помогая подняться с кровати.

Боль в теле, конечно, никуда не делась, но была, скорее, из-за перенапряжения, нежели переломов. Двигалась я достаточно резво и активно, несмотря на явную хромоту, что не могло не удивлять. Такая опасная авария, а отделалась лишь парочкой ссадин и сильным шоком. Да и судя по Марку... Не то чтобы он пострадал. На его носу виднелся бежевый пластырь, на левой ноге — небрежно наложенный бинт. И на этом всё.

— Слушай, а Лиза где? Всё в порядке?

Он нахмурился, заставив меня поверить во всё самое ужасное, но затем тихонько «угукнул», открывая дверь на улицу.

— Уехала день назад.

— Как это уехала?! И без меня что ли?

— Да... Ей туда куда-то срочно надо было. Не вдавался в подробности.

Я, хоть и разозлилась на подругу, но, пожалуй, её резкому отъезду удивилась меньше всего. Такой поступок и правда был в стиле Каменской. Она уже так покидала меня раньше времени, вынуждая лететь в новую страну в одиночестве.

Скорее, удивительно, что Лиза вообще изначально согласилась сюда приехать. Главное, что с ней всё хорошо после аварии. Смотрите, уже и смылась куда-то.

— И сколько я пролежала? — вдруг спохватилась я, выходя на крыльцо.

— Три дня. Да ты просыпалась периодически, не помнишь, видимо.

Марк говорил как-то отстранённо, поскорее уводя меня как можно дальше от деревянной избушки, из которой мы вышли. Я же с опаской оглядывалась, всё больше и больше удивляясь происходящему. Местность, мягко говоря, показалась мне странной.

Полностью поглощённая клубками густого, молочного тумана, проникающего в каждую щель и каждый покосившийся дом, перед глазами предстала небольшая деревня, словно осколок давно забытого мира, прилепившийся к склону высокой горы. Из тумана, когтистыми лапами, выступали силуэты домов, построенных из грубо обтёсанных камней или деревянных дощечек. На многочисленных крышах виднелся толстый слой мха, прорастающий в самую глубь. Принюхавшись, меня неминуемо затошнило. В воздухе висел приторный запах гниющих листьев вперемешку с сырой землёй и ещё чем-то более отвратительным. Под разрушающим лёгким слоем дыма от недавно горевшего костра ощущался запах крови. Ещё свежей, только недавно пролитой.

— Странно тут... Жутко очень, — призналась я, покрыв-

шись мурашками от дуновения прохладного ветра.

В некоторых домах виднелись силуэты людей, поворачивающих головы в нашем направлении. Я то и дело оборачивалась, стараясь разглядеть их лица, однако они быстро исчезали за тонкими шторами. Со следующим дуновением ветра я услышала зловещий шёпот, говорящий со мной на неизвестном, явно древнем языке. Творилась тут какая-то... Чертовщина.

— Страшно? — Марк оглядел меня исподлобья, немного ускоряя шаг.

— Немного, — не стала отрицать я, поспевая за ним едва ли.

Меньше всего мне хотелось остаться в этом месте одной. Мимо нас прошла женщина, чьё внимание неминуемо оказалось обращено ко мне. Она цепко взгляделась в мой профиль, недовольно поджимая губы на грубом, изборождённом морщинами лице. Глаза, запавшие глубоко в глазницы, смотрели с недоверием и злобой; одежда была поношенной, из неокрашенной ткани, а тонкую шею украшал амулет из костей животных и перьев птиц. Поторопившись обойти её стороной, я заметила, что Марк наконец остановился. Дом, около которого парень дожидался меня, был более богатым и менее мрачным в сравнении с остальными. Бежевый, украшенный красно-синим узором и с новыми окнами. Он тихонько постучался, и дверь, словно того только и ждала, сразу же открылась. В проход вышел мужчина лет тридцати пя-

ти, ухоженный, весьма симпатичный натурой и одетый в чёрный гольф. Я сразу же узнала в нём знакомые черты и без сомнения распознала того самого дядю по маминой линии, о котором она оповестила меня в телефонном звонке.

— Добрый день, Константин Фёдорович, — поздоровался Марк, пожимая мужчине руку.

Тот в ответ мягко улыбнулся, запуская нас внутрь. Я сразу чихнула от большого скопления пыли в весьма небедно обставленном доме. Раритетная мебель, многочисленные картины в позолоченных рамках и развешанные повсюду шкуры животных. Так и не скажешь, что такой дом находится в глубинке, а не где-то в Подмосковье.

— Агата, меня зовут Константин. Можешь звать меня просто Костя. Я твой дядя, — растягивая каждое слово, будто смакуя его на вкус, произнёс он. — Должно быть, мама мало обо мне говорила. Мы с ней не общаемся уже около лет двадцати.

— Приятно познакомиться, Костя, — кивнула я, решая не оповещать о том, что мама не просто «мало» о нём говорила, а не говорила «вообще».

Он провёл нас на кухню, предварительно поставив чайник кипеть. Сам извинился за то, что покинет нас ненадолго, и вернулся только минут через десять с медной шкатулкой в руках.

— Твой прадед, Михаил, несколько раз писал завещание и все разы оставлял эту шкатулку на твоё имя. Наказывал

никогда не открывать никому, кроме тебя, и вещь, что там лежит, тоже не трогать.

Да уж... Видимо, в этой деревне у всех крыша поехала. Предавать столько значения какой-то дедовской шкатулке. Размяв пальцы, я потянулась к «наследству», недовольно подмечая то, что дядя не особо торопился его отдавать. С особой жадностью вцепившись в шершавое дно, он жалобно пропыхтел, прежде чем окончательно вручить его владелице.

— Что-то вы, Константин Фёдорович, устали. Лучше уж прилягте отдохнуть, — порекомендовал Марк, и сам не без любопытства оглядывая вещицу.

Может быть, она какая-то драгоценная? Сильно дорогая? А то не мог же дедушка не позаботиться о правнучке, которую ни разу не видел... Хотя с виду выглядела обычной. Слегка потрёпанная временем, с крышкой, на которой виднелись ещё различимые фрагменты замурованного орнамента; замок, заржавевший и тугой, едва ли поддавался открытию. Шкатулка издала протяжной, скрипучий стон, наконец сдаваясь в мои умелые руки. Внутри, на подкладке из выцветшего бархата, одиноко лежало кольцо. Выполненное из тёмного, словно ночь, серебра, сияющее приглушённым, таинственным светом. В центре, обвивая кольцо, застыла змея, мастерски выполненная кропотливой работой. Её чешуйки были проработаны с удивительной точностью, каждая из них отображала свет, создавая иллюзию живого движения. Глаза

змеи, инкрустированные двумя крошечными рубинами, горели кровавым огнём. Я взяла его в руки, покрутив под разным освещением.

— Красивое... — восхищённо вынесла вердикт. — Видно, что старинное. Можно продать за весьма недурную сумму, уверена.

— Не вздумай! — неожиданно громко воскликнул Марк.

Он и сам понял, что оплошал, сильно сжав моё худощавое запястье. Немного дёрнулся, будто выходя из пограничного состояния, глупо почесав волосы на затылке.

— Ну, в плане, оно же фамильное... Кто такое продаёт.

— М-м... Да, тоже правда. Оставлю на худой конец, — согласилась я. — Жаль, что не ношу серебро.

Марк насупился, на скулах его забегали желваки. Повернувшись к чайнику, он по-хозяйски принялся выискивать кружки, в последующем небрежно разливая в них кипяток с заваркой.

— Горло же болит. Выпей, — с шепоткой заботы в голосе произнёс парень, вновь усаживаясь на шаткий стул.

Не став спорить, я отпила свежий напиток, наслаждаясь нотками лаванды и, кажется, чабреца. Невероятно вкусный чай, по правде. Никогда такого не пробовала.

— Примеришь может хоть?

Теперь он походил на жалобного маленького щеночка, выпрашивающего кусок свежего мяса. Уж больно моляще на меня глядел.

— А, кстати... — вдруг озарило меня. — Откуда дядю моего знаешь? Да и к дому провёл без каких-то проблем.

Подав мне сахар, Марк отвлёкся на поиск ложки, только потом отвечая на вопрос.

— Говорил же, бабушка тут жила раньше. В детстве часто сюда ездил, так и познакомились. Деревня маленькая же, все друг друга знают. У Константина Фёдоровича сын есть, младше меня на пару лет, часто с ним в лес ходили гулять.

Звучало всё достаточно складно, однако чувство едкого «но» меня не покидало. Творилось то, от чего волосы дыбом вставали. То чудище в ванной, то самолёт, теперь ещё... Точно!

— А мужик тот? Что с ним? Что за чёрная жижа у него полилась со рта? И почему он тебя послушался? — вдруг прорвало меня.

После пробуждения моё состояние можно было назвать коматозным, и только сейчас я окончательно проснулась, сразу же осознавая наверняка — разобраться во всём надо и быстро.

— Жижа? Не видел. Да и не говорил я ничего. Просто ударил его, чтобы тот дал по тормозам. Тяжёлая дорога, занесло не в ту сторону, растерялся. Я очнулся раньше всех, его уже не видно нигде было, видимо, пешим ходом улизнул. Местные хорошо лес знают, — Марк самостоятельно перемешал мне сахар в чае. — А кольцо-то примеришь?

— Да какое кольцо?! Говорю же, эта жижа мне даже на ли-

цо накапала! Мне точно не приснилось, я всё отлично помню, — отказываясь воспринимать его ответ всерьёз, запротестовала я. — И ты бормотал что-то, приказывал ему остановиться. Сам на себя был не похож!

На щеках Марка начали проскакивать ямочки. Он растерянно улыбнулся, легонько прикасаясь к моему лбу.

— У тебя шок после аварии. Потом в себя придёшь, ещё посмеёшься.

Я резко поднялась, разливая горячую жидкость на стол. Табуретка противно задрожала, ударяя меня по бёдрам. Всё происходящее — сумасшествие! И деревня, и авария, и даже этот Марк, Бог пойми откуда взявшийся... Все вокруг сошли с ума! Наспех подобрав шкатулку с кольцом, я направилась к выходу, намереваясь немедленно отыскать телефон и дозвониться до мамы или службы спасения... Да до кого угодно, лишь бы меня забрали отсюда в целости и сохранности.

— Агата! Ты куда? — спохватился Марк, совсем нежелательно следуя за мной.

— Куда-куда? Домой. Просили забрать наследство — забрала. А теперь с меня хватит!

Быстро надевая обувь, я оттолкнула от себя дядю Костю, попытавшегося перегородить проход, и вывалилась на туманную улицу. Голова невыносимо сильно болела, дыхание от сдавших нервов стало тяжёлым, беспокойным. Самостоятельно сумев добрести до известной мне хижины, всячески игнорируя зловещие взгляды выглядывающих из окон жите-

лей деревни, я забежала в тёплую маленькую спальню, начиная с особым старанием раскидывать вещи по полу.

— Да где же он?!

— Твой телефон разбился, когда мы попали в аварию.

Марк зашёл за мной, кажется закрывая дверь на защёлку.

Я смерила его враждебным взглядом, озлобленно вскрикивая.

— Можешь взять мой, но связи нет.

Он протянул новенький смартфон, подтверждающий его слова ярко светящим экраном с мелкими трещинами. Снова недобро промычав, я отпихнула его от себя, попутно забирая полусобранный чемодан. Мы ехали не больше сорока минут... Пешком до грунтовой дороги где-то два часа, как и говорил Марк. Доберусь. Сегодня прохладно, так что доберусь. Словлю попутку и доеду до ближайшего города, а там уже и до Москвы рукой подать.

Мои мысли мельтешили в хаотичном порядке. В теле появилась необъяснимая слабость, а голова болела всё сильнее и сильнее. Однако я продолжала бежать, не осознавая, правильное ли выбрала направление. Едва ли смотря под ноги, споткнулась, с неприятным хрустом падая на каменистую дорожку. Поднявшись, громко и истошно закричала, птясь назад. Передо мной возвышался огромный каменный идол. Его искажённое лицо, с огромными пустыми глазницами и звериным оскалом, было обращено к небу. Вокруг идола на земле виднелись тёмные пятна свежей крови. Больше не мог-

ла терпеть... Сознание стало совсем непослушным и прозрачным. Сильно тянуло спать. Да... Я потеряла сознание. В третий раз за идущую неделю.

Глава 3: Ведьмины проделки.

Запах благовоний, рассеянный по комнате, приятно расслаблял, как и вино, медленно исчезающее из бокала. Весь день сидя как на иголках, я смиренно дожидалась остальных, не желая делать выводы раньше времени. Главное, что за окном виднелись яркие огни никогда не спящей Москвы. Главное, что я дома — в целости и сохранности. Как и хотела.

В голове то и дело мелькали события вчерашнего кошмарного сна: водитель с вытекающей изо рта жижей и чудище, сжимающее шею до хруста. Я отмахивалась от них, ведь мама и впрямь прилетела домой и пообещала во всём разобраться. И плевать, что в нашей просторной квартире почему-то всё ещё находился Марк, кажется, тогда не позволивший мне разбить голову своей резкой потерей сознания. Плевать, что вернулась черт пойми откуда Лиза, пока что не сказавшая мне ни слова. И, в конце концов, уж точно плевать, что они заперлись на кухне вместе с мамой и треклятой шкатулкой, обсуждая невесть что уже второй час. Меня на переговоры никто не пригласил, а я и не стала напрашиваться, решив лучше как следует вымыться и отдохнуть, наслаждаясь всеми благами цивилизации.

Спустя ещё какой-то жалкий час и несколько съеденных бутербродов под скучный сериал послышались шаги. Я тут же встрепенулась, стараясь скрыть очевидное волнение.

Первой вышла мама, явно недовольная и уставшая. Следом за ней послышался хлопок парадной двери. Женщина поправила квадратные очки для зрения, присаживаясь рядом. Обняв меня так, словно больше никогда не получится, мама положила мне голову на плечо, перебирая золотистые пряди пальцами. Я взволнованно погладила в ответ её — поседевшие, подмечая, что за четыре года разлуки она заметно постарела, проиграв в схватке с вечной молодостью.

— Агачка, — ласково позвала меня она, едва ли не хныча.

Я закусила губу, не зная, что и спросить. Устала ли она так после перелёта? Или, быть может, соскучилась? Мама всегда злилась, что я не навещала их в Германии, соглашаясь лишь на видео-звонки. Знала, что она скучает. Я знала, но сильно желала долгожданной свободы, которой мне не хватало с детства. Родители всегда душили меня репетиторами, сиделками с братом и гиперопекой.

— Ну... Что случилось?

Прижав её ближе, я почувствовала по-настоящему родной запах маминых духов, которым она не изменяла многие годы. Вдохнув его глубже, меня вновь окатила волна спокойствия. Чтобы она ни сказала, я это приму. Пообещаю себе, что приму.

— Прозвучит дико... Но мы с папой посоветовались и хотим отправить тебя на учёбу в одно престижное заведение. Оно находится в горах, как раз можно отдохнуть душой и

оздоровиться.

Я от неё отпрянула, делая несколько глубоких вдохов, чтобы не вспылить. Глаза у меня пошли в маму, такие же янтарные и жалостливые. Поэтому, стоило бы мне на неё прикрикнуть, так сразу бы и ощутила себя тираном и неблагодарной дочерью.

— И что же это за заведение такое, что я в него поступила без экзаменов? Да и... мне в московском осталось год доучиться. Если вам так важно образование, я вернусь из академа. Это же легче, чем начинать всё с начала.

Мама закусила щёку — наша общая с ней привычка. Следом отрицательно замотала головой.

— Нет уж, Агаточка. Папа очень зол из-за твоего долгого путешествия. Мы уже купили билет на завтра. И да, экзамены будут. Просто внутренние.

— Значит, папа зол?! Да вы хоть представляете, что мне пришлось пережить из-за этой поездки за твоим наследством? Да я чуть не разбилась, мама! И ещё этот лес... И туман, и люди в этой деревне странные!

Я захныкала, больше не сдерживая эмоций. Слезы градом полились по моим щекам. Меня распирало от обиды. Ведь я сделала, как они сказали, даже была готова снова вернуться на учёбу и жить в Москве, забив на глупого бывшего. Но им было недостаточно: мучить меня той отвратительной поездкой. Да как вообще можно так поступать со своей дочерью?..

— Ну же... — мама подошла ко мне, вновь заключая в

объятия. — Милая, перестань.

Она гладила меня по спине, зарываясь тонким носом в мягкие волосы. Я чувствовала грудь, как громко и быстро билось её сердце; ощущала каждый вздрог тонких пальцев на шее. Ольга — именно так звали мою маму, — хоть и являлась по образованию психологом, в такие моменты заметно терялась и действовала скорее интуитивно, чем применяла какие-либо практики, выученные в институте.

Когда стало легче, я, всё ещё шмыгая носом, закуталась в тёплое одеяло, будто стараясь скрыться от внешнего мира. Мама вернулась позже, с чашками вкуснейшего какао, немедля отвечая на все мои вопросы. Я спрашивала её о том, что за дядя и прадед, почему шкатулка такая ценная и о чём она разговаривала с Лизой и Марком, которые ушли не попрощавшись. Женщина отвечала туманно и как-то неуверенно, лишь крепя в моей душе обиду.

— Прадед твой Михаил долгожил. Всех своих сыновей пережил, в итоге поселившись в той деревушке. Константин — мой младший брат, всегда был близок к дедушке больше. Я как-то с детства его шугалась, не особо трепетно относясь к нашему общению. В конце концов, в молодости мы с Костей рассорились сильно... У нас с ним были слишком уж разные взгляды на жизнь. Так и не общались. Я, честно говоря, и не думала, что дедушка Миша живой. Думала, что Костя просто мне не сообщил. А оно вон как вышло... Что позвонили тебе, а не мне даже.

— И трезвонили постоянно, мама! Днём и ночью какая-то дамочка требовала приехать за наследством.

— Да это Жанна, наверное. Костина жена. Та ещё... — мама недовольно цокнула, сдержавшись в выражениях. — А с друзьями твоими... Да ничего такого, просто обсуждали произошедшее. Лиза сказала, что уехала, надеясь вызвать вам помощь, но ты, видимо, решила всё взять в свои руки.

Помощь? В моей голове не было и мысли, что Елизавета Каменская рванула бы в одиночку за помощью, с учётом того, с каким она потрясением даже на американских горках каталась. А тут глядите какая, отважная... Про шкатулку мама и вовсе промолчала, что-то проямлив о том, что и сама не знает, а за наследством направила, думая, что прадедушка дом на меня оставил. На обучение они с отцом меня, как оказалось, хотели отправить в Сочинские горы. Какое совпадение! Однако мама даже показала сайт университета. С виду «Международный университет имени Александра Вознесенского» казался вполне себе реальным. Красивый сайт с большим количеством фотографий, отзывы студентов, анкеты преподавателей с разных факультетов и, самое главное, официальная лицензия.

— Чтобы такой престижный университет мирового уровня — и в России... Так ещё не в Москве, а в Сочи, — всё ещё веря с натяжкой, бормотала я посреди ночи, вглядываясь в красивые картинки.

Мама ушла спать, наказав, что разбудит меня ровно в семь

утра. Я же не могла сомкнуть глаз, словно загипнотизированная пытаюсь найти подвох. Уж больно всё странно. И шкапулка, всё ещё стоящая у меня на столе. Почему Марк так активно просил меня надеть кольцо? Неужто вдохновился атмосферой поезавших жителей деревни? Однако стоило ему отдать должное. Со слов мамы, бедолага донёс меня на руках до дороги, ещё несколько часов ожидая хоть какую-то попутку.

— Да пофиг!

Отложив телефон, я прикрыла веки, вновь наслаждаясь запахом благовоний. Практически заснув, резко подскочила: неожиданно раздался громкий треск. В комнате, освещаемой лишь тусклым ночником, я обнаружила лежащую на полу зловещую шкапулку с вывалившимся из неё кольцом.

— И как она упала-то...

Вроде стояла на ровной поверхности, и сквозняк такую громадину ну явно бы не уронил. Вернув кольцо на бархатную подкладку, я почти что закрыла её обратно на замок, как ощутила чьё-то присутствие за спиной. Холодные, все в мелких бородавках и трещинах, руки обвили мои, прижимая к себе ближе. Я не видела лица этого «нечто», но ощущала его противное, пропахшее чем-то тухлым, дыхание.

— *Надень кольцо, Агата. Надень его, мерзавка!*

Голос, словно не из мира живых, схожий с тем, которым на меня кричал мужчина в машине. Существо прижало меня ближе, сдирая гнилыми ногтями поверхностный слой кожи

с моих рук. Я зашипела от боли, зовя на помощь маму. А «оно» тем временем перехватило меня за волосы, противно звякнув острыми зубами.

— *Надень его, Агата-а... Или сдо-о-хнешь.*

Влажный длинный язык существа достал до моей шеи, облизывая оголённый участок, словно смакуя перед тем, как откусить кусок. Я вновь позвала на помощь, но мама не приходила. Скальп пекло от невероятной боли. Казалось, что ещё чуть-чуть — и существо выдернет каждый волос с корнем, в последующем пронзив острыми зубами голую плоть. Трясущейся рукой я захватила перстень, медленно натягивая его на безымянный палец. Кольцо, что ещё с минуту назад было явно слишком большим для моих миниатюрных пальцев, словно уменьшилось, мелкими внутренними шипами обвивая фалангу.

Стоило холодному металлу соприкоснуться с горячей кожей, как чудище исчезло, словно его никогда и не было. Сердце ещё долго не получалось успокоить. Нервно блуждая по комнате, ожидая, что ужасное «нечто» вернётся, я опасливо пялилась на кольцо, всё-таки не решаясь снять его. Напоминали о том, что произошло не сон, лишь мелкие царапины, оставленные острыми когтями. Я бросилась обрабатывать раны, добираясь до ванны на носочках. Недовольно взглянув на отражение в зеркале, удручённо простонала. Да уж... От некогда здорового румянца ничего не осталось. На ровном лбу — небольшая гематома; на миниатюрном вздёр-

нутом носике — уродливая царапина, а к россыпи мелких родинок на щеках присоединились кровоподтёки. И глаза... такие большие и глубокие, цвета застывшего янтаря. Глаза, что всегда мне безумно нравилось разглядывать при дневном свете, потухли, заменяя природную красоту сине-фиолетовыми мешками под ними.

— Это что, седой волос?! Так дело не пойдёт... Точно свихнусь.

Я умылась, прекрасно понимая, что не сумею заснуть вплоть до утра. Бесшумно зайдя в комнату мамы, легла рядом на широкую двуспальную кровать, надеясь найти в хрупкой женщине хоть какую-то защиту. Было страшно, до дрожи в костях страшно. Я думала, что с отъездом из жуткой деревни... Что после того, как заберу дурацкое наследство, всё закончится. Но в итоге, кажется, стало, наоборот, более запутанным. Вглядываясь в собственную руку, я прокрутила кольцо в пол-оборота, всё ещё не понимая его уникальности. Красивое, конечно. Но чтобы наводить такую жуть...

В попытках разгадать тайну таинственной драгоценности я пролежала до самого утра и первого мамино будильника. Сонно потянувшись, Ольга сняла беруши, полностью отменяя все вопросы о том, почему она не слышала моих поистине тревожных криков, только спустя минуту замечая свою дочь, скрывающую лицо подушкой.

— Чего это ты тут? — щекочущими движениями провела пальцами по моей спине она.

— Было страшно.

— Страшно?

Мама рассмеялась, что-то проворчав про завтрак. Я кивнула на овсянку и крепкий кофе, нежеланно поднимаясь. Полное отсутствие сна явно сказалось на самочувствии не лучшим образом: меня кружило из стороны в сторону, как пьяную. В итоге, расправившись со всеми ванными процедурами и нанеся плотный слой тонального крема, полностью скрывающего «новшества» на лице, я также молниеносно расправилась с едой, уходя складывать вещи в ещё не до конца разложенный чемодан. Теперь новость о резком зачислении в новый университет не столько меня удручала, сколько радовала. Возможно, там мне правда станет лучше и мистические происшествия перестанут обрушиваться на мою бедную тонкую душу.

По пути в аэропорт мы, конечно же, попали в привычную для Москвы пробку, в которой я сумела хоть чуть-чуть, но насладиться желанным сном, перед этим испуганно подмечая, что в машине ощущаю себя в большей безопасности, нежели дома. Перед первым пропускным пунктом мама крепко меня обняла на прощание, запланировав обязательно отпраздновать Новый год вместе.

— И никому там не доверяй. Никому. Поняла, Агаточка?

Мама поцеловала меня в висок, махая на прощание, пока полностью не растворилась в толпе. Я ещё долго не могла отпустить её прощальные слова, продолжавшие крутить-

ся в мыслительной ленте и в зале ожидания, и даже тогда, когда села в самолёт, на сей раз наполненный большим количеством пассажиров. На выходе из Сочинского аэропорта, в котором, совершенно не по собственному желанию, я оказалась вот уже второй раз за неделю, меня встретил мужчина с моим именем на табличке. Мы сели в чёрный новенький автомобиль небезызвестной марки «Мерседес» и направились в дальнейший путь.

— Это всех студентов на такой машине встречают?

— Всех, Агата Робертовна. Всех без исключения.

Я одобрительно поджала губы, немного расслабляясь. Перелёт дался легко, и водитель, облачённый в чёрный смокинг, не вызывал подозрений.

«*Может, всё правда наладилось?*» — успела подумать я, прежде чем заметила, что после серпантина мы заехали в уж больно знакомую местность. Снова зелёные поля с пасущимся на них скотом и резко ухудшившаяся крутая дорога к лесу.

Насупившись, я уткнулась в телефон, подмечая, что и мобильная связь пропала, а туман начал сгущаться. Инстинктивно напрягшись, нервно затарабанила пальцами по руке, стараясь сосредоточиться на музыке в наушниках. Возможно, совпадение... Чистая случайность, что дорога, ведущая в университет, огибала треклятую деревню «Змеиный Глаз». Неожиданно в тумане промелькнула тень, быстро скрывающаяся от людского взора. Затем вторая... За всю пятнадца-

тиминутную дорогу я насчитала около десяти промелькнувших силуэтов, отдалённо напоминающих человеческие.

— Не беспокойтесь, Агата Робертовна, они вас не тронут,
— мягко произнёс водитель, заметно ускоряясь.

— Кто «они»?

— Заблудшие души... Кто же ещё?

Его лицо было плохо видно из-под тёмных солнцезащитных очков, однако на губах не появилось и намёка на усмешку. И снова ускоренное сердцебиение. С виду весьма осознанный и адекватный взрослый мужчина, а говорит подобную ересь. Хотя... с последними событиями я и существованию великанов не удивлюсь. В ответ произнеся что-то нечленораздельное, облегчённо выдохнула, когда лес, а следом за ним и маленькая деревушка, остались позади.

Пара резких поворотов — и передо мной открылся вид на здание университета, вздымающееся над окрестностями, словно скалистый пик, поросший мхом и увитый плющом, а не возведённый из камня и бетона. Прямо над самой крышей здания расположилась красивая гора, украшающая вид могучим хребтом.

— Гора Ахун, — подсказал мне водитель. — Одна из самых сильных энергетически и мистических гор в Сочи.

Кивнув, я восторженно продолжала разглядывать живописные виды, насквозь позабыв о недавней тревоге. Мы проехали через автоматические ворота, тем самым оказываясь на территории университета. Территория была зелёной и яр-

кой, пестрящей различными чудами флоры. Множество деревьев и цветов, за которыми явно трепетно ухаживали и следили, не позволяя краскам природы иссякнуть в непроглядном тумане. Само здание было большим, даже масштабным, выполненным в старом стиле. Высокие башни, скреплённые главным корпусом, с многочисленными окнами различных форм и размеров. Стены, исписанные древними рунами, и разноцветные светильники, наверняка красиво подсвечивающие университет ночью. И, самое главное, — всё в точности, как на сайте, совсем не похожее на обман или чью-то злую шутку. Когда автомобиль остановился, водитель поторопился открыть мне дверь и выдать багаж, в последующем желая удачного учебного года.

Я постояла с минуту напротив больших чёрных дверей, какое-то время не решаясь зайти, но в итоге переступила через порог, чуть ли не охая от восхищения. Две широкие лестницы вели в огромные лабиринты коридоров и залов; стены, украшенные гобеленами с изображениями мифологических сцен, и красивейшая мозаика, выстилающая каждый уголок пола. В воздухе витал запах трав, воска и старых книг. Я вдохновлённо прошла дальше, желая найти ректорат. Однако кое-что меня отвлекло. А если быть точнее, кое-кто. Среди массы студентов, торопящихся кто куда, мною был замечен жутко знакомый конский густой хвост Каменской, о чём-то улыбочиво трещавшей с ещё одной, белобрысой девицей. Увидев меня, Лиза быстро отвернулась и поторопилась под-

няться наверх, полностью растворяясь в потоке молодых ребят, только вышедших с занятий.

— Может, просто похожая девчонка?.. — пробормотала под нос я, сразу находя новую проблему себе на голову.

Не успев пройти и десять метров, неуклюже врезалась в уж слишком высокого и широкоплечего, по моему экспертному мнению, парня. Ну а что, с такими габаритами, как у этого амбала, его невозможно обойти!

— Извините, — буркнула я, сталкиваясь с ядовитым взглядом.

Голубо-серые выразительные глаза незнакомца были готовы прожечь во мне дыру, сотканную из ненависти и сразу же возникшего напряжения.

— Может, дашь пройти?

Его грубый хриплый голос так и сквозил неприязнью. Боясь ещё раз столкнуться с ним глазами, я почти что взяла себя в руки, готовая дать отпор, но меня спасли от возможно неминуемого позора. Кто-то вальяжно ткнул моё плечо пальцем.

— *Вирхова Агата Робертовна?*

Позади меня стояла высокая худощавая женщина лет сорока, с хаотичными ярко-рыжими курчавыми волосами, торчащими в разные стороны; крючковатым носом и большим уродливым шрамом, идущим от квадратного лба до острой скулы. Она достаточно обворожительно мне улыбнулась, неловко поправив оправу толстых округлых очков.

— Всё верно.

— Тогда следуйте за мной, — женщина подхватила розовый чемодан, особо резко разворачиваясь на длинных шпильках. — О, и, Ян, марш на лекцию! Уже пять минут, как должен быть там.

Я восторженно взглянула на свою спасительницу, мысленно благодаря её за то, что поставила этого хамовитого придурка на место. Хоть и, признаться, весьма симпатичного, учитывая его крепкое телосложение, видное даже сквозь свободную белую рубашку.

Мы прошли пару пролётов, наконец останавливаясь у большой двери с надписью: «Ректорат».

— Итак, Агата Робертовна, — позвала меня женщина, присаживаясь на большое бордовое кресло.

Я огляделась, подмечая, что её кабинет оказался достаточно эксцентричным и... даже, можно сказать, пугающим. На стенах, освещаемых лишь игриво трещащим камином, висели шкуры бедных животных и несколько мрачных картин с изображениями языческих жертвоприношений. На деревянном столе, оббитом плющом, красовалось бездыханное чучело ворона с приоткрытым клювом, глядящего чёрными неморгающими глазами прямоиком на меня, а из умной колонки, пожалуй, единственной современной вещи в помещении, звучала какая-то успокаивающая мантра.

— Д-да? — с лёгкой дрожью спросила я, готовая к сдаче любого экзамена.

Раз уж родители так уверенно меня сюда упекли, то и о несдаче можно было не задумываться, верно?

— Вообще, мы проводим серьёзные вступительные экзамены. Многие и не мечтают к нам поступить.

— Так...

— Но вас, считай, зачисляем экстерном сразу на Восьмой год. Комната в общежитии у вас сто вторая. Седьмой, Восьмой и Девятый годы живут в северном крыле. Девушки в правой части, юноши в левой.

— И... Это всё?

Женщина, на чьей рубашке красовался позолоченный бейджик с надписью: «Ляшкевич Лидия Рустемовна. Ректор», вновь невероятно красиво растянула алые губы, неоднозначно склоняя голову влево.

— Выдам вам соответствующее расписание, потом пройдёте пару тестов для определения уникальности.

Немного загрузившись информацией, я уточнила:

— Простите, но... Что за «уникальность»? И почему Восьмой год? В Московском на журналистике было всего четыре бакалавриата.

Лидия Рустемовна многозначительно на меня посмотрела, вскоре скрывая взгляд карих глаз за очками. Затем покопалась в бумажках на столе, выдавая белоснежный лист с жирным шрифтом посередине.

Расписание «Восьмой год»:

Природные навыки:

1. Травничество;

2. Керамика;

Практические навыки:

1. Ритуальная практика и жертвоприношения;

2. Стихийная магия (на выбор);

3. Кристаллы и их свойства;

4. Высшая эмпатия и телепатия;

5. Астральная магия.

Теоретические дисциплины:

1. Геомантия;

2. Мифология;

3. Зоология и жертвоприношения;

4. История ведьм и их ковеннов.

Прошерстив список «от» и «до», я тихонько хихикнула, искривляя губы.

— Извините, это шутка какая-то? Я приехала обучаться журналистике в престижном, судя по отзывам, университете, а не всякой сектантской чуши.

— Агата Робертовна, — женщина протянула мне руку с длинными красными ногтями, просвечивающими через тонкую ткань перчаток, — прошу не называть дисциплины, которые мы преподаём долгие годы, «сектантской чушью», — заметив, что я не особо тороплюсь к тактильностям, Лидия Рустемовна откинулась на спинку кресла. — Привозить вас сюда на целый учебный год было спорным вопросом. И да, именно я яро выступала за эту затею, предпочитая ввести

вас, прежде всего, в курс дела хотя бы немного до начала отборочного турнира.

— И что за турнир? — не сдержала улыбки я.

Не то чтобы я являлась яркой атеисткой и всецело отрицала существование потусторонних сил. Нет, мне всегда хотелось верить в Бога и, порой, даже в нечто более тёмное и зловещее. Но обучение магии... Звучало уж слишком глупо и несуразно.

— Турнир ночи, на котором ученики старших годов сражаются за обладание так называемой давно утерянной реликвии «Змеиное кольцо». Это, скорее, дань традициям, ведь дареные победителям кольца являются не больше чем репликой. Мы так отдаём дань Тринебогине, когда-то давно нас породившей.

Я звонко расхохоталась, чуть ли не складываясь пополам.

— Ведьмы? Обучение магии? Магический турнир? Может, лучше сразу в больницу для душевнобольных? — сквозь громкий смех, с явной иронией, произнесла я.

Ректор умиротворённо наблюдала за моей истерикой, сложив руки в замок. От женщины исходило небывалое спокойствие. Казалось, даже если я прямо сейчас встану на стол и начну на нём прыгать, она так и продолжит молча наблюдать.

Когда от смеха начало чесаться горло, я прокашлялась, всё ещё с определённым озорством разглядывая окружение. Поехавшие... Точно поехавшие... Надо срочно звонить родителям и просить увезти меня обратно. Обучаться в дурдо-

ме и изучать всякий бред я не намерена.

— Успокоились, Агата Робертовна? — спросила ректор, поправляя съехавшую лямку тёмного бархатного платья в пол.

— Немного, — склонила голову я.

Улыбка сразу же спала с моего лица, когда Лидия Рустемовна открыла ящик в столе и, немного покопошившись в накопившейся в нём грудё вещей, вытащила небольшой канцелярский нож. На этот раз она не стала ожидать, когда я протяну ей ладонь, и просто ухватила за неё, обвивая запястье, словно змея.

— Чт-то вы...

Не дав мне договорить, женщина полоснула ножом по бледной коже. Я зашипела, немедленно вырывая руку. Лидия Рустемовна, по-прежнему с, уже кажущейся не столь обворожительной, сколь угрожающей улыбкой, подала мне бинт, немного морща лоб.

— Как это не ведьма? Вы на кровь свою посмотрите, — она кивнула на рану.

Стекающая на белую бумажку кровь была густой, тягучей, но что более странно — чёрной, с лишь лёгким очертанием бордового. Да не может быть такого... Я столько раз ранилась, и кровь всегда лилась обычная, как у всех: алая, иногда, может, чуть более тёмная, в зависимости от глубины пореза.

— Вы ведь надели кольцо, Агата Робертовна? — она метнула быстрый взгляд на безымянный палец. — Кольцо вас

приняло. Поздравляю, теперь вы — полноценная ведьма.

— Это что за фокусы такие?... — пробормотала я, пытаюсь понять, как такое возможно повернуть и остаться незамеченным.

— Что? Всё ещё не верите? А если так?

Женщина сняла фестончатую перчатку с левой руки, являя миру многочисленные перстни, её украшавшие. Следом щёлкнула пальцами, скорее для большей эффектности. На основании её острых коготков стали показываться искры, впоследствии всё сильнее разгорающиеся и превращающиеся в полноценный оранжевый огонёк, тянущий ко мне тонкие языки пламени. Я охнула, прикрывая округлившийся рот. Легонько себя ущипнула, думая о том, что до сих пор сплю в московской пробке. Но картинка реальности не сменилась, по-прежнему показывая мне тусклый кабинет и яркий огонь, торчащий из костлявых пальцев, схожий с тем, что горел в камине. Я ощущала исходящий от него жар и видела клубящийся вокруг серый дым.

— Теперь достаточно доказательств?

Я заторможенно кивнула, чему женщина усмехнулась, вновь произнеся приторным голоском:

— Тогда перейдём к тестированию уникальности.

Аккуратно обхватив рукоятку ножа, мокрого от мелких капелек моей крови, Лидия Рустемовна резко схватила меня за горло и, что есть силы, всадила остриё прямым в сонную артерию. Ухватившись за рану, я растерянно посмотрела на

чёрную кровь, мощной напористой струёй окрашивающую белое летнее платье. Затем перевела ещё не осознавший ничего взгляд на ректора, на лице которой впервые проскользнула нотка напряжения. Она завела мне прядь за ухо, нежно напевая играющую на фоне мантру.

Кровь продолжала нескончаемо литься, не сдерживаемая плотно прижатыми подушечками пальцев. В последний раз вздохнув, я упала на пол. Странное здесь... тестирование.

Глава 4: Смерть не разлучит.

Надо мной свисал мужчина с неестественно широким ртом, из которого стекала мерзкая чёрная жижа, тягучими каплями ложающаяся на мои щёки. Я постаралась двинуться, но осознала, что ноги целиком зажаты чем-то тяжёлым. Я их не чувствовала. Совсем не чувствовала. Мужчина скрипуче прокряхтел. Он, повисший на ремне безопасности, бездумно болтал переломанными, искривлёнными в разные стороны конечностями, пытаясь дотянуться до длиннющего осколка стекла.

Раз... Два... Три... Четыре... Я отсчитывала секунды, вслушиваясь в противное копошение над ухом. Лизы и Марка в машине не было. Выпали перед падением?... Надеюсь, что хоть кому-то повезло больше, чем мне, я медленно ждала смерти, понимая, что из такой заварушки уже не выбраться. Мужчина наконец дотянулся до осколка и, словно проверяя его на остроту, всадил сначала лезвие в свою пустую глазницу, причмокивая губами, словно псина, обгладывающая кость. Затем, удостоверившись в работоспособности орудия, он разрезал ремень, всем телом обрушиваясь на меня. Я издала глухой стон, предпринимая бесполезную попытку оттолкнуть его от себя.

— Ведьма... Должна... Умереть...

Тяжело дыша, прошептал мне на ухо он, вонзая стекло

прямиком в гортань. Я ощутила громкий хруст и запах скорой смерти.

— Уходи, нечисть. Исчезни...

Чей-то спокойный голос и тёплые руки, охватившие мою талию.

Закутавшись в тёплом одеяле, пропахшем приятным запахом кондиционера, я резко раскрыла глаза, ощущая чувство дежавю. Снова жива... И тогда в машине... Кажется, тогда я тоже умерла.

— Что за чёрт...

Резво прыгнув с кровати, я запуталась в собственных ногах, неуклюже падая на пол. Постойте... На полу расположился мягкий волосатый ковёр бежевого цвета, позволивший избежать следующей за неудачей боли. Совсем неизвестный мне ковёр. Поднявшись и отряхнувшись, я дезориентированно посмотрела по сторонам. Хоть и небольшая, но уютная из-за тёплого света спальная комната с расположенными по углам прямоугольными кроватями, задрапированными пастельно-розовым шёлком. Голые, расписанные вручную округлые стены, изображающие различные руны и, кажется, защитные символы. Над каждой кроватью — пара деревянных полок, заполненных разными книгами в тёмных обложках, а рядом — миниатюрные стеклянные столики для обучения. Потолок тоже разрисованный, с приклеенными к нему люминесцентными разноцветными звёздами. И огром-

ное полукруглое окно, прикрытое тоненькой белой тюлью.
— Четыре кровати... Общежитие, да?

Я довольно огляделась, ловя себя на мысли, что обустройство комнаты мне пришлось по вкусу. Затем быстро встряхнула головой, вновь вспоминая, что за чертовщина вокруг творится. Оглядев внутреннюю сторону запястья, заметила тоненький, успевший затянуться шрам, напоминающий о пролитой крови. И как только зарос так быстро?... Найдя на прикроватной тумбе свой телефон, заглянула в календарь. Да нет... Всё ещё конец августа, как и ожидалось. Проспала я не больше десяти часов, судя по яркому утреннему освещению.

Замок на двери щёлкнул. Я как раз смотрелась на фронтальную камеру, пытаясь найти хоть какие-то остатки от ран на горле, однако на их месте тоже красовались едва ли видные шрамы. Как и на лице: ни намёка на синяки после аварии. Внутри комнаты прошла худющая девушка, недовольно что-то бормочущая себе под нос. Её рыжие кудри, словно осенний листопад, буйным вихрем обрамляли вытянутое, цвета слоновой кости лицо. Достаточно высокая, за метр семьдесят, явно выделяющаяся из толпы, худобой лишь подчёркивала утончённость, прикрытую короткой плиссированной чёрной юбкой и белой рубашкой с ярким синим галстуком. Лицо девчонки отличалось мягкими, аристократическими чертами: тонкие губы, сложенные бантиком; густые алые брови, изогнутые домиком, придававшие лёгкой

наивности, и полупрозрачные веснушки, усыпавшие каждый миллиметр чистой кожи.

Девушка тихо ойкнула, обращая на меня взгляд тускло-голубых глаз, словно затянутых дымкой молочного тумана. Она невольно скрестила руки, смущённо отворачиваясь.

— Привет? — слегка озадаченная её поведением, поздоровалась я, подходя ближе.

— Привет... — голос у девчонки был тонким и тихим.

Зависнув на пару секунд, я пыталась понять, как бы завязать разговор и выяснить все подробности у явно пугливой девицы.

— Меня зовут Агата Вирхова, — решила начать со знакомства я. — Видимо, теперь мы соседки.

Девушка едва ли улыбнулась, отдалённо напоминая мне Пьеро из известной всем детям сказки «Буратино». В последующем всё-таки осмелилась снова на меня взглянуть.

— Виктория Ляшкевич. Можешь называть просто Викой.

Пройдя в комнату дальше, она кинула рюкзак на кровать, сама устало плюхаясь рядом. Кажется, мой дружелюбный настрой заметно её расслабил, что не могло не радовать.

— Так ты это... Ну, ведьма? — спросила я.

Она, явно посчитав вопрос глупым, коротко кивнула, стягивая с ног чёрные лаковые туфельки. Далее, поднявшись чуть ли не кувырком, снова схватилась за рюкзак, шелестя бумажками, впоследствии протягивая мне одну из них.

— Просили передать.

Я подошла, с интересом выхватывая листок у неё из рук. И что тут... А... Приветственная записка. Прокашлявшись, принялась читать вслух, надеясь заодно просканировать реакцию своей миловидной соседки.

— Уважаемая Вирхова Агата Робертовна, приветствуем Вас в Международном Университете имени Александра Вознесенского! Хотим поздравить Вас с успешной сдачей тестирования и зачислением на Восьмой год обучения. Просим внимательно ознакомиться с расписанием и заранее подготовиться к предметам. Расписание по дням Вы можете увидеть в главном холле северного крыла. Также просим Вас ознакомиться с результатами тестирования. Желаем лёгкой учёбы и хорошего настроения. С уважением, деканат Седьмого, Восьмого и Девятого годов обучения.

Я перевернула листок, знатно удивляясь так называемым «результатам», которые они выяснили, всадив мне нож в шею.

— Стихийная магия: Ведьма воды – 80 баллов. Ведьма воздуха – 20 баллов. Уникальная способность – бессмертие. Уровень уникальности: Крайне высокий.

Реакцию мне проследить не пришлось. Вика самостоятельно подошла ко мне ближе, с неприкрытым интересом глядясь в каждую деталь внешности. В её тусклых глазах разгорелась небольшая искорка, а на лбу проявились мимические морщинки от сильного удивления.

— Так это ты! — воскликнула она. — Говорят, верховные

тебя годами искали, но Болотный тщательно скрывал твоё местоположение вплоть до смерти!

— Ну... Видимо, я, — не разделяя её восторга, растерянно захлопала ресницами. — Слушай...

Я перехватила её руки, предлагая чуть-чуть успокоиться. Девушка густо покраснела и быстро закивала, сама не ожидая от себя подобных импульсивных действий.

— Раз уж ты ведьма и, судя по всему, много знаешь, не хочешь рассказать мне?

— Как это рассказать?! Ты же на Восьмом году обучения. Это тебе надо меня поучить. Я столько лет старалась, чтобы меня наконец закинули на Восьмой!

Помолчав с минуту, я старалась подобрать слова. Н-да... И как же ей сказать, что просто съездила за наследством в деревню по указке родителей, а в итоге теперь меня уже ведьмой прозвали и засунули в самый верх обучения, когда ничего магического, помимо двух смертельных обстоятельств и страшных чудищ, вынуждающих надеть кольцо, со мной не происходило?

— Так наверх её закинули, чтобы она ничему и не научилась, — слышался знакомый голос за спиной.

Елизавета Каменская уверенно прошла в помещение, покачивая поджарыми бёдрами. Озарив меня улыбкой, оголяющей немного выпирающие белоснежные клыки, подруга повисла на моей шее, оставляя жирный след от блеска на щеке.

— Так и знала, что мне не показалось, — буркнула я, припоминая нашу встречу в коридоре.

Буравя её взглядом, я намекала, что разговор у нас предстоит долгий. А Лиза и не отнекивалась. Лениво потянувшись, она удобно уселась на стул, расстегнув пару пуговиц на рубашке. Вика почему-то сразу стихла, неловко от меня отходя. Появилось впечатление, будто трепетная девушка побаивалась Каменскую.

— Сейчас всё расскажу, хватит дыру во мне прожигать, — цокнула языком Лиза. — Значит так...

Как я и полагала, с Марком их встреча в самолёте произошла не впервые. Каменская сразу уточнила, что он приходится ей сводным братом, попутно возвращая нас в события годовой давности. Оказалось, что Кирилл, мой бывший парень, изменил мне, находясь под мороком. И наша встреча с Лизой на показе, и её предложение слетать в Европу также являлись подстроенными.

— Отец пообещал мне, что если притащу тебя в деревню, то меня сразу же переведут на Десятый год и дадут ещё два кольца. Болотный вот-вот должен был отбросить коньки, его чары сильно ослабли, раз уж мы сумели тебя найти. Кто же знал, что старик протянет ещё год. Изначально хотели тебя выволочь из России ненадолго, чтобы у проворного дедугана было меньше шансов что-либо предпринять, но вышло уж как вышло.

Вот и пропутешествовала со мной Лиза целых двенадцать

месяцев, держа в узде, чтобы не сбежала куда. Когда же прадедушка скончался, она начала действовать аккуратно. Со слов Каменской, на меня нельзя было наложить чары и силой вынудить забрать шкатулку. Я должна была сама на это пойти и надеть кольцо на палец добровольно.

— Помнишь, я из Италии на пару ночей раньше тебя улетела? Сказала ещё, что уже жду в Барселоне. Так это я в Германию смоталась, подсунув твоему отцу зачарованную воду. Когда он допил её полностью, так сразу и счёта все заблокировал. Но даже так... Ты ни в какую не хотела ехать за шкатулкой, хоть я тебя и всячески старалась саботировать на это. Болотный тщательно его заколдовал. Если бы ты не взяла кольцо в руки в течение двух недель после его смерти, оно бы перенеслось хрен пойми куда, — Лиза нахмурила брови, закатив глаза к потолку. — Но я бы справилась. Уже подговорила твою маму, которая знала о ведьмах. Пригрозила, что если не уговорит тебя поехать, проклятие на всю вашу семью накличу такое, что мало не покажется. Она бы и так позвонила, и мы всё успели. Но нет... Надо же было отцу вмешивать во всё Марка!

Злобно клацнув челюстью, Каменская пояснила: какие-то верховные колдуны, во главе с её папой, решили, что девушка с задачей не справляется, и прислали на помощь как раз таки Марка, действующего более радикальными методами.

— Маркус у нас медиум, как же отец гордится, что медиум в семье родился! Это же такая, блин, редкость, — скривила

губы девушка. — В общем, он с душами умерших и нечистью разговаривает, может ими управлять. Не совсем идеально, но может. Так всеми любимый Маркуша подослал к тебе мару в отель и ещё одной приказал вселиться в водителя, освободив её для этого путь. А говорю я, что «не совсем идеально», потому что он едва ли эту мару смог проконтролировать, чуть всех не убив! Я вовремя перенесла нас с Марком в астральный мир.

— И зачем эта авария? Мы же и так в деревню ехали, — спросила я, решая, что про астральный мир узнаю позже.

— Да идиот потому что. Хотел ещё больше выделиться, первым доказать, что ты правда «та самая». Ну, бессмертная. Мара должна была на тебя просто напасть, а не создать смертельную для нас всех аварию. В любом случае все заслуги ему отдали. Поэтому меня с Девятого года, наоборот, понизили на Седьмой, а Маркуса с Шестого перевели на Девятый. Ему так-то двадцать всего, начиная с Седьмого можно только с двадцати двух обучаться. Но Маркуша ведь особенный, сделали ему исключение. И это после того, как он всё не угробил... На фотографии парня помнишь? Это братец забыл, что после смерти Болотного силы прадеда тебе частично передались, и ты запросто можешь его разглядеть, если постараться!

Когда Лиза закончила рассказ, я густо задумалась, скрестив ногу на ногу. Так это, получается, мама обо всём знала и промолчала? Могла хотя бы перед отправлением в уни-

верситет ввести меня в курс дела! А то в итоге я одна тут в полных дурах находилась целый год, если не всю жизнь. Ещё и подвергла меня смерти целых два раза! Вот уж спасибо, была бы премия «мама года», я непременно вручила бы её Ольге. Ещё и Кирилл-то... Совсем не хотел мне изменять, это ведьмы всё подстроили, а я столько слёз из-за него пролила. И Лиза врушкой оказалась...

Сквозь прорезавшиеся после противной правды обиды ко мне начало потихоньку приходить осознание настоящего. Выходит, я — самая настоящая ведьма. Прямо как из мультфильма «Чародейки», любимого из детства, со всякими способностями и чарами. Ещё и бессмертная. Как бы не хотелось закатывать истерики и твердить, что хочу быть обычной жизнью, — не могу! Это же чуть ли не мечта каждой девочки.

— А обучение? Когда начну? — нетерпеливо спросила я, решая, что со всеми недомолвками насчёт длительной Лизинной лжи разберусь попозже.

— Говорю же, верховные вообще не хотят, чтобы ты развивала силы. Засунули тебя на самый верх, когда ты и азов не знаешь. Я бы на твоём месте на занятия вообще не ходила. Смысла-то никакого. Поучись для начала базовой магии: чтению мыслей, заговариванию предметов, а потом уже чему-то такому серьёзному, как астрал. Да и стихийка... Что у тебя там указано? Вода? Тебе бы хоть стихийной научиться немного... Лидия Рустемовна, скорее, на собственной чуйке

тебя к водяным пихнула.

Лиза уж было легла на кровать, лениво утыкаясь носом в учебник. Меня такой расклад, понятное дело, не устроил. Столько всего ещё предстояло узнать, как минимум, о кольце, о котором все то и дело треплются. Надень кольцо... Ну, надела. И что с того? Ничего не происходит.

— Если бы кто-нибудь другой надел кольцо, то сразу умер, — вдруг тихонько, почти шёпотом, сказала Вика, всё это время подслушивающая нас из укромного уголка комнаты. — Извини... Ты просто очень громко думаешь. Сразу хотела тебе об этом сказать.

Лиза смерила девушку недовольным взглядом, но перебивать не стала, устав быть в роли экскурсовода по миру ведьм. Ляшкевич поджала ноги, прижав тоненькие коленки к солнечному сплетению, и продолжила:

— Согласно легенде, перстень — это небольшой фрагмент давно утерянной реликвии, так называемого Змеино-го кольца. Поговаривают, что его сотворила сама Триединая Богиня перед тем, как уйти в вечную спячку. Всего таких реликвий пять: Змеиное кольцо, Златой гребень, Медвежий кубок, Хрустальное ожерелье и Стальная иголка. Все они, по поверью, так или иначе достались нашему миру от Богини в напоминание о её царствовании. Говорят, что каждую реликвию может хранить лишь достойный, и когда все пять хранителей соединят эти пять вещей воедино, то явится книга тайн. Тот, кто прочтёт её, сможет найти дорогу в Царство

Мёртвых и овладеть немислимой силой.

— И неужели вы во всё это верите? Извините, но звучит как пьяные рассказы.

Я-то и в ведьм поверила с натяжкой, а тут целая легенда про какие-то глупые реликвии, которые ещё и, наверняка, никто никогда не видел. Но девушки со мной не согласились, как-то зловеще переглядываясь.

— Много лет ведьмы действительно считали это не больше чем детской сказкой. До момента, пока не отыскали Златой гребень, а чуть позже и это кольцо, абсолютно точно являющееся фрагментом Змеиногo. Поэтому теперь верховные очень хотят найти остальные реликвии.

Из приоткрытого окна подул ветер. Я поёжилась, всецело предаваясь атмосфере и рассказу. Теперь-то понятно, почему всем так резко понадобилось сделать меня ведьмой. Решительно поднявшись с кровати, закопошилась в вещах, неожиданно для себя находя в них форму, аналогичную той, что была одета на Лизе и Вике: коротенькая юбочка в клетку, чёрные гольфы и белая рубашка с синим галстуком. У Лизы, разве что, немного отличался последний, будучи окрашенным в ярко-лиловый цвет.

— Галстук ровно того цвета, на каком году обучения ты находишься.

Я кивнула, припоминая, что у неприятного парня, с которым я столкнулась в главном корпусе, тоже имелся галстук, только полностью чёрный, без намёка на какое-то веселье.

— А чёрные у кого? — полюбопытствовала я, желая удостовериться, что у незнакомца год пониже моего.

— Чёрный?! — спохватилась Лиза, резко отдирая лицо от книги. — А ты сталкивалась с его обладателем что ли?

— Ну... Да. А что? — искренне не понимала беспокойства подруги я.

— Чёрные — это Двенадцатый год. Вот что! Таких на весь универ всего трое. Вообще у нас одиннадцать годов, но есть особенный, Двенадцатый! На него берут только поистине выдающихся колдунов и ведьм с пугающими и иногда даже жутко опасными уникальными способностями! Их даже многие преподаватели опасаются...

Покрывшись багровыми пятнами, я принялась молча натягивать на себя новенькую форму. Отлично... Ещё и дня не пробыла здесь, а уже успела вызвать неприязнь у какого-то очень опасного колдуна. Что ж... Ничего не поделать. Главное, не попадаться ему на глаза. Взвесив все возможные «да» и «нет» и просчитав вероятность нашей с ним встречи во время моей вылазки, я всё-таки решила направиться на исследование загадочного университета.

— Пойду прогуляюсь, — оповестила я, в надежде на то, что Лиза соизволит поднять пятую точку с пригретого места и провести меня.

Однако подруга лишь что-то нечленораздельно промычала в ответ, продолжая усердно вчитываться в текст книги. Вика, наоборот, отложила телефон, явно заинтересованно,

но одновременно смущённо на меня поглядывая.

— Не хочешь со мной? — обратилась я к девушке, посчитав, что личный гид мне не помешает.

Ляшкевич радостно улыбнулась, отдалённо напоминая мне Лидию Рустемовну своими идеально ровными белоснежными зубами. Она тут же ринулась быстро завязывать длиннющие рыжие волосы в непослушный пучок, попутно оповещая о готовности.

Северное крыло по интерьеру мало чем отличалось от главного корпуса. Разве что чуть меньше пестрило различными красками на более угрюмой мозаике. Обогнув пару искривлённых лестниц, мы вышли в общую для девушек и парней гостиную, обрамлённую четырьмя кожаными диванами, медвежьей шкурой под ногами и множеством картин с изображениями выпускников университета. На мягких диванах достаточно буднично рассаживались студенты: кто-то соблазнительно шептался, позволяя дотрагиваться при всех до самых интимных мест; кто-то предпочитал одиночество и усердно черкал записи в тетрадке. С виду и не скажешь, что они обучались чему-то мистическому и зловещему. Будто обычная зарубежная общага.

Вика, передвигаясь словно мышка, вела меня вперёд, неуклюже сторбившись так, чтобы её глаза тщательно скрывались от окружающих. Когда северное крыло было наконец преодолено, девушка вывела меня в главный корпус по замурённым коридорам. Я невольно удивилась тому, как в них

вообще возможно ориентироваться.

— В основном проходят все занятия. Кроме ритуальных практик, некоторых стихиек и травничества. Они в основном на улице, — принялась тихо объяснять девушка, более уверенно шагая по безлюдным коридорам. — Сейчас как раз идут занятия, поэтому здесь нет студентов.

Мы поднялись по ступенькам одной из двух лестниц, сворачивая в левый коридор.

— Здесь находится мастерская, — она указала на алую дверь. — Обычно там проходят пары для низших годов, связанные с созданием оберегов и талисманов.

Она протянула мне руку, показывая один из таких. Я искусственно приподняла уголки губ, немного удивляясь, что такая с виду хрупкая и обычная девушка носила на запястье жуткий браслет из чьих-то зубов. И мне бы очень хотелось думать, что ненастоящих.

— Слева — комнаты для астральной магии; справа — эмпатии и телепатии. В самом конце коридора расположена библиотека. Можешь взять оттуда литературу для начинающих, если хочешь... Я могу помочь тебе подобрать.

— Давай! — обрадовалась я.

Вика, словно не ожидавшая моего согласия, нервно хлопнула в ладоши. Мы поторопились зайти в хранилище знаний, пропахшее запахом краски и старинных переплётов. Внутри стояла не просто стерильная тишина, а умиротворяющая атмосфера, наполненная шёпотом страниц, потрескивани-

ем свечей и еле уловимым людским ухом перешёптывани-ем. Вика сразу провела нас к ближайшей секции, состоящей из дубовых стеллажей с вырезанными на них изображениями мифических, порой наводящих жуть, существ. С виду обычные, достаточно новые книги вмиг поменялись, стоило Вике кротко зашептать: «Обернись знаниями, знойное солнце» — и поднести к стеллажу амулет с искрящимся красным камешком, свисающий с её шеи. Книги, некогда обла-чённые в однообразные обложки, заметно постарели, покрыв-аясь небольшим слоем пыли. Книги, переплетённые в кожу, пергамент и даже кору деревьев, с первого взгляда казались живыми, словно жаждущие, чтобы их открыли и прочитали.

— Тебе выдадут чуть позже свой амулет и скажут заклина-ние. Это у нас так, для людских проверок, — неловко улыб-нулась Вика, проследив за моим поражённым взглядом.

Она начала сгребать целую кипу книг с полок, параллель-но скидывая их на ближайший свободный стол. Я же, грезя-щая разглядеть всю загадочную библиотеку целиком, акку-ратно предупредила её, что отойду, стараясь тем самым не расстроить явно не привыкшую к активной коммуникации девушку. Ноги, словно заговорённые, сами меня повели на этаж выше, скрипя деревянными ступеньками. Я не могла объяснить почему, но второй этаж, а именно его самая тём-ная, скрытая от света сторона, манила меня с самого порога. Будто интуитивно знала, что найду там что-то очень важное, и кольцо, до этого не выдававшее своего нахождения на мо-

ём пальце, данное подтверждало, начав приятно припекать кожу.

«*Значит, таки магическое*», — хихикнула про себя я, продолжая идти в манящую и одновременно пугающую темноту.

Коридор, освещённый лишь одиночными факелами, протестуяще сужался, словно не хотел, чтобы его тайны оказались разгаданы какой-то начинающей ведьмой. Идя почти наощупь, я решилась на определённую смелость, почти бесшумно взяв один из факелов. Множественные, стоящие здесь веками книжные стеллажи и громадное количество рукописей, из которых сплеталась история ведьм. Я желала прочитать каждую из них, но неизвестное, неподвластное мне чувство и продолжающееся нагреваться кольцо требовали идти вперёд. Наконец коридор закончился. В самом конце завиднелась крохотная дверь. Для того чтобы протиснуться в такую, требовалось определённо согнуться пополам. Всё ещё ведомая мороком, я уж было потянулась к дверной ручке, как за краешек рубашки кто-то ухватился, резким рывком потянув обратно. Чуть ли не выронив факел и не спалив себе все волосы, я протянула единственный источник света к нежеланному гостю.

— Что ты здесь забыла? — процедил шёпотом парень, угрожающе нависнув надо мной.

Я узнала в нём того самого озлобленного идиота, с которым столкнулась в первый день. Как раз печально известно-

го обладателя чёрного галстука, о котором с таким восхищением говорила Лиза.

Его кожа цвета парного молока, с небольшим изъяном в виде мелкого шрама над тонкой верхней губой, красиво поблёскивала от яркого огня. Глаза — осколки льда, голубо-серые, с расширенными от тусклого освещения зрачками, металели в мою сторону угрожающие искры. Нос, изящный, но не тонкий, был отмечен небольшой, едва заметной горбинкой, придающей его лицу некоторый шарм. Тёмные волосы, с виду густые и шелковистые, были слегка растрёпаны, а несколько прядей, осветлённые до пепельного блонда, создавали эффект выгоревших на солнце локонов. В заострённом левом ухе, также как и единичный на крыле носа, поблёскивал от яркого света серебристый пирсинг в виде миниатюрных колечек. Он был словно ожившая статуя, созданная из снега и льда, грозящаяся превратить и меня в айсберг. О, я успела разглядеть его как следует, пока незнакомец таранил меня глазами. Что же ещё делать, когда толком нечего сказать.

— Мне повторить вопрос?

Он говорил тихо, словно боясь, что кто-то может нас услышать. Чуть позже я поняла причину его осторожности. Встав на носочки, я увидела, что за нами заинтересованно поглядывала девушка, обводя мой силуэт едкой улыбкой.

— Как она сюда прошла? — подала высокий голос незнакомка, подходя ближе.

Даже видя её лицо лишь наполовину, я могла разглядеть лёгкое презрение в шоколадных глазах азиатского типа и то, как она по-собственнически притянула парня за талию, сперва поправив свои распушившиеся русые волосы по плечо. Присмотревшись, заметила на его губах остатки розовой помады, переходящие прямым на бледную шею со свободно свисающим галстуком.

— А вы тут чем занимались? — с хитринкой спросила я, прекрасно понимая, что подобное поведение ничем хорошим для меня не закончится.

Незнакомец недовольно напряг челюсть, небрежно обхватывая мой подбородок. Без труда потушив факел рукой, он перенёс своеобразный огненный шар на уровень моего лица, внимательно всматриваясь своими глазами в мои. Я хотела закрыть веки, но что-то меня остановило, начиная по чуть-чуть вытягивать из головы последние воспоминания и мысли.

«Надо сюда... Мне надо сюда. Почему так манит...»

Множество фраз, схожих друг с другом, в одно мгновение пронеслись в сознании. Минуты через две, не больше, он меня оттолкнул, теперь уже оглядывая не только с неприязнью, но и с интересом, кажется, даже с маниакальным.

— Да что такое, Ян? — недовольно пролепетала девушка, чей обзор был скрыт его широкой спиной.

— Иди к себе, Кира, — холодно приказал он.

Девушка нахмурилась, однако спорить с недавним воз-

любленным не стала, торопливо унося собственный силуэт в темноту коридора. Меня, к сожалению, в планах Яна не было так быстро отпускать. Вовсе игнорируя всякие правила этикета, он притянул меня за запястье. Прождав некоторое время, чтобы девушка, названная Кирой, наверняка ушла, и сам развернулся, буквально волоча моё тело по полу. Я пыталась отпираться, шёпотом устраивая тираду. Кричать в библиотеке не хотелось, дабы не прослыть главной истеричкой университета.

— Отпусти меня! Пусти, я сказала!

Парень не хотел и слушать, продолжая всё также «нести» меня далеко за пределы тёмного коридора. Зажмурившись от резкого дневного света, освещающего остальную часть библиотеки, я решилась выдирать руку с большим усердием, опять же не желая попасть под копну слухов.

— погоди ты... Чёрт... Ян, да? — с мольбой в голосе обратилась я.

Произнесённое имя, слава Богу, действительно произвело некий эффект, и он остановился, выжидающе выгибая бровь.

— Ян... Я пришла сюда с соседкой, она помогает мне подбирать книги для учёбы, — переводя дыхание, протараторила я. — Дай хотя бы её предупредить, и мы пойдём, куда ты хочешь.

Мною было принято два варианта исхода событий: либо мы идём куда-то в глушь, и он меня убивает, либо раскры-

вает какую-то тайну. Исхода, где я не иду за ним, попросту не было. Даже мне, едва ли ощутившей в жизни магию, становилось не по себе от того, с какой лёгкостью Ян копался в чужих мыслях и проворачивал трюки с огнём. Я была уверена, что если не соглашусь, сбегу или совру — он и живого места на мне не оставит.

— Буду ждать на выходе, — поразмыслив, сказал он, наконец выпуская меня из цепкой хватки.

Ян ушёл первым, позволяя мне хоть с минуту подышать спокойно и всё обдумать. Такого, мягко выражаясь, неприятного похода в библиотеку и резкого поворота событий я ожидала в последнюю очередь. И надо же было мне так встрять! А всё ведь из-за кольца и внутренней чуйки. Смочив горло слюной, я быстро спустилась на первый этаж, замечая Вику, грустно глядящую в окно.

— Эй... — подошла к ней я, аккуратно похлопывая по плечу. — Ты только не обижайся... Но у меня тут появились дела, сможешь взять все эти книги и перенести в нашу комнату?

Девушка, задумчиво сморщив нос, кивнула, скорее раньше, чем поняла смысл слов. Я же её одарила благодарностью в виде крепких объятий и поторопилась к выходу. Всё-таки испытывать терпение этого идиота мне не особо хотелось. Особенно с учётом того, что он читал мои мысли и абсолютно точно знал, что я его так называю.

Не просто маленький «чертёнок», а весьма крупный в

мышечной массе и высокий «чёрт» расслабленно прикрыл глаза, опершись затылком о стену, смиренно ожидая меня в шумном коридоре. Стоило же хлопнуть дверью, как он неминуемо одарил меня очередным красноречивым взглядом, снова упёрто хватая за запястье.

— Так боишься, что сбегу? — меча в его спину молнии, спросила я.

В ответ послышался лишь раздражённый вздох, перешедший в напряжённую тишину. Мы обогнули главный вход, выходя на улицу, с каждым часом всё сильнее затягивающуюся туманом. Прошли через зелёные лужайки, на которых разношёрстные ученики оттачивали практические навыки. Где-то вдали я услышала уже знакомый приглушённый смех, схожий с тем, коим одарил меня Марк, ставя в очередное неловкое положение.

— И куда мы?

В ответ — стоическое молчание. Едва ли сдерживаясь в зудящих желаниях дать ему затрещину или обернуться в ответ на, в какой-то степени родной, учитывая ситуацию, голос, я только продолжала молить всевышнего, чтобы это всё поскорее закончилось, и послушно шла дальше.

— Ты так и будешь продолжать меня игнорировать?!

— Ага.

Удостоил меня достаточно немногословным ответом Ян, наконец подходя к угловому зданию университета. Низкая башенка, покрытая, как и все остальные каменные сородичи,

зелёным плющом, одиноко стояла на отшибе. Внутри меня ожидал терпкий запах мужского парфюма, перемешанный с различными травами и цветами. Мы сразу зашли в гостиную, в которой выжидающе сидела уже знакомая на лицо Кира, недовольно скрестив руки на груди. Завидев, что Ян вернулся не один, она точно разозлилась, как бы не насылая на меня действующее проклятие. Всячески стараясь показать ей, что я тут вовсе не при чём и разбираться стоит напрямую с бойфрендом, я совершенно пропустила момент, когда мы свернули наверх, поднимаясь по очередной металлической лестнице. Наверху нас ожидало разветвление с двумя дверями на выбор, и Ян незамедлительно выбрал правую.

Просторная, гораздо больше, чем наша с девчонками, спальня встретила своих посетителей включённой синей подсветкой и приятной прохладой от работающего кондиционера. На одной из широких кроватей, также оббитых шёлком, в позе лотоса расположился симпатичный блондин, внимательно вчитывающийся в сообщение на телефоне.

— Уйди, — в грубой манере, но более мягко, чем обычно, порекомендовал Ян, включая более привычный, тёплый свет.

Паренёк ему улыбнулся, с наибольшим интересом оглядывая меня, хитро сощулив тёмно-карие глаза. Затем шутливо поднял руки, мол: «Всё, сдаюсь», — и немедленно нас покинул. Ян прошёл до середины комнаты, высвобождая мою руку. Ловко расстегнув все пуговицы на белоснежной

рубашке, он кинул её на пол, оставаясь только в обтягивающей чёрной майке.

— Раздевайся.

Я вначале подумала, что ослышалась, но его серьёзное лицо с заострившейся нижней челюстью говорило совершенно об ином.

— Что, прости?

— Оглохла? Повторюсь, снимай одежду.

Чёрт, надо было всё-таки попробовать сбежать... Медленно пятясь к двери, я продумывала план побега. Заметив мои метания, он грозно приблизился. Мне крышка.

Глава 5: Первые неловкости.

Смятые простыни и неуклюже скинутое на пол покрывало. С шеи стекала капелька пота. Переводя дыхание, я обхватила его лицо, нависающее надо мной, и дала хлёсткую пощёчину, одновременно пиная острым коленом напряжённый пресс. Ян сдержал недовольство при себе, в отместку ладонью заламывая обе мои руки кверху, сдержав очередные побои на «ура». Как дошло до того, что мы дрались на кровати в весьма непристойной позе? О, так всё дело в том, что этот грубиян вновь приказал мне раздеться, впоследствии закрыв дверь на отвратительно скрипучий замок. Я же, окончательно выйдя из себя, решила отстоять остатки девичьего достоинства.

— Слушай, я мог попросить тебя сделать это ещё в библиотеке, но не хотел показаться совсем дикарём, — хрипло произнёс Ян, левой рукой проворно расстёгивая все десять пуговиц на моей рубашке.

Чувствуя, что ситуация по-настоящему патовая, я приподняла голову, наверняка больно кусая его руку. Он зашипел, но конечности не убрал, продолжая пресекать мои порывы.

— Так... — задумчиво протянул он. — Смотри, либо я сейчас спускаюсь вниз и сдираю с тебя юбку собственноручно, либо ты прекращаешь брыкаться и раздеваешься сама.

В знак протеста я вновь попыталась его укусить, при этом

громко взвизгнув, но он быстро перехватил атаку, зажимая рот ладонью. Затем улыбнулся чему-то своему, кажется впервые смягчившись передо мной. Но после снова вернул кислую мину, одновременно стараясь говорить медленно и не так озлобленно, посчитав прошлую тактику неверной.

— Серьёзно, я понимаю, как это выглядит у тебя в голове, но это совсем не то, о чём ты подумала, — он это практически прошептал, пробно убирая влажную от слюны ладонь. — Если бы так сильно хотел оприходовать неизвестную мне девчонку, давно навёл бы на тебя морок. Клянусь.

Его слова немного меня успокоили, хоть и поза, в которой мы находились, да и сама по себе ситуация продолжали походить на харассмент. Он повторил свой вопрос: «Раздenu я или ты», — на что получил жалобный ответ: «Я». Облегчённо кивнув, он выпустил меня из плена, стаскивая свою внушительную тушу на угол кровати. Я, враждебно на него зыря, неуклюже встала, всё ещё подумывая о том, чтобы суметь убежать. Однако холодный взор явно внимательно следил за каждым колыханием воздуха в комнате.

— Ладно! — сдавшись, прикрикнула я, окончательно снимая помявшуюся от нашей борьбы рубашку.

Было до необычайности неловко. Ещё никогда мне не приходилось раздеваться перед совершенно незнакомым человеком, который ещё и, очевидно, не носил под сердцем лестных чувств к моей персоне. Отвернувшись, одним махом я сняла чуть большеватую юбку со скрывающимися за

ней капроновыми колготками, в итоге оставаясь в одном нижнем белье. Ещё и, как назло, не кружевном, а с забавным детским узором. Смущённо прикрывая грудь миниатюрными ладошками, я повернулась, сразу ощутив на себе цепкий, словно сканирующий взгляд. Ян безмолвно подошёл ближе, сокращая расстояние между нами до каких-то жалких сантиметров. Я ощущала его размеренное раскалённое дыхание на своей щеке и то, с какой аккуратностью, боясь меня снова спугнуть, он притронулся шершавыми ладонями до моего запястья, медленно убирая одну руку, а следом и вторую. Ощущала и его жадный холодный взгляд, лишённый всякой страсти. Он исследовал каждый закром моего тела, скорее с научным интересом, нежели пытаюсь удовлетворить сексуальные потребности. Практически невесомо обхватив за талию, Ян повернул меня спиной, однако я продолжала чувствовать его пыливый взор. Взяв в охапку, парень приподнял длинные, спутавшиеся волосы, проходясь по выпирающим позвонкам и блёклым родинкам на ключицах. Словно найдя то, что искал, он положил палец на выгнутую поясницу, мучительно медленно проводя пальцем вдоль по небольшому родимому пятну. Затем громко вздохнул, какое-то недолгое мгновение продолжая стоять непозволительно близко для подобной просьбы.

— Можешь одеваться, — прохладный воздух окутал мою спину. Он отошёл к окну.

Всё ещё ощущая его горячие, отрывочные прикосновения

на коже, я слишком впопыхах принялась натягивать одежду обратно. В итоге, неловко мявшись с ноги на ногу, продолжала смиренно стоять посередине комнаты, нервно кусая губы. Всё-таки чем-то наши комнаты да отличались: стены на его стороне были полностью покрашены угнетающим серым цветом, не радуя глаз красивыми рисунками.

— Как тебя зовут? — спросил Ян.

Он продолжал мельтешить около окна, что-то проворно выискивая. Составить полную картину действий мне не позволяла его широкая спины.

— Агата.

— Агата...

В его обычно холодном голосе невзначай проскользнули какие-то новые, пока неизвестные ноты. Он будто пробовал моё имя на вкус, смакуя каждый слог, каждую букву.

— Ты здесь новенькая, так ведь?

Чуть-чуть покосившись вправо, я сумела рассмотреть то, чем он всё это время так усердно занимался. Трепетно перебирая тоненькую ниточку пальцами, Ян протягивал её сквозь отверстия в маленьких белесых костях, подбирая каждую из них с особой внимательностью.

— Да.

Повернувшись ко мне, он ненадолго закрыл глаза, что-то нечленораздельно бормоча под нос, зажимая пальцами нагоняющий жути браслет. Закончив заниматься этим весьма увлекательным делом, Ян снова оказался слишком близко,

одевая украшение на моё тонкое запястье с уродливо выпирающей костяшкой.

— Какая стихия?

— Вода.

— Умеешь?

— Не-а.

На его бледных губах заиграла едва видимая усмешка. Он посмотрел на свободно свисающий браслет, ловко перевязывая узел потуже.

— Я научу. Давай завтра. В саду.

Опешив от такого предложения, я на секунду забыла, как говорить. Буквально пять минут назад он меня терпеть не мог и чуть ли не плевался ядом, а теперь вяжет амулеты и предлагает обучить магии? Колдуны все такие странные? В голове сразу же всплыл образ улыбчивого Марка. Явно нет. Не все. Однако отказываться от предложения я не торопилась. Во-первых, прекрасно понимая, что настроение у Яна может быстро поменяться от предрасполагающего к более привычному. Во-вторых, не менее прекрасно осознавая, что, если Лиза не солгала, то магии меня никто учить и впрямь не собирается. А тут отличная возможность в виде загадочного парня с Двенадцатого года, который знает наверняка побольше остальных.

— Хорошо, — в итоге выдавила из себя я, хоть и достаточно вяло.

— Хорошо, — повторил за мной он. — И не снимай обе-

рег. Никогда. До встречи, Агата.

— До встречи, Ян.

Перевоверкала его манеру речи я, вихрем выметаясь из комнаты. На первом этаже, благо, уже не было Киры, и неприятного разговора удалось избежать. Выйдя на улицу, я с наслаждением вдохнула запах свежего лесного воздуха и свободы. Теперь-то можно было и успокоиться, не боясь, что могущественный колдун наложит страшное проклятие за неповиновение. Сквозь хмурые тучи пробивались блёклые лучи закатного солнца, красиво укладываясь на лицо. Будь со мной рядом Лиза, непременно попросила бы сфотографировать. Если так подумать... То были ли мы подругами на самом деле? Ведь она с самого начала была специально приставлена ко мне и проводила время вместе вынужденно.

«Нам обязательно надо поговорить об этом», — думала я, лениво бредя к главному корпусу.

Одновременно меня не оставляло беспокойство с момента нахождения в библиотеке. Почему кольцо так нагрелось? Что было там, за маленькой дверцей? Вспоминая жуткую, до дрожи в костях, деревню и огромного каменного идола с окровавленным подолом, я надеялась, что это не какой-то жертвенный алтарь. Потому что очередной потери сознания я точно не выдержу.

Скучаяще подмяв рукой щёку, я то и дело прикрывала глаза, всячески борясь с сонливостью. Тихий голос лекто-

ра убаюкивал, напоминая про бессонную ночь, проведённую глубоко в дебрях сознания.

К ночи моя тревожность достигла пика. Я думала про маму, бессмертие, загадочную дверь в библиотеке и грядущее занятие с Яном. И как суметь спокойно спать, когда за два дня мир вокруг поменялся до неузнаваемости? Правильно, прослушать скучнейшую полуторачасовую лекцию по геомантии, со слов пожилого лектора, самой важной преподаваемой нам науке. Только меня прорицания и гадания при помощи рисунков на земле абсолютно не заинтересовали. Как и большинство присутствующих студентов, судя по их зеваниям и потягиваниям после окончания занятия.

Покончив с первой, самой ранней и самой неприятной лекцией, Вика, я и Аня — наша четвёртая соседка по комнате и, по совместительству, старшая сестра первой вышеупомянутой, — приняли решение взять еду в буфете и позавтракать на зелёном газоне. Отстояв поразительно медленно тянущуюся очередь и взяв по свежеиспечённому круассану с кофе, мы постелили небольшую подстилку, предусмотрительно взятую Аней, и расслабленно сели. В основном болтали девчонки, явно шокированные тем, насколько очевидные вещи были мне неизвестны и невиданны. Помимо достаточно скучных и обыденных вопросов про обучение и экзамены, особенно сестёр удивили кольца и моё искреннее непонимание их надобности.

— Это не обычные кольца, а заговорённые. Прежде чем

их надеть, ведьмы произносят молитвы богам и проводят ритуалы, заряжая металл магической энергией. Впрочем, это относится не только к кольцам, но и любым другим металлам. Просто принято начинать с колец. Они придают нам силы, соединяют с природой. Считается, что чем больше носит кольцо колдун — тем он сильнее. А если, помимо колец, у него есть металлические браслеты, серьги и прочие украшения, то он явно очень могущественный и даже опасный, — объясняла Аня, вынуждая меня вспомнить о количестве пирсинга у Яна.

Внешне старшая из Ляшкевич ничем особо не отличалась от сестры. Разве что курчавые рыжие волосы были более тусклыми и обрезанными по ключицы, а губы — пухлыми, с лёгкой асимметрией. Что до характера... Тут Аня, наоборот, являлась полной противоположностью. Она не боялась смотреть в глаза оппоненту и даже как-то оскорбить, парочку раз уже пропустив несколько нелестных слов о некоторых преподавателях. На контрасте с Викой она выглядела как самый настоящий демон.

— Астральную магию ведёт местная сумасшедшая, Казак Розалия Альбертовна. Мне кажется, она насылает на нас проклятия по ночам. И взгляд такой... Как у бешеной собаки, — предупреждала меня она, запивая свой рассказ горячим кофе. — А ритуальную наш декан преподаёт. Тоже своеобразная женщина. От одного её взгляда плохо становится.

Вика соглашалась с каждой репликой сестры, периодически

ски вставляя и свои двадцать копеек. Я же ловила себя на том, что университетских будней мне действительно не хватало, пускай и столь необычных. Жаль лишь то, что подобному спокойствию души от обычного поедания выпечки не суждено было продолжаться долго. Ещё издалека я заметила Лизу, сломя голову бегущую в мою сторону. Чёрные густые волосы, собранные в два милых пучка, норовили растрепаться от такой нагрузки, а загорелое лицо покрыться лёгкой испариной. Резко отпихнув Вику на угол, она уселась в середине, чем вызвала бурные эмоции у Ани.

— Аккуратнее, — недовольно пригрозила она пальцем, кажется готовая и магию применить, лишь бы отстоять честь сестры.

— Ага, — совершенно не обращая на неё никакого внимания, произнесла Лиза. — А теперь... Уважаемая Агата, расскажите-ка мне, как же Вы оказались в спальне у самого Яна Вознесенского?!

Мгновенно залившись краской, я на неё цыкнула, оглядываясь по сторонам. В конце концов, облегчённо кивнув головой, мол, вроде никто и не услышал, переспросила:

— А ты откуда знаешь?

— Кира, одна из трёх с Двенадцатого года, рассказала своей подруге Вите; Вита проболталась Кристине, а Крис только что сказала мне, — выпалила на одном дыхании Каменская, делая лицо в стиле: «А что, думала, я не узнаю?»

Нервно сглотнув и инстинктивно схватившись за пода-

ренный Яном оберег, я осмотрела девочек, осознавая, что заинтересовались в новой информации абсолютно все. Мысленно чертыхнувшись тому, насколько быстро здесь распространялись сплетни, неоднозначно проямлила:

— Ну... Мы пересеклись в библиотеке...

— Погоди, тогда когда ты от меня ушла? Это с ним у тебя появились «дела»? — подала голос даже обычно молчаливая Вика.

— Ну, да...

Знатно стушевавшись от чрезмерного внимания, я всё пыталась подобрать слова. Ладно ещё Лиза... Но не вываливать же на едва знакомых девочек новость о том, что Ян мало того, что просто схватил меня за руку и потащил к себе, ничего не объясняя... Так я ему ещё и не сопротивлялась, впоследствии позволив обследовать все прелести полуобнажённого тела.

— С кем это дела у обворожительной новоиспечённой ведьмочки?

Застыв во времени, я невольно ощутила, как сердце дало парочку волнительных ударов, обволакивающих грудь. К большому нежеланию Лизы, за нашими макушками возник Марк, кажется подслушавший кусочек разговора.

— Не твоё дело, Маркус, — прошипела Каменская, злобно на него заглядываясь. — Я, кстати, оповестила Агату, как ты ей дурил голову.

Он рассмеялся, с моего позволения присаживаясь рядом,

одним боком задевая газон. Его яркие зелёные глаза, как и прежде, выдавали озорные смешинки, а ямочки практически не исчезали с щёк. Одновременно в студенческой форме Марк выглядел немного младше, вполне напоминая двадцатилетнего.

— Сильно тебя испугал? — с мальчишеским озорством поиграв бровями, спросил он. — Признаю, с таксистом переборщил.

— Точнее, потерял контроль, — фыркнула Лиза.

— Всего лишь слегка заигрался, — принялся спорить с ней Марк.

— Да ты чуть сам не погиб, Кайзер! — повысила голос девушка, заодно впервые произнося его фамилию. — Если бы не удачное стечение обстоятельств, что твоей напарницей оказалась я, чья способность тесно связана с астралами, мы бы сдохли, ясно?!

По челюсти Марка заходили угрожающие желваки, руку он сжал в кулак, из-за этого невесомо соприкасаясь с моей юбкой. Затем, по-видимому решая, что оно того не стоит, успокоился, снова довольно приподнимая уголки губ.

— Очень жаль, что твои заслуги не признали, Лиза, и всё равно понизили в году, — хитро сощурившись, Марк отпил без разрешения остывший кофе Ани и привстал. — Прекрасные сестрёнки Ляшкевич и моя противная сводная сестра, могу ли я украсть у вас Агату? Всего на полчаса.

— У нас пара, — тут уже запротестовала Аня, чем вызвала

одобрительный возглас Лизы.

Соизмерив в голове то, как непринуждённо Марк взял у девушки напиток, и то, насколько сильно покраснелось её лицо от такой просьбы, я пришла к выводу, что между этими двумя было нечто, совсем не схожее с обычными приятельскими отношениями. И, возможно, закончилось это «нечто» совсем недавно.

— Ага. Ритуалка, знаю. У нас совмещённое, — он подмигнул, подхватывая меня за подмышки.

— А моё мнение тебя узнать не хотел? — легонько ударив по его руке, воскликнула я.

Марк не растерялся:

— А твоё мнение и так мне известно.

Совсем позабыв о своих недавних любезностях, он, на сей раз не задавая лишних вопросов, схватил меня в охапку, поднимая на ноги. Затем оглянул, с привычной заботой заправляя непослушные волосы за уши и, наспех попрощавшись с девочками, чуть ли не насильно потащил к заднему двору. Ситуация уж больно сильно напоминала вчерашнюю с Яном. Вот только Марка я совсем не боялась, хоть и помнила о его связи со зловещими чудищами, посетившими меня с пару раз. Выдернув руку на полпути, я враждебно на него посмотрела, ожидая объяснений.

— Ну, что случилось? — спросил он, прикасаясь подушечками пальцев к ладони, которую я ударила.

— Что? Зачем ты себя ведёшь так, будто мы в каких-то

особенных отношениях?! Ещё и перед Лизой...

— О, так мы уже перешли к «таким» отношениям? — облизнув пересохшие губы, игриво рассмеялся парень.

Я насупилась, недовольно закусив щёку. По правде, у меня выработалась определённая слабость к мордашкам, подобным Марку, и он определённо точно являлся моим типажом, но... Его поступки порой невероятно выводили из колеи.

— Извиниться не хочешь? Ты меня своими марами чуть до нервной трясучки не довёл! Да я была уверена, что с ума сошла.

— Угу, ещё и подсунул снотворный чай в деревне.

— Вот именно... Погоди... Что, прости?!

— А ещё нагло врал всю поездку и следил из тени практически весь год, потому что отец изначально не доверял Лизе. О, а ещё я выучил все твои привычки, эмоции и поведение. Выучил настолько хорошо, что могу даже предугадывать, что ты скажешь следующим. Мы будем перечислять все мои грехи? — нагло улыбнувшись, он продолжил. — Поэтому, во имя Триединой Богини, пойдём за мной. Я просто хотел поговорить в более уединённой обстановке, как раз чтобы и не позорить тебя перед подругами или моей сестрой. Да, я и без тебя прекрасно осознаю, что она меня ненавидит.

Он снова протянул мне руку. Я, опешившая от таких заявлений, проглотила застрявший в горле ком и подошла ближе. Сплести пальцы не решилась, а вот идти рядом — вполне.

Внезапные откровения меня сильно смутили и совсем сбили с толку.

На заднем дворе царила тишина. В нём отсутствовала всякая инфраструктура, передавая бразды правления природе. На безлюдном дворе стояла одинокая, местами поржавевшая беседка, укутанная множественными шипами усохших роз, переплетённых плющом. Вокруг неё так и норовила закопоситься в давно опавшей листве с полусухого дерева какая-то мелкая живность; внутри одинокой тоненькой струйкой бурлил фонтан.

Зайдя внутрь, я ощутила некоторую грусть. Ведьмы так старательно следили за природой, с таким усердием её охраняли... Даже на нудной лекции сгорбившийся старичок всё продолжал вторить о том, что без энергии, данной нам деревьями; без энергии, коей питало нас солнце, магия иссякнет, сильно ослабеет. И вот стоило зайти с изнанки — сказка разрушилась. Словно туман, особенно крупными клубками окутавший беседку, забирал за собой и все силы.

Мы присели на одинокую каменную скамью с множественными мелкими трещинами. Марк тоскливо взглянул на фонтан, дотрагиваясь до воды, словно желая окунуться в неё с головой.

— Агата, — он произнёс серьёзно, полностью растеряв весь мальчишеский задор. — Только сейчас честно скажи.

— Говорю.

Он смягчился, возвращая ладонь к прозрачной воде.

Немного, едва заметно напряг пальцы. И вода, до этого шедшая прямой струёй, задрожала от резкого порыва холодно-го, непривычного для начала сентября ветра, распластываясь брызгами по округе. Я восторженно всплеснула в ладоши, впервые в жизни видя магию воздуха в реальности. Да что уж там, любую магию стихий, помимо огня.

— Я видел тебя вчера. С Яном Вознесенским. Вы знакомы?

— Не то чтобы...

Значит, мне тогда не показалось, и Марк правда был где-то поблизости, когда Ян тащил мою безучастную тушку. Однако с чего бы ему делать такую серьёзную моську?

— Что ему было от тебя надо? Он ничего плохого не сделал?

Я потёрла небольшой, почти исчезнувший синяк на запястье, прикрытый оберегом, задаваясь вопросом: «Почему моя ускоренная регенерация не может работать ещё быстрее?». Следом неоднозначно пожимая плечами.

— Сложно объяснить... — в итоге выдала на тяжёлом вздохе. — Могу только сказать, что он дал мне оберег и предложил обучить магии воды. А что?

Марк, до этого продолжавший орошать цветы каплями с фонтана, ошарашенно перевёл взгляд на меня, совсем невежливо хватая руку, намереваясь внимательно оглядеть оберег.

— И ты не согласилась?

— Ну...

— Агата!

Продолжив удерживать меня за ладонь, Кайзер недовольно сжал челюсть, хмурия брови, скрытые под вновь упавшими на них кудряшками.

— Не водись с ним. Вознесенский опасный. Очень. Даже ректор его опасается.

Вспомнив, как Лидия Рустемовна наказала Яну ступать на лекцию, я сильно усомнилась в его словах. Но всё-таки мягко кивнула, видя искреннее беспокойство. Его и без того фарфорового оттенка кожа приняла вовсе нездоровый зелёный цвет, а на шее от перенапряжения взбухла активно пульсирующая вена. Действительно ли я планировала бросить свою затею и не изучать стихийную магию вместе с Яном? Нет, конечно! Однако успокоить резко взволновавшегося Марка стоило.

— И чем же он так опасен? Какая у Яна способность?

— Он... Медиум, как и я. Тоже взаимодействует с нечистью, берёт её под контроль.

— Так мне стоит бояться тебя?

Издав лёгкий смешок, спросила я, заметно сумев поднять ему настроение. Марк значительно расслабился, таки выпуская мою ладонь из тягуче приятного плена.

— О, ещё как стоит, — подыграл он, кажется задерживая взгляд на моих губах. — Но я серьёзно. Мы отличаемся. Он одержимый. Вселяет в себя нечисть. Это совершенно другой

уровень, и, насколько я знаю, порой Вознесенский не может контролировать вселение. В таком состоянии он крайне опасен.

Честно, по резкой смене настроения Яна я не удивлюсь, если и со мной он говорил, находясь под контролем всяких существ. Упомянуть об этом Марку, понятное дело, не стала, решая, что он лишь сильнее обеспокоится и вообще никогда не выпустит меня из угнетающей беседки.

В итоге, окончательно убедившись, что я его поняла, Марк поднялся с насиженного места, вновь по-джентльменски протягивая мне руку. На этот раз, испытывая определённую долю вины из-за только недавно вымолвленного вранья, я её приняла.

— И да... Правда извини за всё произошедшее. Я настолько привык к мрам, что и забыл, насколько они страшные.

Он невинно приобнял меня, оказываясь настолько близко, что я смогла рассмотреть шрам от ветрянки на его лбу и вкрапления тёмной щетины над чуть выпирающей верхней губой.

— Прощаю, — растерянно промямлила я.

— Прямо-таки прощаешь?

Его голос заметно снизился, приобретая ласковые, убаюкивающие ноты. Дыхание, впрочем, стало совсем бесшумным, полностью растворившись в резко подувшем ветре. Мои волосы затрепетали кверху, опускаясь на его плечи из-за близкого расстояния. А в мыслях сразу появились сомне-

ния: не Марк ли и вызвал ветреный порыв?

— Прямо-таки прощаю.

Продолжая буравить меня внимательным взором, он приблизился ещё ближе, чуть ли не сталкивая носы друг с другом. Я, абсолютно правильно уловив атмосферу, резко запаниковала, отворачиваясь. Марк прокашлялся, с минуту приходя в себя.

— А ты ведь мне ещё должна желание, ведьмочка, — постарался разрядить обстановку он.

— Какое ещё *«желание»*?

— Лиза же говорила: угадаем все факты — проигрывает тот, кто говорил. Я отгадал все факты. Значит, с тебя желание.

— Так я пятый даже не сказала! Да и не было в условии никаких желаний!

— Ну, а кто виноват, что вы перевели всё внимание на меня?

Мы принялись за заранее проигранный мною спор. Однако радовало то, что нам удалось избежать точки невозврата. Как и то, что близилось время второй пары, спасшей меня от гулко-го биения сердца в ушах.

Глава 6: Начало тьмы.

Стать рассадой для сплетен и опозориться перед одногруппниками в первый же учебный день? О, это про меня. Но кто же знал, что под предметом «*Ритуальная магия и жертвоприношения*» имеются в виду и впрямь не безобидные гадания на рунах и парочка порезов, а убийство до жути милых и ни в чём не повинных белок.

— Полегчало? — спросила Аня.

Девушка соизволила провести меня в кустистые дебри и подержать волосы во время прямого выхода некогда съеденного завтрака. Своевременно среагировав, она схватила мою руку и чуть ли не силком увела от лишних глаз. Однако громкие смешки студентов слышались даже отсюда.

— Вроде... — произнесла я, вытирая любезно выданной салфеткой рот. — Слушай, а можно как-то отказаться от этих занятий? Думаю, что жертвоприношения — не совсем моё.

Глядя в жалобные глаза белочки, неминуемо ожидающей смерти, я сразу вспоминала о своём верном персидском коте Барсике, прожившем с нашей семьёй целые пятнадцать лет. Тот факт, что жертвой ведьм мог бы стать и он, до невозможности щемил сердце.

— Шутишь, что ли? Жертвоприношениями мы утоляем волю Богини, когда-то позволившей нам удостоиться дара,

— Аня сморщила высокий лоб, тем самым ещё больше походя на сестру.

Я удручённо вздохнула. После такой новости желание обучаться магии заметно снизилось. С моей-то любовью к животным... Ни за что не сумею не то что убить, да даже замахнуться на живых существ. Анна, правда, такого настроения не разделяла и, удостоверившись, что мой оттенок лица из зеленоватого пришёл в более привычный светло-бежевый, потянула обратно.

Обогнув два массивных клёна, мы вернулись к злосчастному рогатому каменному идолу со скопившейся вокруг него толпой. В самой середине стояла женщина в чёрном платье, под два метра ростом, отчего часто горбившаяся; с длинными, достающими практически до земли, пепельными волосами и выразительными зелёными глазами. Боровицкая Елена Эдуардовна — так она нам представилась перед тем, как начать занятие.

«Начиная с Восьмого года, у вас начинается углублённый курс Ритуальной магии. Впервые в стенах нашего университета вы столкнётесь с применением знаний по жертвоприношениям и ритуалам на практике, а не только теоретически. Желаю всем успехов. Девятый год повторяет программу перед экзаменом», — произнесла лишённую всяких эмоций речь Елена Эдуардовна, зловеще скривив тонкие губы.

— Вам стало лучше? — заметив, что мы с Аней вернулись, прервалась она.

Завидев мой краткий кивок, женщина сморщила крючковатый нос и прикрыла веки, сосредотачивая всё внимание на центр круга. Она обошла алтарь, доставая ещё одного бельчонка из клетки. Погладила его с печальной нежностью и зашла в середину, огибая ногами выстроенную свечами изгородь. Заслышался сиплый, местами ласковый голос. Елена громко напевала жутковатую мелодию, наказывая ученикам повторять слова за ней.

— Прольётся кровь невинная на зе-е-млю, утолит жа-ажду разгневанных богов... И ведьмин час настанет ясный... Сквозь кровь, подаре-е-нной природе, в очах зажжётся их огонь!

Все присутствующие, будто зная напев с пелёнок, непрерывно завывали ей вслед. Я же ощутила прошедшийся холодок по коже. Елена завела клинок на уровень плеча и с громким, истошным писком животного вонзила ему в плоть тонкое лезвие. Не успев отвернуться, мои, полные слёз глаза, оказались накрыты чьими-то массивными сухими ладонями.

— Во имя Богини Матери... — раздался уверенный возглас над моим ухом.

Марк выдохнул слова прямо в мой затылок, продолжая нажимать пальцами на лицо. В чём я была ему сильно благодарна. От запаха гари, хвои и свежей крови продолжало тошнить. Я сдерживала очередные рвотные позывы, стараясь приглушить все органы чувств. Писк, молящий о помощи, ещё какое-то время звенел в ушах, но в итоге белка сдалась,

замертво замолкая.

— Вирхова, кажется? — позвала меня женщина. — Агата, скажите, для чего проводится данный ритуал?

Нехотя выкарабкавшись из-под тёплой ладони, я учащённо заморгала. Огонь от свечей Елена забрызгала водой, от чего вокруг сгустился тёмный слой дыма. Сквозь него виднелась бездыханная тушка, аккуратно опущенная на землю около небольшого идола. На влажной земле была нарисована пентаграмма, заполненная свежей, не успевшей впитаться кровью. От увиденного мне снова поплохело.

— Не знаю... — без всякого стыда сказала я, гораздо больше волнуясь о том, как бы не потерять сознание.

Женщина недовольно поджала губы, хладнокровно проделывая во мне взглядом дыру. Затем перепрыгнула барьер в виде потухших свечей, подходя ближе.

— Кайзер, отпусти её, — пригрозила она Марку ледяным тоном. — Пройди вперёд, — уже обращалась ко мне.

Она потянула меня на себя, вынуждая оказаться в середине всего представления. Активно задирая голову кверху, я всеми силами старалась не думать о том, что внизу прямо сейчас валялось мёртвое животное. Но Елене будто было весело наблюдать за моими мучениями.

— Маркус, расскажи своей приятельнице, для чего мы проводили ритуал.

Взгляд Марка скользил по сторонам, избегая прямого контакта со мной, словно ища спасение в горных пейзажах.

Губы, обычно подвижные и выразительные, сейчас поджались в тонкую линию, выдавая его внутреннее напряжение. Плечи были втянуты, спина слегка сутулилась. Просьба преподавательницы явно вызвала в нём множество негативных эмоций. Однако спорить Кайзер не решился, делая несколько уверенных шагов вперёд, чтобы оказаться спереди толпы. Послышались перешёптывания где-то слева: какая-то девчачья компания активно хихикала, попутно строя Марку глазки. Я подбадривающе склонила голову, пытаясь безмолвно до него донести, что зла держать не буду.

— Магией нас одарили Богиня Мать, она же Триединая Богиня, и Рогатый Бог. Они и научили нас жить бок о бок с природой, защищать гармонию в мире, поэтому ведьмы множество веков обходились безобидными ритуалами, не отбигающими жизни. Однако настало тяжёлое время: силы начали постепенно пропадать. Поэтому пришлось прибегнуть к старым практикам, чтобы задобрить ослабших богов.

Каждое движение, каждое слово, каждая гримаса выдавали его внутреннее состояние — недовольство, смешанное со смущением. Марк замолчал, смиренно ожидая вердикта Елены Эдуардовны.

— Правильно, Маркус! — похвалила его женщина. — Раньше, во времена кельтов, тех, кто служил Богине, было много. С годами же остались лишь малочисленные ведьминские ковены. Мы оплакиваем каждую кровь, что питает землю, надеясь, что в последующей жизни невинная душа ста-

нет нам сестрой или братом.

Весь свой недолгий монолог Елена Эдуардовна не сводила с меня глаз, явно находясь в сильном недовольстве, что я не удосужилась узнать байки о поклонении какой-то там богине. Мало интересуясь её безмолвной тирадой, как и усмешками однокурсников, тещащихся с моего публичного унижения, я ясно для себя решила, что никакими жертвоприношениями заниматься не стану... Уж если Лиза сказала, что меня учить не планируют, так пускай и убивать никого не заставляют. Наверяд ли Богиня, что не говорила с ними веками, вдруг оживёт от смерти невинных душ.

— Занятие закончено. К следующему прочитайте главы о небесном покровительстве. Пойдём в лес, к большому идолу Рогатого Бога, — подвела итог преподавательница, цепко хватая меня за ткань рубашки. — Ты... останься ненадолго.

Обречённо глянув в сторону Ани с Викторией, я приподняла плечи, мол: «Ничего не поделаешь». Девочки сочувствующе покачали головами, разворачиваясь к знакомым лужайкам. Студенты медленно разбрелись на желанный перерыв, оставляя за спинами одинокий алтарь.

— Кайзер, Вам нужно особое приглашение? Уйдите.

Елена Эдуардовна недовольно выгнула бровь, замечая, что высокий парнишка продолжал назойливо маячить перед глазами. Марк, однако, не торопился собирать вещи, с должной упёртостью перекрещивая руки.

— Я подожду Агату.

— Не подождёте, Маркус. Хочу поговорить с новой ученицей тет-а-тет. Девушка скоро к Вам присоединится, — отрезала преподавательница, параллельно вытирая влажной салфеткой окровавленный нож.

Немного постояв, Марк всё же сдался, проигрывая в их небольшой перепалке. Я же хотела отдать ему должное, по крайней мере, что он вообще попытался вступить в спор со столь неприступной женщиной. Когда же его тень скрылась за высокими деревьями, Елена подошла ближе, разглядывая моё растерянное лицо сверху вниз.

— Кольцо уже говорило с тобой? — в лоб спросила она, решая не церемониться.

На губах проступила лёгкая улыбка. Не совсем понимая её вопроса, я учащённо запорхала ресницами:

— Говорило? Не припомню.

Она моего веселья не разделила, задавая последующий вопрос с ещё большим напором.

— А Оля... Мама твоя, рассказывала тебе что-нибудь?

— Не-а.

Елена Эдуардовна кивнула каким-то своим мыслям, отходя в сторону. Впоследствии, как оказалось, за крупной кожаной сумкой. Затем, вытащив из неё толстенную книгу с потрёпанным корешком, всучила её мне.

— Этот учебник я писала вручную. Здесь всё: от стихии до астралов. По чуть-чуть читай его, обучайся.

Удивившись такому повороту событий, я лишь и могла,

что выдавить короткое: «Спасибо».

— И никому не доверяй. Особенно этому Кайзеру. Семейка у них не ахти. Теперь свободна.

Словно никакого разговора и не было, она развернулась, принимаясь убирать затухшие свечи. Я же, только услышав разрешение уйти, сразу ринулась к университету, выискивая глазами знакомые лица. Правда, перед этим забежала в общежитие, пряча книгу в тумбу.

Найти назначенное место оказалось той ещё задачей. Как и отмазаться от назойливой Лизы, всё не желающей верить в моё решение пойти в библиотеку на ночь глядя. И вот, после пары-тройки диалогов с незнакомыми сокурсниками, тихий и уединённый сад, пропахший цветущими розами, был отыскан. Ян уже ждал меня, смиренно переплетая пальцы в замок на ближайшей скамье.

— Извини. Стоило, наверное, объяснить, куда идти, — достаточно безучастно произнёс он.

— Стоило, — с лёгкими нотками раздражения ответила я.

Решая закончить наш и без того короткий разговор, он аккуратно взял меня под локоть, уводя прочь. Вскоре мы оказались за пределами территории, что не могло не напрягать. Лес... Полностью заволоченный туманом, окружал нас повсюду.

— Это безопасно? — уточнила я, чувствуя внутреннюю тревогу.

— Рядом со мной — да.

Ближайшие двадцать минут ходьбы мы не говорили. Когда же я впервые посмотрела на него, заметила, что сегодня Ян выглядел куда более уставшим. Он словно опять прочитал мои мысли, невольно дотрагиваясь до пологих кругов под глазами. Не найдя причин развить диалог, а точнее, не решаясь поинтересоваться причинами ухудшения его внешнего вида, я отвела взгляд, оглядывая то место, куда мы пришли. Ночь, опустившаяся на лес, скрывала в полутьме, рассекаемой лишь бледной и безжизненной луной, затаившееся озеро. Оно сверкало, словно чёрное зеркало, обволакиваемое густым туманом.

— Зачем мы здесь?

Нервно спросила я, не рассчитывая на ответ. С момента нашей встречи Ян не блистал многословностью. Просто шёл вперёд, явно известной ему дорогой, иногда останавливаясь, чтобы подождать меня, его верную спутницу.

— Вода — самая мерзкая стихия. Говорят, что ей владеют только те ведьмы, которым суждено много страдать. Обучиться не так-то просто. Обычно водяных стихийников стараются научить в детстве, чтобы они забыли то чувство страха, что испытали когда-то.

Вдруг заговорил он, сразу начиная с лекции. Я навестила уши, внимая каждому слову. Опозорилась перед однокурсниками, а теперь и стихия, оказывается, у меня тяжёлая. Приятно начавшийся день оказался до невозможности об-

манчивым. Однако трусить я не планировала. Знала ведь, на что шла, когда соглашалась на уроки от Яна Вознесенского. По одному его грозному виду становилось понятно, что мило сюсюкаться — не в его полномочиях.

— И что мне делать?

Подойдя ближе к воде, я тут же с удивлением охнула, замечая, что она чёрная, как мазут. Будто бездна, поглощающая лунный свет; неподвижная, хранящая в глубине множество жутких тайн. Берега озера были завалены упавшими стволами, ветви которых, словно чьи-то корявые руки, тянулись к воде. На одном из сучьев жалобно пиликал вороний птенец, широко раскрывая массивный клюв. Приглядев-шись, я поняла, что его крылья полностью намокли, а одна из лапок намертво запуталась в вездесущем плюще. Ян безмолвно подошёл к моей спине, доставая из кармана складной нож. Не успело моё тело покрыться мурашками, как он пригнулся, одним лёгким движением освобождая крохотного ворона из своеобразной тюрьмы.

— Для начала поможем ему высохнуть.

Вновь, абсолютно игнорируя моё присутствие, он тихонько подул на птенца. Даже находясь на приличном расстоянии, я резко ощутила тёплый поток воздуха, схожий с июльским ветром. Некогда мокрые тёмные перья высохли за считанные секунды, после чего воронёнок благодарно каркнул и взмыл вверх, прячась в густом слое иголок и листьев. Невольно застав на своих губах улыбку, я с грустью вспомни-

ла о белках, которым повезло куда меньше проворного птенца.

— В чём смысл такой помощи, если на следующий вечер вы уже режете других животных?

Вновь приблизившись, Ян аккуратно положил руки мне на плечи, впиваясь подушечками пальцев в выпирающие костяшки. Я пошатнулась от резкого касания, но не отпрянула. Скорее боялась лишний раз двигаться. Именно с ним.

— Они глупо верят в то, что давно умершие Боги обрадуются свежей крови. Но не знают, что силы иссякают, потому что их поглощает Сомнеум, — подозрительно тихо, практически дотрагиваясь губами до мочки моего уха, произнёс он.

— Сомнеум?... Что это?

Стараясь не развеять странную атмосферу, мысленно тешась тем, что, возможно, подступила к раскрытию очередной тайны, зашептала я. Но Ян перевёл тему на обучение, перед этим томно вбирая воздух в лёгкие.

— Водных стихийников боятся. Человек не может прожить без воды, он и сам состоит из крови. Они могут управлять кровью, могут высушить последний на Земле водоём. Нет ни единой ведьмы, которая не хотела бы обладать магией воды. Но те, кто владеют ей, желают забыть о том, что им пришлось пережить.

Его длинные пальцы медленно спустились вдоль моего позвоночника. Я затаила дыхание, словно вновь оказываясь пред ним обнажённой.

— И как научиться?

Я уже спрашивала этот вопрос. Ян промолчал тогда. Сейчас, впрочем, тоже. Большая ладонь провела полосу вдоль моей, избегая области кольца. Кажется, Марк тоже не дотрагивался до него, с опаской обходя «убивающую» зону. Ян не ответил и в этот раз... Вместо этого толкнул. Сырая земля, создающая оползень, заскользила под ногами. Не сдержав равновесие, я упала в чёрную, до чертиков пугающую, воду.

Холод пронзил меня внезапно, как удар ножа. Секунду назад — шаткий берег, запах сырости и прелых листьев, и вот — уже пустота. Руки отчаянно хватали воздух, но не находили опоры. Страх сковал тело ледяной коркой, крик застрял где-то в горле, превращаясь в беззвучный стон. Удар воды оглушил, перехватил дыхание. Темнота окружила меня со всех сторон, плотная, непроницаемая, как саван. Я сделала несколько проворных рывков, но что-то потянуло меня, схватило за лодыжки, потащило вглубь, в самое сердце глубокого озера.

В мутной воде то и дело мелькали тени — длинные, извилистые и зловещие. Я увидела светящиеся глаза, пристально наблюдающие за мной из темноты, за ними — острый ряд зубов, агрессивно скалившихся. Смутный образ человеческих отродий, но ног у них не было. Вместо них — толстые коричневые хвосты, покрытые переливающейся рыбьей чешуёй. Это они... Русалки. Но не те прекрасные создания из ска-

зок, а кошмарные, искажённые порождения ночи. Они всё тянули меня ко дну, их длинные острые когти царапали кожу. Я пыталась кричать, но звук тонул в воде, превращаясь в невнятное бульканье. Окружившие меня чудовища продолжали оглядывать лицо с хищными улыбками. В их глазах не имелось ни сочувствия, ни жалости — только голод и злоба. Откуда-то донеслась блаженная мелодия и приятный девичий голос, ласкающий уши пением.

— *Что тебе надо в нашем озере, ведьма-а?* — шёпот отовсюду, не перебивающий засевающую в голове музыку.

«*Я хочу выбраться... Помогите мне...*» — мысленно ответила я, теряя из лёгких последние остатки кислорода.

Женский голос, принадлежавший одной из русалок, захотал. Моя спина коснулась вязкого песка, наконец настигая дно.

— *Ведьмы к нам попадают лишь отчаянные, в надежде заполучить дар... Не ответишь — мы тебя съедим.*

Дар... Сознание прояснилось на мгновенье. Ян привёл меня сюда, чтобы обучить водной стихии. Он говорил про страдания... А потом толкнул в озеро.

«*Я хочу обуздать Воду. Желая, чтобы она была мне подвластна*».

Вновь смех. Светящиеся глаза — единственный источник света в чёрной вязкой воде, неожиданно замаячили перед лицом. Я испуганно дёрнулась, но острые когти лишь плот-

нее прижали меня к песку.

— *Сильный колдун говорил о тебе, ведьма. Поможем. В обмен на жизнь.*

Сознание помутилось. Кислород закончился. Конечности начали трястись в судорогах в попытке выбраться, однако русалки удерживали обессиленное тело. Одна из них, что плавала дальше всех, резко прильнула к моему лицу, одаривая скользким мерзким поцелуем. Её волосы, схожие с зелёными водорослями, целиком окутали меня. Неожиданно паника захлестнула до этого заторможенный разум. Я постаралась в очередной раз отчаянно грести, отпихнув от себя чудовищных обитателей чёрной воды, но тело стало непослушным, словно налитое свинцом.

Ещё несколько коротких мгновений — и жжение в лёгких стало невыносимым. Я задыхалась, отчаянно пытаюсь найти хотя бы крохотный пузырёк воздуха, зацепиться за ускользающую надежду. Мысленно молила русалок спасти меня, поднять к суше, однако они так и держали на дне. Каждое движение отнимало силы, и без того истощённые борьбой. В глазах темнело, перед взором замелькали яркие вспышки. Я чувствовала, как сознание медленно ускользало, а накрывающие меня волосы окутывали, будто махровое одеяло. Усталость навалилась, словно груз, унося с собой остатки воли к жизни.

Тишина. Больше не было ни криков, ни метаний, ни отчаянных попыток вырваться на поверхность. Не могу... Боль-

ше бороться...

Вода неожиданно стала невыносимо ледяной. Совсем не такой, какой должна быть в начале сентября на юге. Температура сильное, будто в реке. Дотронувшись ладонями, я поняла, что оказалась подо льдом. Толстым и холодным. Он резко треснул. Чьи-то сильные руки выволокли меня наверх. Я, кажется, умерла, но сердце резко забилося снова. Перед глазами замаячило лицо мамы, испуганной и заплаканной. На её длинные ресницы падали крошечные снежинки, и я, намереваясь успокоить, нежно смахнула их, снова сонно прикрывая глаза.

— Сделай её обычной, Михаил! Я не хочу, чтобы она была ведьмой!!!

Мама снова плакала, но я уже не лежала в толще льда. Комната являлась вполне тёплой и уютной, окружённой запахом какао с корицей. Мамина рука крепко сжимала мои пальцы. Я валялась в приятной полудрёме на мягкой кровати, ещё не до конца пробудившись.

— Вознесенский не согласится просто так, Оля... И идти к нему я тебе запрещаю. В моих силах лишь скрыть её от чужих глаз. Однако забрать её дар, на время или навсегда, я уже не смогу.

Мама цокнула языком. Я была уверена, что скривила губы, закусив щёку. Она точно ответила ему, мужчине, что с ней говорил. Но дымка сна снова окунула меня с головой.

Воспоминание. Я резко вдохнула воздух, неминуемо заполняя лёгкие водой. Русалки хищно переглянулись, снова окружая меня.

— *Бессмертная... Он нас обхитрил... Обхитрил!!! Обещал новую сестру в обмен на дар, а дал бессмертную!*

Они злобно потянулись ко мне. Я вжалась в дно, резко чувствуя жжение от кольца. Наверх... Нужно вверх. Я взмахнула руками, и вода, чёрная и тягучая, будто послушалась меня, резко расступаясь прочь. Русалки, ненасытные от обмана, метнулись за мной. Попытались схватить за ноги. Я клацнула зубами, снова крутя кистями. Внутри меня словно бурлила неизвестная ныне энергия, приятная, схожая с жжением от старинного перстня. Вода, будто соединившаяся со мной воедино, больше не враждовала. Наоборот, выталкивала кверху, не позволяя проворным чудищам потянуть обратно на дно. Совсем чуть-чуть — и... Я вдохнула до невозможности желанный кислород.

Рассеянно ориентируясь в пространстве, я сощурилась от резкого света. Даже сгустившийся туман не сумел всецело поглотить лучи рассветного солнца... На берегу по-прежнему сидел Ян, сонно склонив голову. Я, озлобленная на его поступок, рьяно поплыла к суше.

— Эй! Какого чёрта было?

Услышав мои крики, парень быстро отряхнулся, поднимаясь на ноги. Следом помог подняться, впиваясь глазами

В МОИ.

— Водную стихию можно обуздать по-разному. Простоять целый день под ледяным дождём или провести неделю в сыром колодце. Однако те ведьмы, что были одарены шутловками, гораздо сильнее остальных. Они способны иссушать моря и даровать дожди в ужасную засуху. Тебе нужна сила, Агата, чтобы остальные не сожрали с потрохами.

Всё ещё злясь, я топнула ногой в знак протеста, отводя взгляд. Не позволю читать мои мысли. Не хочу, чтобы он увидел то, что вспомнила я. Мама... Это она попросила оберегать меня. Но почему Ольга так не хотела, чтобы её дочурка стала ведьмой? Ведь в детстве, тогда, когда я провалилась под лёд, меня спас лишь дар бессмертия...

— Агата, замри.

Неожиданный приказ заставил напрячься. Я послушно замерла, ожидая его дальнейших действий. Ян приоткрыл мой рот, с присущей ему нарочитой аккуратностью. Громкое дыхание опалило щёку. Случайно задев пальцем язык, Ян оставил руку, надавливая так, чтобы я не сумела сомкнуть челюсть. Моё сердце неминуемо забилося быстрее, находя такие движения весьма... интимными. Однако сосредоточенные серые глаза опять не искали во мне никакой пошлости, всего лишь выполняя должное.

— Чуть-чуть потерпи.

Второй рукой он обхватил мой затылок, подталкивая к себе ближе. Горло резко запершило, словно из него выползала

змея. Я скорчилась, желая прокашляться. К моему удивлению, Ян резко оттянул ладонь назад, следом за ней забирая из моего рта огромный водный «клубок».

— Ты захлёбывалась всю ночь. Может, пока и не ощущаешь, но у тебя все лёгкие были заполнены водой.

Он отпустил меня, позволяя громко прокашляться. Когда дело было сделано, я недовольно засопела, попутно съёживаясь от холода. В утреннем лесу оказалось достаточно свежо, особенно когда вся одежда являлась мокрой. Ян, явно заметивший крупные мурашки, что покрыли всю мою кожу, прикрытую лишь прилипшей школьной формой, виновато улыбнулся. Затем быстро снял свою толстовку, протягивая мне.

— Тебе нужнее, Агата.

— Это уж точно, Ян.

Ему действительно так нравилось произносить моё имя? Или это манера речи такая странная? И... Погодите-ка.

— Разве ты не владеешь огненной стихией?

— Верно. Но и водной тоже. Это очень редкий дар — обуздать сразу две и, тем более, несколько стихий. На сегодня закончим. Послезавтра проведём ещё одно занятие.

— Ещё одно?! Мне хватило и одного раза быть утопленной кучей мерзких русалок! — тут же забыла о всякой магии я.

У Яна смягчилось лицо. Обычно напряжённый, он позволил себе пропустить тихий смешок. Следом, скорее неосо-

знанно, как-то слишком странно потянулся к моей щеке, стряхивая пару крупных капель.

— Без утоплений, клянусь. Я хотел проявить твой дар. Теперь, когда ты его ощущаешь, я научу тебя им пользоваться, Агата.

Он медленно поводил указательным пальцем, и вся вода, что осталась на моих волосах, будто магнитом прилипла к нему. Безумие... Будто только сейчас, а не тогда, когда на меня напала мара, и даже не тогда, когда я вновь задышала на дне чёрного озера... Именно в этот момент, глядя на мелкие капли, замершие в воздухе, я по-настоящему осознала, что и впрямь находилась в другом, совершенно неизвестном магическом мире.

— Можно было и раньше избавить меня от мук холода, Ян, — в итоге выдохнула я.

Он цыкнул и махнул рукой, указывая на путь обратно. Я больше не желала говорить, находясь в состоянии, схожем с похмельем. После встречи с русалками что-то внутри щёлкнуло. И самое странное — из ниоткуда, словно с тьмы лесной чащи, доносился чей-то нежный, обволакивающий шёпот. Совсем неразборчивый, но в то же время до жути отчётливый. Полностью погрузившись в собственное сознание, я и не заметила, как завиднелись уже известные сознанию очертания громоздкого здания.

— Тогда я пойду, — вяло промямлила, вспоминая, что корпус Двенадцатого года находится отдельно.

Ян отрицательно мотнул головой:

— Не сможешь. До семи утра двери главного корпуса на-
мертво закрыты.

Странное наваждение быстро взмыло в космос. Как это закрыты? Он что, вначале решил меня утопить, а теперь и без сна оставить?!

— У нас переночуешь, в гостиной.

Изогнув брови домиком, я какое-то время не находила ничего лучше, чем намертво приклеиться кроссовками к земле. В итоге, приняв неизбежное, неоднозначно кивнула, обещая себе, что эта ночная встреча с Яном — последняя. Про такие условия мне никто не рассказывал.

— Ладно.

Признаться, положительный ответ дался мне тяжело. Что скажут девочки, когда не увидят меня в постели? Про своего учителя-то я никому весточку не передавала. Кроме Марка, конечно. Которому пообещала на подобные уроки не соглашаться.

С такими мыслями я дошла до каменного дома и перешагнула порог уютной гостиной, освещаемой лишь тусклой свечой на журнальном столике. Ян тихо закопошился в шкафу, впоследствии вручая мне бежевый плед и маленькую перьевую подушку.

— Спокойной ночи, Агата, — недолго помявшись на месте, в конце концов произнёс он.

— Вернее, спокойного утра, — с упрёком поправила его

я, с огромным нежеланием вспоминая о лекции через четыре часа.

Я легла на крайне удобный диван, практически сразу же проваливаясь в сон. Находясь в полудрёме, лишь инстинктивно ощущала, что Ян по-прежнему находился рядом. Однако, в итоге, затушив одинокую свечу, он растворился в сумеречном свете.

Глава 7: Урок астральной магии.

Он снова стоял надо мной и истерично бормотал себе под нос. Голос его менялся, как у самой порочной мары. Я вечно жмурилась, задерживала дыхание, боясь, что стоит шевельнуться, и он свернёт мне шею, не посмотрев на бессмертие. Будет мучить, измываться, пока не потеряется счёт времени. Иногда мне казалось, что его шептание смутно напоминает кого-то знакомого... Однако, прежде чем приходило осознание, глаза предательски раскрывались.

Я резко вскрикнула, подпрыгивая с мягкого дивана. Нет, не от кошмара. И надо мной нависало вовсе не злобное чудище, а весьма симпатичная девица азиатской внешности, скривившая губы в надменной усмешке. Тонкими изящными руками она удерживала голубое ведро, из которого только что благополучно вылила на меня ледяную воду.

— Ян просил тебя разбудить до девяти утра. Чтобы на лекции не опоздала.

Совсем буднично, будто не делая никакой пакости, произнесла она, скалясь всё шире. Впрочем, неудивительно. Прошло две недели с нашего злополучного занятия с Вознесенским. В первое моё пробуждение на диване Двенадцатого года Кира, именно та, которую я застукала в тёмном углу библиотеки с Яном, лишь закатила глаза и прошипела что-то

сквозь зубы. В последующем же... Что-то да вытворяла: за-пирала меня в доме, высмеивала с подругами, а пару раз даже кидала мелкие камешки в затылок. Воспользовавшись стихией Земли, конечно же. Признаться, поначалу хамить я ей не решалась: одна из трёх сильнейших, мол, вдруг ещё и за-живо похоронит. Но со временем поняла, что помимо редкого использования земельной стихии на большее Краснова идти не торопилась. То ли боялась, что Ян на неё больше не взглянет, то ли ещё что. В любом случае...

— Кобыла тупорылая, — закатила глаза я, клацая зубами от холода. — Ноги длинные отрастила, а думать не научилась.

Две недели даром не прошли. Встречи с Яном стали более частыми. Настолько, что ночевать в «родном» крыле приходилось реже, чем здесь, а времени на изучение чего-то другого, например, книги, подаренной Еленой Эдуардовной не хватало вовсе. Он научил меня азам водной стихии и выкроил в сознании три главных правила. Спокойствие. Концентрация. Внезапность. Я по-прежнему не умела вызывать проливной дождь или свирепое цунами, но вполне осилила вытянуть из промокшей одежды всю влагу и переместить её на Киру, уже скалящуюся не столь радостно. В моменте голубые глаза угрожающе сверкнули, губы у неё агрессивно зашевелились, задрожали, готовые проклясть весь мой род. Но в итоге она обошлась лишь недовольным цоканьем и плавным разворотом в свою комнату.

— Поплатишься ведь, воровка, — напоследок пригрозила Кира, скрывая озлобленную физиономию за тяжёлой дверью.

В очередной раз миновав опасность, я поднялась в душ. Признаться, чаще предпочитала мыться в своём крыле, а иногда даже удавалось прийти до подъёма девочек и нагло сделать вид, будто ночевала я совсем не у сильнейших студентов университета. Однако сегодня времени и впрямь практически не оставалось. О... И пользовалась я здесь душевыми принадлежностями Киры ей назло, что несказанно поднимало настроение. Вначале стеснялась, но после того, как девушка напрямую объявила войну, что уж терять. Не в моём характере отсиживаться. Вот и сейчас я подняла с пола мятые юбку с рубашкой, чуть дальше захватила полотенце, опустила дверную ручку и...

— Вот чёрт! — прикрикнула, быстро закрывая дверь обратно.

Думала, мне показалось, когда услышала журчание воды. Ну не должно в доме быть никого в такое время. Уж за полмесяца у меня получилось выучить расписание каждого из троих тут живущих. Ян спал всего несколько часов, уходя раньше всех; Кира — немногим позже его, изредка возвращаясь, чтобы меня разбудить, и Максим — за двадцать минут до первой лекции. Однако... Видимо, последний из вышеупомянутых сегодня решил прогулять. О нём я мало чего знала, ведь лично мы и не знакомились. Парочку раз спра-

шивала про него у Яна, но тот, как следовало ожидать, не был многословным. Говорил, мол, сосед его по комнате, из способностей — видит будущее. На вопрос: «Разве ясновидящих так мало? Даже в человеческом мире гадалок очень много», он вздыхал и предлагал перейти к тренировке. В целом, несмотря на то, что с Яном я проводила большую часть времени, наши взаимоотношения не то чтобы продвинулись... Он будто держал меня на расстоянии. Грубил редко, но и в откровения пускаться не торопился. Впрочем, сейчас вовсе не об этом...

В столь желанной ванной комнате висел клубок тёплого пара, за ним — шелест воды, совсем не перекрывающий непристойные стоны, доносящиеся из душевой кабины. Елизавета Каменская, моя давняя подруга, что с таким восхищением высказывалась об обладателях чёрных галстуков, выгибалась, словно кошка, под знойными ласками крепких, опытных рук. Юноша с длинными волосами и мягкими чертами лица, в котором я быстро узнала Максима, прижимал её к болотного цвета плитке на стене, хищно поглаживая бедра. А затем... крайне лениво отлип, замечая непрошеную гостью, что тут же ойкнула.

— Я не хочу ничего слушать. Просто дайте мне помыться! — энергично замотала головой я, стояло Каменской, только успевшей скрыть наготу белоснежным полотенцем, бросить на меня постыдный взгляд.

— А ты не завидуй, — усмехнулся Макс, убрав с лица

прядки влажных белобрых волос. — Ян тоже когда-нибудь даст.

Закатив глаза, я толкнула его плечом, опять позабыв все страшилки про учеников с Двенадцатого года. Прежде чем запереться в ванной, услышала брошенный в спину смешок и усталый вздох Лизы. Что ж, возможно, из-за тренировок с Яном, явно накрывших меня с головой, я и позабыла о том, как давно мы с ней откровенничали. И теперь диалог о подлинности нашей дружбы откладывать попросту нельзя. Особенно после того, как узнала, что принимаем общие ванны с ней мы не только в девичьей душевой.

Побывав на самом дне озера... Умерев на несколько часов... И, в конце концов, пробудив свой дар, скрывающийся внутри множество лет, вода начала восприниматься мной иначе. Горячие капли, выливающиеся из лейки, словно обволакивали тело в блаженной пучине, становясь с ним одним целым. Я начала ощущать воду, чувствовать всё спокойствие, возложенное в ней. А капли, парящие в воздухе от одного лишь взмаха рукой; от должной концентрации и затуманенного взгляда, следящего за каждой струйкой, вызывали внутри щемящее чувство преданности к магическому ремеслу. Когда это произошло впервые, я наконец поняла, что это такое — быть ведьмой.

Выйдя из душевой и наспех переодевшись в учебную форму, выскользнула из парадной, первым делом намереваясь забежать за конспектом по астральной магии, которая дава-

лась мне весьма тяжело и безрезультатно. Лиза не зря говорила сначала обучиться азам и только потом пытаться пробовать нечто более сложное... Потому что «более сложное» попросту не получалось.

Стоило же сделать шаг за порог — я замерла. Двор университета преобразился до неузнаваемости всего за одну ночь. Ветви старых вязов обвивали гирлянды из сушёных яблок и алой рябины, свечи горели в стеклянных банках, подвешенных к деревьям. Каменные лестницы, ведущие в главный корпус, устланы охапками листьев, будто сама хранительница осени прошлась по ним босиком. Возле главного фонтана, изображающего ту самую древнюю Богиню, молитвы к которой шептали на парах по жертвоприношениям, расположился прозрачный стол с караваями и гроздьями винограда. Студенты, обычно в пасмурные и туманные утра угрюмо спорившие о грядущих зачётах, сегодня смеялись и пели, украшая макушки цветочными венками. Кто-то, расположившись на газоне, смаковал кусок яблочного пирога, другие же пускали в небо зеленоватые искорки огня, норовившие выскользнуть прямым из кончиков пальцев.

Я стояла, неловко прижимая к груди рюкзак со спальней одеждой, и не могла понять, что происходит. Мир вокруг словно заиграл новыми красками и совсем незнакомым ранее среди ведьм праздничным настроением.

— С Мабом тебя, ведьмочка! — послышался громкий возглас из-за спины.

Обернувшись, увидела позади Марка, который намеревался опустить на мою голову венок из лиловых, приятно пахнущих цветов. На его губах играла фирменная широкая улыбка во все тридцать два белоснежных зуба, на курчавой макушке — уместилось ромашковое соцветие. Я окинула его озадаченным взглядом, позволяя обнять, скорее из-за внутреннего смятения. С Кайзером мы играли в молчанку с момента того, как он застучал меня выходящей из корпуса Яна. То есть с неделю как. Мы сильно повздорили: он даже обещал настучать обо всём директрисе, ведь посещение леса по ночам строго запрещено. Я послала его, сославшись на то, что обуздать стихию мне куда важнее глупых правил, и, если он не планирует учить меня самостоятельно, то и отказываться от уроков Вознесенского я не планирую. И вот, спустя множество свирепых взглядов, кинутых в мою сторону, он с лёгкостью схватил меня в плен и не выпускал, пока я не начала возмущаться.

— Мабо... Что? И не ты ли ходил обиженным всю неделю? Кажется, даже грозился жалобы на меня написать, — с заметной язвительностью в тоне произнесла я, отходя от парня на более безопасное расстояние.

— С Мабоном, Агаточка, Днём осеннего равноденствия! — вновь, совершенно непринуждённо, вымолвил Маркус. — А что касаясь обид... Полагаю, на время священного праздника стоит о них забыть. Всё-таки это наш день благодарности!

Мабон... Кажется, я слышала это слово на одной из занудных лекций по истории ведьм, которые благополучно проводила в полудрёме.

— И что же это за праздник, раз ты готов отступить от принципов? — с укором приподняла правую бровь я.

Марк состроил обворожительную мордашку и галантно протянул руку, предлагая провести экскурсию по ранее неизвестному мне празднику. Противилась я чересчур уж лениво, в тайне искренне радуясь тому, что наш конфликт сошёл на «нет». За неделю, проведённую только с Яном и девочками, я успела соскучиться по крайнѐ симпатичному и саркастичному молодому ведьмаку.

— Праздник олицетворяет равновесие: с этого дня луна, то есть тьма, начинает постепенно поглощать солнце, так называемый свет, и предавать ведьмам больше сил. Считается, что в ночь Мабона ведьма готова познать свою теневую сторону, ту, что кроет саму суть её существования, — он потянул меня к ряду громоздких столов, усыпанных различными фруктами. — Яблоками мы благодарим Богиню за знания; подсолнухами — знаменуем уход в спячку Солнцебога и прилив новых сил; орехами и злаками — укрепляем связь с землѐй и надеемся на будущее её изобилие.

— Сколько символизма... — фыркнула я, однако от красного налитого яблока не отказалась.

Марк, однако, шутливо ударил меня по руке, отбирая сочный плод.

— Перед тем как съесть что-либо со священного стола, надо поблагодарить Богиню и Мабона, её сына, за их щедрость. Вот, смотри!

Он схватил крупную гроздь фиолетового винограда, поднимая её кверху, чем привлёк взгляды проходящих мимо студентов.

— Благодарю Землю за её щедрость, Солнце — за свет, Воду — за жизнь, а Воздух — за дыхание. И пусть равновесие озарит моё сердце, как равны день и ночь сегодня, — со всей театральностью воскликнул он, напоследок вызывая сильный поток ветра, всколыхнувший осеннюю листву, далее съедая пару крупных ягод.

Девушки, стоящие чуть поодаль, начали смущённо перешёптываться, прикрывая рты длинными рукавами. Кто-то рассмеялся, поддерживая давнюю традицию и повторяя благодарность за Кайзером. Я же... Ощущала определённую неловкость и скептицизм: благодарить за каждый кусок... Это можно и совсем свихнуться.

— И всё же, в основном, все обходятся обычным «спасибо», — заметив моё смущение, объяснил Маркус, всё же позволяя надкусить треклятое яблоко.

Ветер, никак не желающий униматься после заклинания Марка, рассекал молочный туман, прокладывая дорогу к главному входу, вокруг которого ученики разных годов танцевали причудливые танцы под звук крупных барабанов. Чуть дальше соорудили небольшую статую Богини и Рога-

того Бога, которым подносили позолоченные кубки с алой жидкостью.

— Вино является главным напитком Мабона... — поторопился унять мою тревогу насчёт происхождения этой «жидкости» Маркус.

Своим раскалённым дыханием он опалил моё ухо, почти что касаясь бледными губами мочки, скрытой за растрёпанными золотистыми волосами. Тело вмиг покрылось мурашками, а в голову полезла неловкая ситуация на заднем дворе и резко возникшее в груди чувство окрылённости. Являлся он медиумом или кем-либо другим, сердце от присутствия совсем ещё юного парня начинало биться сильнее и задроннее. А от едва уловимого запаха елового парфюма бросало в жар.

— И самое главное событие Дня осеннего равноденствия — это вечерний бал. Правда... С веками данное событие для студентов приняло облик, скорее, легальной попойки в красивых нарядах, — усмехнулся он и, словно заметив мою реакцию, придвинулся ближе.

Множество перстней, украшающих его длинные пальцы, обжигали холодом моё оголённое запястье. Хитрый взгляд изумрудных глаз медленно смещался ниже, к губам, затем ключицам, выпрыгивающим из-под мятого ворота. Он не видел меня обнажённой, как Ян, но смотрел куда более хищно, с желанием поглотить всё без остатка.

— Обязательно при объяснениях стоять так близко? — с

мелькающими искрами волнения спросила я, легонько толкая его в грудь.

— Хочешь сказать, тебе это не нравится, ведьмочка? — облизнул губы он, всё-таки перенимая внимание на дары природы, разложенные около алтаря.

Я не ответила, на этот раз пересекаясь взглядом совсем не с Кайзером, а с тем, что наблюдал за всей праздничной картиной издалека, практически скрывая свой силуэт за дымкой молочного тумана. Однако эти серые глаза, как всегда изучающие и холодные, следящие за каждым движением; те, от которых коробило независимо от ситуации, нельзя было не заметить. Ян Вознесенский, явно вот-вот торопящийся скрыться за массивными дверьми, безмолвно окликнул меня, делая едва заметный кивок.

«Он хочет поговорить? Но о чём?» — тут же посыпались вопросы внутри меня.

Ян никогда не проявлял дружелюбия днём. Даже не здоровался, если мы пересекались, позволяя обмениваться лишь беглыми взглядами. Всё наше общение ограничивалось исключительно ночью и долгими уроками по стихиям. Поэтому его резкое желание показать всем наше знакомство друг с другом, тем самым подтверждая ходящие по университету сплетни, не могло не удивлять. Словно по инерции я сделала пару уверенных шагов к нему, но Марк вовремя перехватил моё запястье, заостряя нижнюю челюсть.

— Кто хочет с тобой поговорить? — пытаюсь сохранять

мягкий тон, аккуратно спросил он.

Зелёные глаза давно не блуждали по моему лицу, будучи устремлёнными в сторону Вознесенского. Однако, когда я и сама решительно подняла голову, никого, помимо громкого танцующего хора около дверей, не оказалось. Яна словно и след простыл.

— Ни с кем, — буркнула я. — Ты же читал мои мысли?

— Дурная привычка. Никак не могу отказаться, — выкрутился Марк, а я в очередной раз пришла к выводу, что барьеру мыслей требовалось научиться как можно скорее.

От последующих расспросов по поводу нагло взятых из моей головы мыслей помогла избавиться Аня, вовремя заметившая свою соседку среди кучи студентов.

— Агата! — разорила тонкие губы в улыбке девушка, украсившая рыжие волосы алыми цветами. — Мы с Викой уже совсем тебя потеряли. Когда планируешь приходить домой по ночам?

Завидев резко проснувшийся интерес Марка, который вот-вот был готов требовать ответы насчёт того, где же ночует его бойкая подруга, я схватила Аню под руку и, сделав вальяжный поворот назад, махнула на прощание, держа траекторию к главному корпусу.

— Тише будь... Он ведь меня замучает потом... — болезненно зажмурившись, произнесла я, с облегчением понимая, что отвязаться от прозорливого Маркуса всё-таки удалось.

— Не вижу ничего плохого, — хитро усмехнулась Аня,

переходя на шёпот. — Знаешь ли... Кайзер ни одной юбки не пропускает и не зря. Я сама с ним встречалась месяцок в прошлом году и могу с уверенностью сказать: если бы зачисляли по навыкам в постели, Марк давно учился на Двенадцатом году.

Я, невзирая на игривый настрой подруги, заметно помрачнела. Конечно, у меня давно закрались подозрения насчёт ветрености столь уверенного для своих лет колдуна, не обделённого ни силой, ни внешностью, но осознание того, что его поведение и впрямь — нечто обыденное и совсем не особенное, сильно расстраивало. И всё же... Как можно было бросать пыль в глаза настолько искренне? Всё ради секса?

— Только не говори, что влюбилась... — заметив перемены в моём настроении, сказала Ляшкевич. — Хотя все через это проходили. Честно говоря, я и сама рыдала крокодильими слезами в декабре. И всё из-за этих пронзительных глаз. Впрочем, поговаривают, что его отец в юности был точно таким же.

— Да не влюбилась я. Просто раздражает, — вполне искренне вымолвила сквозь томный вздох.

Взяв нужную тетрадь, мы поторопились пройти на занятия, по пути подхватив с собой и проспавшую Вику. Отсидев несколько достаточно продуктивных лекций, я и две сестры отправились на пару по астралам, которую вела Козак Розалия Альбертовна. Когда я впервые увидела скандально известную преподавательницу, сильно усомнилась в сло-

вах Ани. Женщина, являющаяся по возрасту немногим старше нас, мало походила на местную психичку. Маленькая ростом, с хрупкой фигурой, иссиня-чёрными короткими волосами, которые она заправляла за крупные уши, и детскими, почти кукольными чертами лица. Она выглядела весьма милостиво, хоть и глаза у неё были пронизывающими, светло-серыми, почти бесцветными, как два осколка льда.

— Передайте тем, кто опаздывает, что могут не заходить. Будут обрабатывать мне лично, — грубый, местами хриплый голос слишком сильно выбивался из общей картины.

Розалия Альбертовна вошла в аудиторию, как всегда, бесшумно, словно скользя по воздуху, не касаясь пола миниатюрными ножками, всунутыми в длинные каблуки. Будучи полностью обманутым добродушной внешностью, стоило попасться под её взор свирепых глаз, выглядывающих из-под полукруглых очков, и хотелось сразу провалиться сквозь землю, лишь бы не выдавать свою никчёмность. Так и сейчас, только она осмотрела нас, как в аудитории воцарилась идеальная тишина.

— Как вы должны были выучить с прошлых занятий, «Астральная магия», — начала она своим тихим, но удивительно чётким голосом, от которого пробежали мурашки по коже, — это не просто раздел магического искусства. Это путь. Предназначение. К расширению границ собственного сознания, путь к истинной природе бытия. Для начала — это выход из физического тела, реальное, осознанное перемеще-

ние сознания, оставляющее физическую оболочку в состоянии глубокого транса. Но, как вы знаете и чему обучают вас, начиная с Седьмого года, более продвинутые ведьмы способны забирать тело и переноситься в астрал полностью.

Она прошлась вдоль первого ряда, её взгляд оказался на одной из задремавших студенток, которой Розалия Альбертовна тут же дала указкой по голове.

— Чтобы достичь этого состояния, — продолжила женщина, — требуется абсолютная концентрация и расслабление. Нужно научиться отпускать так называемый «якорь», представлять, как ваше сознание медленно и без усилий отделяется от плоти, но затем делает рывок и забирает оболочку с собой. Нужно почувствовать лёгкость и невесомость, а затем — вибрации. Для этого требуется не только строгая дисциплина, но и терпение. Спешка — ваш злейший враг. Не так ли, Феликс Алексеевич? — обратилась она к конопатому парню, попытавшемуся скрыться за множеством макушек.

— В-всё верно, Розалия Альбертовна! — тут же выпалил юноша.

— Думаю, обучиться моему предмету Вам не грозит, раз уж вы не удосужились даже притронуться ручкой к тетради, — покачала головой она, взмахивая костлявой рукой.

От столь лёгкого движения стул бедного пройдохи жалобно скрипнул, а записная книжка зашелестела, буквально вереща о том, чтобы Феликс немедленно начал писать каждое сказанное слово, обязательно идеальным почерком и без за-

чёркиваний. Я, завидев последствия «непродуктивного посещения занятия», почувствовала, будто камень с плеч упал: мой карандаш едва поспевал за её словами, выводя на желтоватом листе ключевые тезисы.

— Но попасть туда в физической оболочке — полдела, — её голос стал чуть строже. — Главное — выжить. Вернуться обратно без последствий. И в эфемерном состоянии тяжело, но, перенося и кровную оболочку... Вы подставляетесь под угрозу быть распятым или разрезанным на две части. Поэтому запомните основные правила астрала. Первое и неизбежное: никогда не отрывайтесь от своей золотой нити. Да, это ваша жизненная пуповина к физическому телу в первом случае, во втором же она нужна, чтобы не забыть путь обратно и перенестись без повреждений. Её разрыв означает неминуемую и необратимую смерть. Второе: не вступайте в контакт с сущностями, чья природа вам неизвестна. Вам разрешено разговаривать только с теми, чья душа излучает серебро, но если она светится красным — немедленно возвращайтесь. Да, астрал полон как прекрасных и вдохновляющих, так и крайне опасных существ, в том числе и бывших ведьм, которые хотят поменяться с вами местами и вернуться в наш мир. Третье: всегда сохраняйте ясность ума и следите за временем. Страх — ваш главный враг, как и желание. В астрале спокойно и хорошо, время там течёт совсем по другим понятиям, поэтому в голове вам всегда надо знать, что не прошло больше получаса. По истечении тридцати минут вы можете

остаться там навсегда. Помните, что астрал искажает ваше восприятие и может путать, для этого вам нужна нить. Держа её в руке, вы будете продолжать сохранять рассудок. Четвёртое, возможно, для многих самое важное правило: не пытайтесь управлять чужим телом или влиять на физический мир напрямую, находясь в астрале. Это может привести к непредсказуемым, часто фатальным последствиям. И, наконец, пятое: не используйте в астрале магию. Энергия там совсем другая, и, вполне возможно, что брошенное даже самое простейшее заклинание может сыграть против вас.

Она сделала паузу, вновь обведя всех строгим взглядом, словно проверяя, насколько глубоко её слова въелись в наши головы. Все замерли, не осмеливаясь пошевелиться. Тогда, видимо удовлетворённая реакцией, Розалия Альбертовна позволила себе лёгкую улыбку, снова обманывая каждого из присутствующих ослепляющими чертами лица.

— Сегодня, как вы знаете, важный день, — её тон слегка изменился, стал чуть мягче, но не менее властным. — День Мабона. Время равновесия, сбора урожая и переосмысления. А значит, и занятие по астральной магии должно быть особенным.

По аудитории пробежал еле слышный шепоток. Что-то необычное на паре у Розалии Альбертовны? Подобное звучало, скорее, как приглашение на смертную казнь.

— В честь этого я решила сделать небольшое отступление от привычной программы. Сегодняшнее занятие частич-

но проведу не я, — на её лице промелькнула эмоция гордости. — Мне помогут наши два гостя. Ученики, которые давно превзошли многие теоретические и практические знания, полученные в стенах нашего университета. Они... полагаю, по праву считаются лучшими в астральной магии в нашей Alma Mater.

Моё сердце пропустило удар, а на лице засияла улыбка. Неужто Лиза? Вспоминая то, что девушка сумела перенести в астрал не только себя, но и наделавшего дел Маркуса, у меня едва ли оставались сомнения на этот счёт. Но... Насколько мне помнилось, университет не оценил её отважность по заслугам... И мои опасения подтвердились.

Дверь в аудиторию распахнулась, и надежда увидеть в роли учителя давнюю подругу потухла также быстро, как и зародилась. Ян. Мой взгляд невольно метнулся к нему, и по телу пробежала волна странного напряжения. Статный, с копной чёрных непослушных волос и едва выделенными светлыми прядями, небрежно спадающими на лоб. Оказалось очень непривычным увидеть его в стенах университета, а не в туманном лесу. Я часто задумывалась насчёт его мотивов... и всякий раз приходила к выводу, что знать мне их не стоит. Как ни крути, странно, что такой скрытный, по-своему внушительный колдун предавал столь большое значение неопытной незнакомке. Его таинственность всегда немного тревожила, хоть и ворожила одновременно. Глядя на Яна, я испытывала смешанные чувства: уважение, но и некоторую

неловкость от нашей тайной связи, вперемешку с неопределённым страхом перед тем, что ждёт нас на этом занятии. От воспоминаний о его методах получения высшего результата до сих пор становилось не по себе.

Рядом с Яном стоял Максим Камышев. Высокий и подтянутый. Белобрысый, с длинными волосами, скрученными в небрежный пучок. Черты лица — набор противоположностей. Глубокие, резко выделенные скулы, высеченные на бледном лице, соседствовали с мягкой, почти незаметной линией губ. Нос прямой, зауженный к кончику, а лёгкая щетина — короткая, русая, добавляющая брутальности, но не делающая грубым. Тёмно-карие глаза, с чуть приподнятыми уголками, будто в них играла вечная усмешка, говорящая о том, что он знал то, что недоступно остальным. Только сейчас мне удалось его разглядеть с особой внимательностью, и, пожалуй, первое, что бросалось в глаза, — улыбка. Она была замершая, блёклая и до жути грустная. Полагаю, ею, вместе с глубоким, но не пугающим, как у Яна, взглядом, он и привлёк Лизу. Настолько, что она не постеснялась протиснуться в душевую, зная, что я мирно дремлю на диване.

От мыслей про нервное утро на моём лице заиграла злобная ухмылка, быстро стёртая, стоило Розалии Альбертовне вновь подать голос. Она окинула двух юношей взглядом с нескрываемой гордостью, совсем для неё несвойственной:

— Представляю вам лучших из лучших — студентов Двенадцатого года. Ян и Максим будут помогать мне сегодня,

контролируя ваш процесс погружения в астрал!

По аудитории прокатился вздох восхищения. За короткий срок моего здесь обучения я успела зарубить на носу, что для всех учеников тройка из Двенадцатого года чуть ли не сродни божествам, которым они поклонялись. Даже Аня, до этого скрывая сонные глаза за густыми рыжими волосами, с большим интересом вглядывалась в непрístupный силуэт Вознесенского.

— Мы проведём своего рода соревнование, — продолжила Розалия Альбертовна. — К первому этапу будут допущены все желающие. Он проверит ваши способности к астральной проекции, которые вы оттачивали все прошлые годы. Ваша задача состоит в том, чтобы перенестись в астрал, пока что без попытки забрать с собой и физическое тело.

Она сделала небольшую паузу, давая осознать всю серьёзность.

— В астрале я спрятала три медные монеты. Все разные и созданные лично мной, поэтому даже не думайте мухлевать. Три счастливица, сумевшие найти одну из монет, пройдут во второй, финальный этап. Там вам предстоит совершить уже более сложный трюк — войти в астрал в физическом теле, рука об руку с наставником.

Преподавательница посмотрела на Яна и Максима, и, к собственному удивлению, я заметила, как между ними промелькнула тень соперничества. Раньше мне думалось, что Вознесенский равнодушен абсолютно ко всем, но, возмож-

но, даже у такого закрытого и своевольного человека имелись друзья.

— Во втором этапе ваша цель — отыскать сущность, которая охраняет деревянную шкатулку.

Студенты зашумели. Задание со взаимодействиями с жителями астрала казалось небезопасным, но невероятно интригующим.

— Тот, кто первым обнаружит шкатулку, — голос Розалии Альбертовны звенел, как колокольчик, — автоматически станет участником Турнира Ночи, проходящего в конце года. Турнир среди лучших из лучших, — она криво улыбнулась. — Так что дерзайте. И помните, что астрал — это вам не игрушки, а проверка силы воли и ума.

Я почувствовала, как кожа покрылась мелкой рябью, не только от предвкушения, но и от лёгкого озноба. Всего секундой позже пришло осознание. За пять занятий по астральной магии я так ни разу и не смогла отделить сознание от тела. Розалия Альбертовна, славившаяся беспощадностью по отношению к бездарности учеников, меня, в основном, игнорировала, хоть и отрицательно кривила губы, видя тщетные попытки преуспеть в её предмете. Я понимала её: как и сказала Лиза, в университете никто не планировал меня учить. Нужна-то я им совсем по иной причине, которую мне не разглашали. А стихийной магии мало, чтобы суметь с ходу обучиться и другим, не менее занятным ведьмовским причудам. Я просто... не ведьма даже, в привычном

понимании для их мира. Так что решение принялось быстро и отговоркам не поддавалось — позориться не стану. Лучше тихонько отсидеться в стороне, на верхних партах, среди тех, кто реалистично оценивал свои способности. А таких оказалось немало. И вот я уже собралась перебраться назад, когда рядом со мной внезапно опустился Максим, тем самым отделяя от Вики с Аней, всюю готовившихся к испытанию.

За все дни единственными двумя нашими пересечениями стали мой первый день после зачисления и совершенно неловкая сцена в душевой. От этого его резкое внимание к моей персоне являлось крайне непонятным и достойным лишь угрюмого взгляда в ответ на наглую, уже не кажущуюся столь грустной, как ранее, полуулыбку.

— Агата, так ведь? Не собираешься участвовать? — спросил он тихо, склонившись так близко, что я почувствовала запах сандала, исходящий от его блестящих волос.

— С моими-то способностями? Смешно, — пожалала плечами я, инстинктивно отсаживаясь на несколько сантиметров.

В его тёмных глазах заиграли озорные искорки, а лоб, до этого идеальный, разразился мелкими мимическими морщинками. Он заговорщицки подмигнул мне, снимая с мизинца одно из множественных колец, что украшали его крупные, явно грубые пальцы.

— А если скажу, что я тебе помогу?

— Что? — удивлённо вскинула брови я.

— Тише-тише. Вот. Надень, — оглянувшись на аудиторию и удостоверившись, что за его действиями никто не следит, Камышев передал мне перстень. — Пару лет назад я выкрал его из астрала. Так что с этим кольцом ты войдёшь в него без каких-либо проблем.

Нерешительно сжав украшение в ладони, почувствовала, как холодный металл, наощупь совсем привычный, однако по ощущениям иной, пропитанный чем-то сильным и неизведанным, обжёг кожу.

— И зачем тебе это? В плане, помогать мне? Неужели стыдно за утро? — недоверчиво фыркнула я, но кольцо отдавать обратно не торопилась.

Вместо ответа Максим кивнул в сторону Яна, перебрасывавшегося сухими фразами с Розалией Альбертовной.

— Я в огромном долгу перед Вознесенским. А твоя победа нужна ему.

Нахмурившись, в очередной раз отметила про себя, что для Яна наши взаимоотношения являлись не просто жестом доброй воли. За его действиями крылась огромная тайна, приводившая нас в своеобразную игру, где я — ведомая, а он — поводырь. И всё же... Невзирая на все странности, предложение впервые войти в астрал при помощи магического колечка было слишком заманчивым, чтобы от него отказаться. Ведь... Даже если Марк окажется прав в том, что Вознесенский опасен, не начнёт же он действовать радикально именно сейчас? А пока у меня есть время подумать... Поче-

му бы и не насладиться моментом, так?

В этот момент Максим, видимо считывавший мою задумчивость за согласие, переключился на Вику, вот-вот готовую погрузиться в астральный мир.

— Ляшкевич... Солнышко, как ты? — голос его стал схожим с мурлыканьем мартовского кота.

Обычно тихая Вика резко нахмурилась, опуская взор бирюзовых глаз книзу.

— Отвали и не мешай мне, — шикнула на него девушка, вновь прикрывая веки.

— Ну чего ты так сразу? Может, я хотел предложить свою помощь. Как никак, на сегодня я ваш учитель, — настолько нежно проговорил Максим, будто пытался её не взбесить, а соблазнить.

— Говорю же, отстань! Ничего мне от тебя не нужно!!! — побагровела Вика.

Тогда он усмехнулся, придвигаясь к ней лишь ближе:

— Что-то случилось? Раньше ты так манила своим взглядом, а теперь вечно смотришь в пол.

Тогда терпению девушки пришёл конец. Вмиг вспыхнув, Вика, прежде чем кто-либо успел что-то сказать, вскочила со своего места и крикнула: «Да чтоб тебя мары сожрали», после чего вылетела из аудитории, хлопнув дверью так, что задрожали оконные стёкла.

В воцарившейся тишине было слышно только тяжёлое дыхание немногих студентов, что уже блуждали по астральным

мирам. Проводив Вику взглядом, у меня сразу же появилось невероятное желание зарядить кулаком по павлиньей физиономии Максима. Ведь, судя по всему, он вертел сразу двумя девушками, обе из которых являлись моими подругами. А за дружбу здесь... стоило цепляться. Особенно мне, ничего не смыслящей в их чудаковатой реальности.

— Студенты, которые ещё не вошли в астрал, даю вам десять минут, иначе вы не участвуете, — разрядила атмосферу строгим тоном Розалия Альбертовна, и сама заметно смутившаяся от неожиданной выходки Вики.

И правда... Выкинув из головы ненужные в данный момент мысли, я решительно проглотила воздух. Отступить нельзя. Перстень Максима продолжал подбадривающе греть руку.

«Итак... Пора пробовать», — мысленно произнесла я и закрыла глаза.

Глава 8: Жуткие тени.

Оказавшись в состоянии полудрёмы, я ощущала только еле заметную пульсацию чужого кольца на пальце. Перстень, словно живой, посылал лёгкие, щекочущие вибрации в мою руку. Тогда я сделала глубокий вдох, сосредоточиваясь по заветам Розалии Альбертовны на том месте, что успокаивало душу. В голове появился блёклый образ лесного озера, где вода лизала песок, а на берегу расположилась маленькая, ветхая хижина. Из трубы, украшающей крышу, струился густой дым; на окнах виднелись деревянные створки, всегда закрытые ночью. Я была там всего пару раз. В детстве... Кажется, с мамой. Признаться, даже не помнила, кому она принадлежит, но в памяти навсегда отложился вкус обжигающего елового чая, которым поил нас её владелец.

В последующие секунды я отпустила все мысли, но сохранила спокойствие, расплзающееся по телу. Сознание, словно мелкое пёрышко, начало медленно отделяться от тела. Я почувствовала лёгкую тяжесть... будто душа совсем не хотела покидать родную тюрьму, а затем — невесомость, внезапно обрывающуюся падением. И резко очнулась. Или, вернее, оказалась. В астрале.

Мир вокруг являлся совсем не похожим ни на что, что мне удалось видеть ранее. Это было пространство без начала и конца, залитое мягким, струящимся светом, не имеющим

определённого источника. Всё вокруг переливалось и мерцало, словно сотканное из крошечных разноцветных пылинок. Под ногами не имелось твёрдой земли, над головой — ни солнца, ни звёзд. Меня окружал лишь бесконечный, дымчатый простор, где краски перетекали одна в другую: от золотисто-жёлтых до индиго-персиковых — и проплывали силуэты привычных предметов из реального мира, порхающих в невесомости. Воздуха... казалось, не было. Но при этом я словно ощущала его дуновение и запах. Он пах озоном и чем-то неуловимым, схожим со скошенной весенней травой. Взглянув на руки, я и вовсе удивилась: моё тело было полупрозрачным, почти что туманным. Я не чувствовала ни веса, ни усталости. Просто... небывалое спокойствие, схожее с тем, что удалось мне ощутить в последний миг перед смертью на дне чёрного озера. Душу не терзали мирские заботы или сомнения. Никаких страхов. Разве что шаги давались с невероятным усилием. Я шла будто через густой кисель, преодолевая всем весом невидимое сопротивление самого пространства. Вдруг в ладони заискрилось нечто странное. Приглядевшись, увидела золотистый клубок нитей, что своевольно расправлялся с каждым пройденным шагом. Золотой шнур... Я сразу вспомнила слова преподавательницы. Это мой «якорь», связь с физическим телом. Моё спасение и напоминание о том, что нельзя заходить слишком лдаеко. От клубка исходило тепло, почти неуловимое, но ещё больше успокаивающее.

Я двинулась вперёд, следуя за интуицией. В таком пространстве найти монету казалось невозможным: повсюду порхало изобилие предметов, иногда полностью повторяющих очертания целых зданий. Но, честно говоря, и цели выиграть не было. Побывать в астрале в моём случае — уже победа. Вопреки мыслям, вдали начали мелькать силуэты, схожие с людскими тенью. Они бесцельно скитались по округе, отдавая серебристым свечением. Двигались плавно, бесшумно, не обращая на меня никакого внимания.

— Сущности... — прошептала я, вспоминая, что их серебряный отлив гарантировал мою безопасность.

«Если они не красные, значит, безопасны. Они — лишь отражение астрального мира. Эти души давно умерли, или их рождение произойдёт, наоборот, через множество лет. Если их не провоцировать, агрессивны так называемые серебрянки бывают крайне редко», — говорила Розалия Альбертовна на одной из лекций.

Приближаться к ним я всё же не решалась, но вдруг ощутила лёгкое покалывание на пальце. Не на том, где уместилось колечко Максима. Нет. Мою эфемерную оболочку принялся обжигать собственный перстень. Фамильный. Неприятное ощущение усиливалось, переходя в сильное жжение. И в тот миг я услышала почти неразличимый, схожий с шорохом ветра в листве, шёпот, гласящий лишь одно: *«К гуце... Серебра»*.

Он не прекращался, становясь всё более невыносимым,

пока я не сменила траекторию, повиновавшись своеобразному зову. Путь лежал прямиком к столпотворению серебряных силуэтов. Чем ближе я подходила, тем отчётливее становилось шептание. Войдя в самую гущу сущностей, я попыталась взглядеться в пустоту. Тени окружали меня, проплывали сквозь полупрозрачное тело, не причиняя вреда.

— Вот она!

Прямо посреди ни о чём не думающих сущностей лежала она. Медная монета, сверкающая от ярких вспышек света. Радость мигом захлестнула меня. Я, больше не обращая внимания на тяжесть в ногах, побежала к ней, разрезая пространство безобидных мар. Монета, которая быстро оказалась в моей ладони, была тёплой и весомой — единственным реальным предметом в этом нереальном мире. Я сжала её в руке, чувствуя эйфорию. Получилось... Я сделала это! И клубок... Даже почти не распутался: значит, времени было ещё много.

Золотая нить ярко светилась, указывая путь назад. Поблуждав немного по астралу, я решила вернуться обратно, посчитав, что подаренное спокойствие — ничто по сравнению с настоящей жизнью. Шагая следом за нитью, чувствовала, как с каждым движением усиливается притяжение, зовущее меня обратно в физический мир. И вот... последние пару рывков: тело вновь озарила лёгкая тяжесть, медленно возвращая меня в сознание.

Я распахнула глаза. Аудитория астральной магии была прежней: стены, выкрашенные в глубокий фиолетовый цвет, по словам Розалии Альбертовны, способствующий медитации; странные картины, изображающие абстракцию, состоящую из геометрических фигур и переплетающихся линий, с дюжину рядов парт из белого дерева, на каждом из которых стояли увесистые песочные часы; завешенные плотными, тёмно-синими шторами витражные окна, пропускающие лишь слабые лучи света, которые образовывали причудливые узоры на потолке; канделябры, расставленные по всему периметру, и внушительных размеров гобелен, висевший над столом преподавателя, изображающий дерево с корнями, уходящими вглубь земли. Так называемое «Дерево жизни». Увидев впервые весьма необычный кабинет, я пришла в восторг. Теперь же — облегчённо выдохнула. Получилось. С кольцом Максима я и правда с лёгкостью зашла в астрал, впоследствии без каких-либо проблем вернувшись обратно. А в руке и впрямь лежала медная монета. Тёплая, уже не кажущаяся столь тяжёлой, как в астрале, и самое главное — совершенно реальная.

— Агата!!! Ты смогла! — радостно завопила Аня, вдобавок хвастаясь и своей монетой тоже, отличной от моей только узором. — Я тоже! Мы в финале, понимаешь? Жаль, что Вика ушла, так бы, представь, все втроём посоревновались!

Я, вполне понимая чувства подруги, также завизжала в ответ, крепко её обнимая. Мы смеялись и прыгали, подобно

детям, узнавшим о продлении каникул. А потом, не стовариваясь, ринулись к Розалии Альбертовне, чтобы показать наши трофеи. Она, смерив нас оценивающим взглядом и особенно цепко оглядывая меня, всё же одобрительно хмыкнула, подзывая ближе и третьего счастливица — коренастого шатена с крупными чертами лица.

— Уважаемые студенты, прошу похлопать вам трём победителям, после чего вернуться на свои места! — произнесла она, обращаясь к скопищу учеников, с нетерпением желающих разглядеть удостоившихся второго этапа.

Мы с Аней, по-прежнему довольные собой и похвалой от «местной сумасшедшей», двинулись обратно. Стоило мне вновь усесться на обитый бархатом стул, как радость сменилась тревогой. В отличие от Анюты, моя победа не являлась полностью заслуженной, ведь без перстня Максима вряд ли бы что-то получилось. А теперь нам предстояло войти в астрал в физической оболочке. Это казалось невыносимым.

— Итак, — голос преподавательницы вернул меня к реальности. — Пришло время наставникам выбрать подопечных для второго этапа. Я, пожалуй, сразу заберу под своё крыло Ляшкевич, — услышав это, Аня широко распахнула глаза от ужаса, по-видимому желая видеть учителем кого-нибудь другого.

Я же затаила дыхание, переводя взгляд то на расслабленного Максима, то на хмурого Яна. Признаться, после «щедрого» подарка первого не знала, чего и ожидать.

— Вирхова Агата, — ни капли не сомневаясь, с равнодушным в голосе твёрдо произнёс Ян.

По аудитории прокатилось удивлённое оханье. Все, кроме меня и, пожалуй, Максима, явно принявшего выбор соседа по комнате как данность, пребывали в лёгком шоке. Я услышала, как за спиной начали перешёптываться, явно перемывая мне косточки и вспоминая сплетню двухнедельной давности. Ну, ту самую, которую мне принесла перевозбуждённая Лиза. О том, что мы с Вознесенским откуда-то знакомы, и что Кира, единственная девушка в их виртуозном трио, пребывает в бешенстве от моего появления в университете.

Ян, однако, хоть и навёл общую смуту, невозмутимо подсел ко мне, обращая взгляд серых глаз прямиком к моим.

— Готова?

— Ян... — неоднозначно кивнула я, говоря тихо и неуверенно. — Я должна тебе сказать, что без кольца Максима у меня бы ничего не получилось. И ещё... оказавшись в астрале... Я, кажется, слышала его. Ну, свой перстень.

Последние слова, кажется, его заинтересовали. Он напрыгся, а глаза стали более пронизательными.

— От Сомнеума не убежать, Агата, — загадочно произнёс Ян.

Сомнеум... Да, я определённо слышала это слово от него в первое наше занятие. Оно звучало таинственно и непонятно. Я хотела узнать ещё тогда, но он не дал, столкнув меня в

озеро. Так и сейчас вопрос застыл в воздухе, сбитый наставлениями Яна:

— У тебя всё получится, Агата. Возьми меня за руки, — мягко прошептал он, протягивая свои ладони.

Когда наши пальцы скрестились воедино, я заметила, как что-то изменилось в его поведении. Нечто, чего я не могла понять, но ясно чувствовала внутренне. Его взгляд, ранее словно только изучающий, стал другим... более интимным.

— Закрой глаза, — снова подал голос Ян. — Вспомни, как я учил тебя со стихией. Сконцентрируйся. Расслабься. Почувствуй полностью наше прикосновение. И представь астрал. Представь, как ты выходишь из собственного тела, медленно погружаясь в астральный мир.

Я внимала каждому слову. Перстень Максима всё ещё находился на моём пальце, успокаивая лёгким покалыванием. Я визуализировала бесконечный, мерцающий мир, в котором недавно побывала, спустя минуты чувствуя, как сознание вновь начинает уноситься куда-то далеко, постепенно отделяясь от физического тела.

— А теперь схвати себя, — прозвучал его голос уже совсем близко, словно прямо в моей голове. — Сильно схвати своё тело, Агата. Забери его следом.

Я открыла глаза. И увидела... себя. Моё физическое тело по-прежнему сидело на стуле, крепко схватившись за ладони Вознесенского. Он тоже держал меня крепко, привычно избегая области кольца, несущего смерть. Я парила над

нами, полупрозрачная, невесомая, а затем протянула руки и... ухватилась настолько крепко, насколько могла. Поначалу руки так и норовили пройти сквозь, но затем оболочка будто поддалась, начала постепенно взлетать следом, сливаясь с астральной проекцией в единое целое. Энергия жизни вновь наполняла каждую клеточку. И в тот же миг я оказалась в астрале. Не одна. В крепких объятиях Яна, прижатая к его груди.

Я отстранилась. Не так резко, как хотелось бы. Не так уверенно. Его тело хоть и являлось холодным, но почему-то обжигало. Взгляд — сейчас оказался пристальным, снова сканирующим. Он словно хотел прочесть мои мысли, но не решился. Стало неуютно.

— И что теперь? — спросила, пытаясь скрыть смущение. — Какой план действий дальше?

Ян молчал непозволительно долго, и, будь мы в реальном мире, а не в астрале, где шквал тревоги перекрывали очередные вспышки света, я бы уже с ума сходила от беспокойства.

— Эта победа нужна тебе и... мне, Агата. Поэтому придётся воспользоваться силой, — сказал он, выплёвывая слова. — Но это может быть опасно.

— Какой ещё силой? — настаивала я.

Ян отвёл взгляд, кивая на густую толпу мелькающих серебристых существей.

— Я впущу одну из них в себя.

— Что?! Но ведь... Ведь Розалия Альбертовна говори-

ла... не пытаться пользоваться здесь магией.

— Я знаю, Агата. Но эти существа подобны проводникам, понимаешь? Они видят то, что не видим мы в астрале. С их помощью возможно отыскать шкатулку за минимальный срок.

— Разве это не опасно для тебя?

Мысль о том, что внутри Яна поселится другое живое существо, наводила жути.

— Контролировать астральную сущность будет тяжело, но я справлюсь. Не впервой, — он опустил голову, будто и сам не уверенный в последних фразах.

Я замолкла, понимая, что его решимость являлась непоколебимой. Он смотрел куда-то вдаль, словно давая последний шанс зрению разглядеть шкатулку самостоятельно, без потусторонней помощи. Зачем ему моя победа? И так ли она важна, если все кругом и без того вопили, что в турнире мне участвовать придётся по собственной воле или же нет... В итоге всё равно не став спорить, отбросила попытки отговорить. Просто отошла на несколько шагов, освобождая ему пространство.

Ян отвернулся. Его губы зашевелились, едва слышно бормоча заклинание на неизвестном мне языке. Воздух вокруг вдруг загустел, появился ветер, несвойственный для астрала. Яркие лучи света угрожающе заплясали, будто злясь на то, что поворошили их покой. Серебристые сущности, до этого медленно плавающие вдалеке, резко подлетели к Возне-

сенскому, начиная покорно кружить вокруг, словно потеряв всякую волю. Один из силуэтов остановился, повернулся к лицу Яна и, не сопротивляясь, приблизился к нему. Он тут же схватил тень за полупрозрачную глотку. Быстро и решительно, затем начиная поглощать её очертания, подобно паразиту, изнуряющему хозяина.

Я застыла, затаив дыхание. Как вдруг... Ян засиял. Его тело начало излучать то самое серебристое свечение, которое виднелось у существей. Свет становился ярче и интенсивнее, завораживающим сверканием ложась на бледную кожу. Он ослеплял и манил к себе. Хотелось дотронуться до рук Яна, шеи; понять, кто стоял передо мной — наставник или житель астрала. Сделав один шаг, за ним, более уверенный — второй, резко замерла. Ян повернулся ко мне лицом... Его серый омут... привычно тускло-серые глаза на короткий миг полыхнули багрово-красным. В радужке виднелся холодный, хищный блеск, не сулящий ничего хорошего. Однако спустя секунду Вознесенский будто проснулся, возвращаясь к более привычному, отстранённому выражению.

— Пошли, — произнёс он коротко и отрывисто.

Я посмотрела на него с подозрением, в попытке отыскать угрозу в его словах, в итоге всё-таки двигаясь вперёд. Дорога казалась бесконечной. Честно, я пыталась отсчитывать время, как наставляла Розалия Альбертовна, но мысли постоянно путались в этом текучем пространстве. Лишь замечала, что мой золотой клубок почти полностью распутался, а нить

напряглась до упора, подобно струне. И это начинало знатно нервировать, несмотря на всё ещё присутствующее благоговение от нахождения в астрале.

— Долго нам ещё? — не выдержав, спросила я, и мой голос прозвучал в этом безмолвии непривычно громко. — И насколько это опасно? Время на исходе.

Ян долго оставлял вопрос без ответа, упорно продолжая идти в так называемое «вперёд», которого на деле и не существовало. Наконец, ненадолго остановившись, он произнёс:

— Нет. Почти пришли, Агата.

Указав рукой направление, Ян снова поторопился продолжить путь, даже на меня не взглянув. Возможно, боясь напугать. Там, вдали, одиноко светилась серебром сущность. Всё такая же мутная, однако более чёткая, «живая», в сравнении с другими, что встречались на пути. А рядом с ней... расположилась одинокая шкатулка. Несказанная радость вновь захлестнула меня. Неужели и правда настолько везучий день? Вначале монета, полученная мухлежом... Теперь ещё и шкатулка. При помощи... Яна.

От положительных мыслей я ускорила шаг, походящий здесь больше на полёт — беззвучный и парящий. Мы приближались. Почти что дошли до цели, как появилась весома преграда: из ниоткуда начали возникать быстрые красные тени. Они мелькали вокруг, сначала едва заметные, потом нарастая в количестве, подобно стервятникам на труп. Они ускорялись, становились всё чётче, пока совсем не окружили

нас со всех сторон. Разглядев их, я ужаснулась: искажённые подобия людей. Их тела были вытянутыми и тонкими; лица — с пустыми глазницами, из которых сочился бордовый густой дым; рты — растянутыми в безмолвном крике или подобии безумной улыбки. Они казались мне чудовищными, хуже даже тех мар, которыми некогда запугивал Маркус.

Гурьба красных силуэтов, от которых несло отчаяньем и голодом, тихо шептали нечленораздельные фразы, проникающие глубоко в сознание. Кто-то плакал, кто-то кричал, а кто-то... говорил о том, что желает забрать наши тела. Тела живых.

— Не двигайся, — рыкнул Ян. — Иди строго за мной. Когда я скажу.

Находясь на грани истерики, в ответ только пискнула, не смея не повиноваться. Тогда Ян прошёл вглубь жутких созданий, из его руки стал сочиться серебряный свет. Чистый, яркий, выделяющийся среди гаммы тусклых цветов астрала.

«Он воспользовался силой поглощённой сущности?» — только и успела подумать я в этом балагане.

Часть красных тварей тут же распласталась по поверхности, рассыпаясь, будто пепел бумаги от языков пламени. Другая же, наоборот, только расвирепела, более агрессивно кружа рядом с нами. Их голоса стали невыносимо громкими, смешиваясь с пронзительными криками тех, чьё взаимодействие с серебряным лучом оказалось фатальным.

— *М-е-е-диум!!! Он медиум! Значит, заберёт нас с со-*

бой! — зловеще выкрикивали силуэты.

И следом ополчились на Яна. Десятки, нет... сотни искажённых тел ринулись на него, словно голодные волки. Меня же охватила паника. Холодная, липкая, парализующая. Яростный вой теней, их обезображенные лица и голодные взгляды, устремлённые на Яна, давили на голову. Я не могла стоять в стороне. Не могла просто смотреть, хоть и понимала, что слаба для такого сражения. И всё равно сорвалась с места. Забыв о всех правилах и предостережениях, бросилась на помощь Яну, отталкивая руками нападающих на него существей. Возможно, это было глупо и бессмысленно, но я попросту не могла иначе.

Да, я нарушила все правила. Первое — не взаимодействовать с тенями, что излучали красный свет. Второе — не двигаться, пока Ян не разрешит. И тут же поплатилась за это. До этого момента оставаясь для злобных силуэтов невидимой, вдруг стала лёгкой добычей. Красные тени мигом закружились вокруг меня. Начали прикасаться ко мне своими ледяными руками, шептать страшные слова прямо в ухо и... высасывать душу, надеясь забрать тело себе. Я и впрямь чувствовала, как слабею. Как больше не в силах от них отбиваться. Моё физическое тело становилось прозрачным, схожим с обычной астральной проекцией, словно растворяясь в воздухе.

— Ян... — закричала я слабым, дрожащим голосом. — Ян, спас-с-и меня...

Хотела помочь, а в итоге стала обузой. И правда, чего я ожидала от своего глупого поступка?

Словно сквозь мутное стекло видела, как Ян, до этого яростно отбивающийся от сущностей серебряным светом, резко обернулся, увидев, в каком я состоянии. Видела, как исказив лицо в гримасе ужаса, он бросился ко мне, прорываясь сквозь целую красную армию. Видела и то, как их становилось ещё больше, как они облепляли его, растягивая тело в разные стороны. Всё начало расплываться, сознание меркло... Последнее, что мне удалось лицезреть, — то, как он пошёл на отчаянный шаг, поглотив одну из красных сущностей. И вот, неожиданная вспышка. Болезненно яркий, ослепительный красный свет вырвался из его конечностей и туловища. Волна родной энергии отбросила тени далеко от нас. Они сгорали в пространстве, жалобно вереща последние проклятия.

Тело Яна всё содрогалось, из глаз — лились одиночные слёзы. И даже так он казался невероятно сильным. Таким, каким я и представляла ученика Двенадцатого года. Должно быть, будь я в состоянии, широко разинула бы рот от потрясения, возможно, даже испугалась бы, больше никогда не разговаривая с ним так неформально, как раньше. Но сознание продолжало ускользать от меня, проваливаясь в чёрную бездну. И в этот момент я услышала чьё-то хриплое бормотание. Не тот жуткий шёпот, а что-то другое. Тихое, завораживающее, властное. Схожее с тем, что помогло отыскать

медную монету.

«*Найди жертвенный алтарь, ведьма*», — гласило в голове. — «*Найди алтарь, упрятанный в четырёх стенах. Принеси туда последнюю жертву...*»

Я отключилась.

Всепоглощающая темнота. И вновь этот взгляд. Жуткий, пронизывающий до костей. Он был здесь, он снова нашёл меня. Голос... Теперь звучал отчётливее, чем когда-либо. Ян?

Я очнулась, делая резкий вдох. Мы всё ещё находились в астрале. Золотая нить, практически поблекнувшая и жутко истончившаяся, тянулась спереди, пока Ян шёл медленной, шаткой походкой, неся меня на руках. Но он не смотрел на неё. Казалось, на «якорь», являющийся единственным спасением из этого треклятого мира, ему и вовсе было плевать. Всё внимание парня оказалось обращено ко мне. Он разглядывал каждую частицу лица с какой-то непроглядной жадностью. С провозгласившим себя королём безумием. Его губы растягивались в холодящей душу улыбке, которая сменялась резким испугом, затем возвращаясь в прежний оскал.

— Она наша... Она помечена... — вторил он, и я почувствовала, как по спине пробежал озноб. — Чтобы она не досталась никому... Нужно просто её поглотить. Тогда она навсегда останется с нами.

Он хихикал, прижимая меня к себе сильнее. Но потом

чуть ли не бросал на землю, виновато закусывая щёку.

— Прекрати! Прекращай подчинять моё сознание! Исчезни!!!

Молил Ян, обращаясь к самому себе. В его голове будто боролись две личности, и первая... та, что сквозила хаосом и гневом, одерживала верх.

— Чтобы она не досталась никому... нужно её забрать. Тогда она никогда не умрёт, но предназначение исполнит. Поглоти её, поглоти...

Страх переполнил меня. Я попыталась вырваться из его крепких рук, но он лишь усилил хватку. И тогда, будучи не в себе, я завопила. Громкий, истошный крик вырвался из груди самозабвенно. Он заметил, что я очнулась. Заметил. Его улыбка стала ещё шире, ещё жутче. Ян провёл пальцем по моим губам, клацая зубами.

— Спи дальше, Агата-а... — странно ласково прошептал он, с особым пристрастием вкушая моё имя.

И... Я почему-то послушалась. Резко успокоилась, поддаваясь его воле. Погружаясь в родную темноту.

А проснулась уже в аудитории от сильного шума вокруг. Только теперь, вместо жутких теней, меня окружала толпа студентов, замороженно наблюдающая за моим пробуждением. Покрутив затекшей шеей, я обнаружила себя лежащей на чьих-то коленях. Живот грела массивная ладонь с уже знакомыми мне множественными перстнями. Тут же подскочив под громкое оханье учеников, я опасливо зыркнула на их об-

ладателя. И он посмотрел в ответ. Ян... Из носа торчал крупный ватный тампон. Но в остальном ничего необычного. Холодные серые глаза вновь глядели на меня с лёгким равнодушием. Лицо не выдавало никаких эмоций, кроме спокойствия и усталости. От прежнего безумства не осталось и следа. Так может, это опять был просто дурной сон? Очень реалистичное, ужасное сновидение?

Заметив, как я его разглядываю, он вяло улыбнулся. Достаточно натянуто, словно выдавливая эту своеобразную поддержку из себя с трудом. И причина его тоски нашлась достаточно быстро: Розалия Альбертовна, убедившаяся, что никто из студентов не пострадал, повернулась к Ане, продолжавшей озираться на меня с определённым волнением.

— Понимаю, что все были шокированы долгим пребыванием Вознесенского и Вирховой в астрале. Но всё же прошу поздравить Ляшкевич Анну с заслуженной победой! Не без моей помощи она сумела первой отыскать шкатулку и становится первой в этом году почётной участницей Турнира Ночи! — торжественно произнесла она, вручая Ане небольшую деревянную коробочку. — Все могут быть свободны. Ян, пожалуйста, подойди ко мне.

Студенты разразились овациями. Я, всё ещё не до конца осознавшая собственную связь с реальностью, машинально захлопала вместе с толпой, только потом переваривая всё вышесказанное. Невзирая на ярко выделяющуюся деталь того, что фактически первыми шкатулку отыскали мы с

Яном... Я всё-таки искренне порадовалась за подругу, находя её победу более чем заслуженной. Ведь без помощи перстня Максима, который, кстати говоря, следовало бы отдать, и без виртуозных способностей Яна навряд ли у меня вообще получилось даже одной ногой побывать в астрале.

На душе же продолжал оставаться странный осадок. Был ли это действительно сон? И насколько реально, пребывая в астрале, вообще видеть сновидения... Ещё и это предсказание, приказывающее отыскать затерянный алтарь... Я вновь столкнулась со взглядом ледяных глаз. Ян, не лезший в голову после нашего столкновения в библиотеке, определённо читал мои мысли сейчас. Возможно, пора перестать играть в слепую игру?

Глава 9: Магические утехи.

Выйдя из аудитории, я почувствовала, как ноги резко подкосились: высасывание души астральными тварями не могло пройти бесследно и в реальном мире. Чувствовала я себя, мягко говоря, неважно, тешась мечтами скорее завалиться на кровать.

Однако спокойно дойти до общежития и вздремнуть на ближайšie, часов так пять, мне не дали: Лиза, завидев в галдящей толпе знакомую золотистую макушку, тут же ринулась ко мне. Её обычно невозмутимое, загорелое личико было искажено беспокойством, а мятные глаза непривычно покрылись розовой сосудистой сеткой.

— Ты! Стоять на месте! — Каменская игриво заломила мне руки. — Ты хоть понимаешь, что вытворила?!

— Смотря о чём речь... — сумбурно пробормотала я, не без усилий вырываясь из её хватки.

— Два часа! Два, грёбаных часа, Гата! В астрале можно пробыть не дольше получаса... Но ты выжила после двух, мать его, часов! Я чуть с ума не сошла, когда услышала, представляешь?! Когда до меня донёсся слух о том, что вы с Вознесенским уже больше шестидесяти минут там, я не знала, что и думать... Да у меня волосы дыбом встали! — театрально тараторила она, параллельно указывая на, с виду, весьма красиво уложенную причёску. — Думала, вы там останетесь

с концами... Станете обычными серебристыми сущностями!

Я едва сдерживала улыбку. Лиза никогда не умела показывать волнение, преобразуя страх в импульс агрессии. Когда мы поехали в Диснейленд, она обматерила каждого в очереди на американские горки, попутно трясясь от страха, как осиновый лист. И сейчас её взгляд нервно блуждал по моему лицу, а пухлые губы то и дело опускали уголки. Стерва... но такая родная.

— Успокойся уже, — остановила я её тираду. — Со мной всё в порядке, видишь? Я цела и невредима.

— Цела она... — фыркнула подруга, в следующую секунду крепко обнимая меня и прижимая к себе с такой силой, что стало трудно дышать. — А если бы нет? Если бы ты осталась там навсегда? То что? Мне приходилось бы заходить в астрал каждый день на полчаса, чтобы поговорить с твоей безмолвной оболочкой?! Чёрт, не водись ты больше с Вознесенским... и с моим братом! Да и вообще, если хочешь, я сама тебя всему научу — только прекрати действовать так необдуманно!

Я закивала каждому её слову, всё-таки отстраняясь. Даже приятная встреча с Лизой, полностью разрушившая все сомнения насчёт подлинности нашей дружбы, не вывела меня из коматозного состояния.

— Со мной правда-правда всё хорошо. Только... у меня был очень странный сон, — начала я, но резко замолкла, решая оставить рассказ про Яна на потом. — И ещё голос. Ко-

гда я находилась в астрале, со мной говорил какой-то голос — будто звучащий только в моей голове. Он просил найти жертвенный алтарь, спрятанный в четырёх стенах.

Лиза внимательно на меня посмотрела.

— Голос?

— Ну... да. Может ли неодушевлённый предмет говорить там, в астрале? Признаться, когда я пошла в библиотеку с Викой в первый день, на втором этаже моё кольцо начало сильно печь палец и вести меня к старинным стеллажам. Вот я и думаю теперь — могло ли это оно со мной «разговаривать»? — с заметной тревогой спросила я.

Перед тем как ответить, Лиза крепко задумалась, подняв кончики тонких бровей кверху.

— Крайне редко, Агата. Это не обыденность, но магические артефакты, особенно древние и обладающие сильной собственной магией, как твоё кольцо, вполне могут иметь голос. В пределах астрала, конечно же.

Мы медленно двинулись к нашей комнате. По дороге Лиза, уже немного успокоившись, предложила отметить моё возвращение из двухчасового странствия по астралу совместными сборами на бал по поводу Мабона. Я ответила на её предложение с теплотой, решая, что такое прекрасное дело, как свежий макияж и распаковка вечерних нарядов, взбодрит даже сильнее, чем дневной сон. Да и бал — именно то, что сейчас мне было нужно.

Войдя внутрь помещения, Лиза облегчённо выдохнула, не

находя в нём наших двух конопатых соседок, с которыми она никак не могла найти общий язык. Я же немного удивилась: обычно, стоило занятиям подступить к концу, как Аня торопилась занять ванную комнату, а Вика — скрыться от большого количества глаз.

— Возможно, Анята после победы в состязании побежала на поиски Вики, — пробормотала я себе под нос, весьма вовремя решая завести эту тему с Каменской. — Кстати, Лиза... что у вас там с Максимом? Честно говоря, я видела, как он сегодня на занятии заигрывал с нашей Викой.

«*Язык мой — враг мой*», — по крайней мере, так всегда говорил отец, когда я прибегала домой с очередной школьной сплетней. Впрочем, в этот раз я сама убедилась в справедливости пословицы: ветер в комнате, поднятый разгневанной стихийницей воздуха, всколыхнул тетрадки.

— Просто секс. Ничего особенного, — выдавила Лиза, неоднозначно дёрнув плечом.

Буря, внезапно возникшая в небольшой комнатушке, утихла. Лиза, ещё немного покусав ноготь на указательном пальце, постаралась показать полное безразличие и приступила к нанесению макияжа.

— Раньше мы встречались, — добавила она. — Но теперь всё это в прошлом. Правда.

Сжав губы в тонкую линию, Лиза замолчала. А я ещё сильнее убедилась, что её неприязнь к Вике имеет любовную подоплёку и уходит корнями в прошлое.

— Кажется, ты не особо этому рада, — кольнула я в самое сердце, тоже приступая к сборам.

До этого сидевшая ко мне спиной Лиза резко повернулась. В её глазах вспыхнул агрессивный огонёк.

— Потому что Макс мне изменил! С этой рыжеволосой тварью. И всё из-за её способности.

— Какой способности? — нахмурилась я.

— Уникальная способность Вики — приворот. Она любовная ведьма, как и вся женская линия семьи Ляшкевич. Родовое, как и у вас, Гата, кольцо. Они очень легко привораживают одним лишь взглядом, если захотят. И, по сплетням, у Вики сила особенно сильна — даже сильнее, чем у её матери, ректора университета.

— Приворожила? Макса?.. — признаться, я была шокирована таким откровением, полностью пропустив мимо ушей родовую связь Ляшкевич с верхушкой. — Она такая пугливая и тихая. Совсем на неё не похоже.

Лиза лишь усмехнулась, хотя в её усмешке не чувствовалось ни капли веселья. Перейдя к стрелкам, которые она всегда рисовала идеально, Каменская коротко кивнула:

— Ещё как приворожила. Настолько, что он позвал знакомиться с семьёй её, а не меня, с которой встречался два года!

— Ого... — выдохнула я, переваривая услышанное.

— Потом, — продолжила Лиза, и голос её стал тише, потеряв краски. — В какой-то момент мы с Викой сильно поссорились. Ну, как поссорились... подрались. Устроили на-

стоящую магическую дуэль. В ярости я заперла её в одном из астральных измерений. За это меня хотели исключить из университета, но отец не позволил — отправил следить за тобой. О, тогда твоя история с изменой парня, хоть и с моей подачи, прямо-таки запала мне в душу. Кто знает, может, из-за этого я и привязалась к тебе, Гата? — хмыкнула она, уже спокойнее.

— Я думала, ты отправилась со мной в кругосветку, потому что папа обещал тебе попасть на Десятый год...

— Так и было, но уже после. Изначально моей задачей было просто отправить тебя подальше от Болотного. А потом уже закрутилось с этой деревней, — закатила глаза подруга. — Кстати, после нашей перепалки Вика и изменилась. Начала изображать скромницу, привораживать Макса перестала. Кто знает, может, даже у этой тварюги есть отблески совести.

Я безмолвно с ней согласилась, полагая, что Вика и правда могла почувствовать вину. Как-никак, теперь она боялась смотреть не только в глаза противоположному полу, но и девушкам. Хотя пазл в голове всё же не складывался. На занятии по астралам Макс, казалось, сам к ней приставал и всячески заигрывал. Так что, хоть версия Лизы и имела право на существование, достоверной она казалась не до конца.

— И что теперь? — спросила я, сгорая от любопытства.

Разговор о чужих любовных интригах заметно поднял настроение. Каменскую было жалко — я знала на собственном опыте, каково это, чувствовать себя преданной человеком,

вокруг которого вращался весь твой мир. Но, надо признать, свежие слухи, не имеющие ко мне отношения, действовали эффективнее любого успокоительного.

— Что-что... больше не могу ему доверять. Да и Максим ни разу не предлагал всё вернуть. Я чувствую себя игрушкой в его руках, но всё равно не могу отказаться. Поэтому легче отключить голову и просто наслаждаться плотскими удовольствиями, — пришла к неожиданному выводу Лиза, завершая макияж лёгкими движениями кушона.

— Ну, тоже неплохой вариант для разбитого сердца.

«Хотя лучше бы выбирать для таких дел нового партнёра, а не того, на кого даже смотреть тяжело», — добавила я про себя, выпрямляя непослушные локоны.

Мыслями всё ещё оставаясь в рассказах Лизы, невзирая на то, что атмосфера давно разрядилась мелодичным завыванием попсы и подкастом известной быути-блогерши, я уверенно направилась к общему шкафу, выискивая на своей стороне что-нибудь подходящее для такого мероприятия. Среди скромных, в основном чёрно-белых нарядов, словно яркая вспышка, висело неизвестное мне платье. Никогда его раньше не видела. Сотканное из поблескивающей ткани — идеально подходящее для дня Мабона: глубокий изумрудный цвет, переходящий в золотистый у подола; длинные рукава из тончайшего шёлка с позолоченной вышивкой, а на талии — тонкий кожаный ремешок.

— Не твоё? — спросила я у Лизы, задумчиво закусывая

щёку.

— Не-а... но выглядит потрясающе! — окинув платье взглядом, вынесла вердикт подруга.

Тогда, приглядевшись, я заметила небольшую бирочку, на которой жирными прописными буквами красовалась надпись: «Самой обворожительной ведьмочке». И всё сразу стало ясно. Марк. Улыбка сама собой расплзлась по моему лицу. Даже о такой мелочи позаботился... Платье было восхитительным и, судя по виду, стоило баснословных денег — явно сделано под заказ.

— Тебе прислали, что ли? Кто? — тут же поинтересовалась Каменская, не упустив моего искреннего удовольствия.

— Эм... оно от Маркуса, — вся раскраснелась я, словно пойманная с поличным.

Заметно нахмурившись, Лиза, уже одетая в облегающий белый комбинезон с длинными разрезанными по бокам штанинами, подошла ближе. Её глаза недобро сузились.

— Кайзера? Ну уж нет. Его подачи мы принимать не будем.

Сделав особый акцент на этом «мы», она перевела взгляд на полки, кажется, уже прикидывая, какой из своих пёстрых нарядов стоит дать мне на замену.

— Это ещё почему? Ваши взаимоотношения меня совершенно не касаются, — выпалила я, раздражённо вздёрнув подбородок.

— Потому что он бабник, Агата, — резко ответила Ли-

за. — И наверняка прислал подобный презент не тебе одной. Поверь, в прошлом году через его постель прошло больше девушек, чем проживает в нашем корпусе. Лучше надень что-нибудь из моего. Например, это, — она сняла с вешалки облегающее чёрное платье.

Её предложение, несмотря на грубость, прозвучало как забота. Утренний разговор с Аней о том, что Марк не пропускает ни одной юбки, всё ещё звенел в голове. Поэтому даже это изумительное платье, после слов Лизы, показалось каким-то чужим.

— Ладно, ты права. Давай что-нибудь из твоего, — вздохнула я, коротко кивая.

К семи вечера мы были готовы. Каменская, перерывшая весь шкаф, настояла, чтобы я надела тёмно-синее бархатное платье с высоким воротом и длинными рукавами, по её скромному мнению, идеально подходящее для инаугурации в ведьмовское общество. Напоследок, повертевшись перед зеркалом и убедившись в безупречности Лизиного конского хвоста и моих острых стрелок, которые я рисовала только по самым весомым поводам, мы спустились на первый этаж главного корпуса.

Я тут же замерла от восхищения. Холл, и до этого по-своему прекрасный, теперь был вовсе неузнаваем. Всюду стояли яркие цветочные букеты с вкраплениями алой рябины, перевязанные атласными розовыми бантами; корзины с фруктами и овощами, выставленные на продольные столы, гра-

циозно соседствовали с ароматными пирогами и кувшинами вина. Высокий потолок украшали гирлянды из виноградных листьев и разноцветных ягод, а в воздухе витал аромат корицы и осенних цветов. По углам горели большие свечи, создавая тёплую, почти домашнюю атмосферу. Всё это — вместе со студентами, не поскупившимися на оригинальные одеяния, и отличной музыкой — заставляло восторженно хлопать густыми ресницами. Каким бы абсурдным Мабон ни казался мне праздником, ведьмы умели создать нужное настроение на «ура». Лиза, заметив моё удивление, мягко улыбнулась и, схватив за руку, потянула в гущу толпы, не дав толком ничего понять.

С каждым часом праздник только разгорался. Зал постепенно наполнялся новыми гостями, смехом, музыкой и гулом голосов. Ведьмы и ведьмаки сновали туда-сюда, образуя пёстрый калейдоскоп тканей и цветов. У стола с яблочными пирогами стояла пышная рыжеволосая преподавательница истории ведьм, звонко смеясь над шутками высокого сухопарого ведьмака с седыми висками и орлиным носом. Чуть поодаль кружились в танце молодые пары, сияя лицами от веселья. В такой атмосфере даже студенческие распри отходили на второй план, уступая место праздничной беззаботности.

Мы с Лизой тоже не отставали — много смеялись, болтали, пробовали угощения и, конечно же, вино. Лёгкое, фруктовое, быстро кружившее голову. Чуть позднее к нам присо-

единилась компания студентов: дерзкая, пышногрудая шатенка Алиса и голубоглазые, совершенно очаровательные братья-близнецы Клим и Алексей. Теперь, осушая бокалы уже вместе, мы пустились в пляс, по очереди предлагая забавные танцевальные движения. Спустя час, вспотев от резких физических нагрузок, я отошла в дальний угол, где заметила мирно болтающих Вику и Анюту.

— Вы выглядите сногшибательно! — выдала я свой вердикт, окинув взглядом Анино розовое платье в пол, отлично контрастирующее с чёрным нарядом Вики.

Старшая из сестёр, заплетшая вычурную косу с вплетёнными фиолетовыми цветами, выглядела так, будто выдвинула свою кандидатуру на звание королевы бала. А Вика, вопреки своей скромности, игриво сверкала пьяными глазами, подведёнными ярким смоки-айс.

— Ты в порядке? — обратилась я ко второй. — Ну, после стычки с Максом?

— Всё хорошо, — закивала девушка, смущённо переминаясь с ноги на ногу.

— У Вики просто бывают перепады настроения, — шутливо подмигнула мне Аня. — И случались бы они куда реже, если бы кое-кто не вертелся прямо перед носом, — она кивнула на центр танцпола.

Там, выпивая алкоголь прямо из хрустального кувшина, который впоследствии оказался разбитым, всю оттанцовывал Максим, окружённый целой армией пьяных учеников.

Недолго рассматривая комичную картину того, как он громко подпевал музыке и щедро разливал вино в широко разинутые рты, я фыркнула и закатила глаза.

— Преподаватели разве не должны нас контролировать? Праздник же вроде как священный.

— Они просто понимают, что нельзя держать двадцатилетних под замком весь год, — хихикнула Аня. — Как-то раз нам уже запрещали любые мероприятия, кроме официальных. Райзер, кажется, или кто-то из его компании тогда ежемесячно варил глинтвейн в котлах для зелий. Виола Андреевна чуть инфаркт не словила!

После этих слов мы втроём разразились таким громким смехом, что у нас заболели животы. Девочки вспоминали всё больше нелепых историй из прошлых лет, а я их с интересом слушала, с энтузиазмом визуализируя всё это в своей пьяной, не совсем здраво мыслящей голове.

— Кстати, Гата, — вдруг спохватилась Вика, видимо, наслышанная о моём «подвиге». — Как ты сама? После двух часов, проведённых в астрале?

— Да-да, всё отлично! Честно, сейчас вообще зашибись! — быстро закивала я, ощущая, как мир перед глазами начал медленно, но верно расплываться.

И именно в этот злополучный момент к нашей компании подошёл Марк, учтиво выхватив из моих рук округлый бокал. Такой высокий... с милыми кудряшками и самой обезоруживающей улыбкой, от которой ещё утром у меня содро-

галось сердце. Но теперь...

— Думаю, нашей ведьмочке уже хватит, — сказал он, кивнув на весело побулькивающее вино. — И ты всё-таки не надела платье, которое я прислал.

Алкоголь, выпитый с Лизой и потом с девочками, окончательно развязал мне язык. Почувствовав внезапный прилив уверенности и дерзости, я выпалила:

— А почему я должна была его надевать? — криво улыбнулась я. — Зная, что ты наверняка рассылаешь подобные «подарки» половине других очаровательных «ведьмочек» университета?

Глядя ему прямо в глаза, я с удовлетворением наблюдала, как улыбка исчезает с его точёного лица.

— Твой выбор, — выдавил он, явно не ожидая такого ответа.

Мне стало душно. Захотелось воздуха. Постояв ещё минуту и послушав неудачные попытки Ани разрядить внезапно повисшее напряжение, я, пообещав скоро вернуться, прошмыгнула на улицу. Колкий взгляд Марка, опьяняющий запах глинтвейна и гул зала начали тяготить.

Туман, как всегда, клубился вокруг величественных стен института, придавая им ещё большей загадочности. Я, с чувством удовлетворённого эстетизма заглядываясь на яркие фонари, которыми были украшены деревья, уместилась на скамейку у большого фонтана, слушая умиротворяющий плеск воды. В памяти всплыли образы жуткой деревни. То-

гда мне казалось, что я попала в кошмар, теперь — в, местами пугающую, сказку. А ведь всего месяц назад мы с Лизой попивали коктейли, веселились в аутентичных клубах, и я подумать не могла, что являюсь ведьмой. И не простой, а той, от которой всем что-то нужно... Бессмертной. Эмоции от тайны, с которой не поделилась мама, даже отправляя меня в загадочный университет, по-прежнему бурлили в душе.

Журчание воды успокаивало. Я протянула к ней руку, не касаясь поверхности, лишь проводя ладонью по воздуху. Вода откликнулась. Дрогнула, замерла, а затем медленно поднялась вверх, формируя тонкий, пока ещё слабый хлыст. Я водила им в воздухе, наблюдая, как он переливается и мерцает в свете тусклых фонарей. В такие моменты... Несмотря на весь пережитый ужас, что принёс следом за собой новый, совершенно магический мир, я чувствовала себя благодарной судьбе. Я всегда мечтала быть волшебницей в детстве, читая многочисленные сказки и поглядывая зарубежные мультфильмы. И вот... Когда, с виду, совсем несбыточная мечта исполнилась, я словно до сих пор не верила, убеждаясь в правде лишь тогда, когда вода снова оказывалась в моей власти.

— Твоему водяному дракону не хватает изюминки.

Резко задрав голову кверху, я увидела нависающего надо мной Марка. Больше вида растерянности парень не подавал, вновь озаряясь фирменными ямочками на щеках.

— Какой же? — со скептицизмом спросила я.

Лёгкий, приятно прохладный ветер неожиданно сорвался с его ладони. Такой угрозы мой водяной хлыст не выдержал, разлетаясь мелкими брызгами, которые тут же оросили наши лица.

— Ты знаешь, сколько времени тратится на макияж? — проворчала я, хмуро отряхивая капли.

— Честно... Нет. Но, Агата, клянусь, — расхохотался Марк до жути заразительно, — он совсем не испортился. Ты всё так же прекрасна.

Чтобы не сказать ему ничего «любезного», я стоически промолчала. Даже позволила присесть рядом, что стоило мне, конечно, титанических усилий.

— Вижу, — он немного посерьёзnel, — Вознесенский неплохой учитель. За такой короткий срок так управляться со стихией. Да у тебя талант, ведьмочка!

Похвала Маркуса, неожиданная и искренняя, заставила меня снова забыть о недавней обиде. Мгновенно прилив тепла разлился по щекам, и я лукаво потупила взгляд, начиная нервно водить ладонями по ткани платья.

— Ну да... С водой у меня и правда получается неплохо, — пролепетала, благоразумно умолчав о том, что для получения «лучшего» результата Ян столкнул меня в Чёрное озеро на растерзание русалкам. Уж о чём, а об этом Марку точно было знать необязательно.

— И всё-таки, — снова улыбнулся он, задерживая взгляд на мне, — хотел бы я увидеть тебя в том платье, что прислал.

Честно, никогда не дарил ничего подобного другим девушкам, — он наклонился ближе, придавая голосу тихие, доверительные ноты. — Так что, чтобы не говорили эти змеюки, Агата, в этом плане ты у меня первая.

И опять слова, подобные выстрелу. Маркус умел обезоружить одним предложением, заставить неловко болтать ногами, не зная, куда спрятать заалевшие уши. Он постоянно подкупал меня, и дело было не только во внешности. Я ощущала нечто странное, возможно, сходное с приворотом. Не таким, как у Вики. Но его мимика, манера речи, мимолётные улыбки, ровная линия волос... Да даже едва заметный ряд родинок на шее — всё это действовало на меня, словно лёгкое, неуловимое заклинание. Перед ним я становилась самой настоящей дурочкой, забывая все обиды и предупреждения. Знала ведь, что такой тип мужчин, так называемые «обольстители», без проблем находили нужные фразы, чтобы даже самое ледяное сердце начало оттаивать. И всё равно велась.

— Хочешь увидеть? — неожиданно для самой себя предложила я. — Могу примерить его прямо сейчас.

Залив пространство звонким смехом, он выжидающе сверкнул глазами:

— Ого, наша ведьмочка хочет сбежать с праздника? Что ж, я не против тебе в данном помочь, Агата.

Тогда, даже сквозь дебри затуманенного алкоголем сознания, я осознавала, что ещё сотню раз пожалею о таком реше-

нии. И всё равно поднялась на ноги, поправляя съехавший кверху подол платья.

Поддерживая Маркуса под локоть, мы прокрались в зал, затем тихонько пронырнув к лестнице, забрались в мою комнату, которая, к всеобщему облегчению, оказалась пустой. Должно быть, девочки продолжали веселиться под громкую музыку, практически здесь не слышимую.

Быстро подойдя к шкафу, распахнула его, впоследствии скрываясь за дверцей, словно за ширмой.

— Закрой глаза, Кайзер! — приказала я Маркусу, хоть и понимала, что это, наверное, глупость. Ведь через толстую дубовую преграду и так ничего не видно.

— Думалось мне, что ведьмы не такие стеснительные. Скорее, наоборот, — хмыкнул он, однако повиновался.

— Те, которые не узнали о своём даре пару недель назад, вполне возможно, — буркнула я, сбрасывая на пол бархатное одеяние.

Изумрудный шёлк скользнул по коже, приятно её лаская. Я поправила вышивку на рукавах, ощущая, как ткань струится и дышит.

— Ну, как-то так... — выдохнула, выглядывая из-за дверцы.

Маркус открыл глаза, миг меняя выражение лица. Улыбка слетела с его губ, глаза несвойственно расширились, а челюсть напряглась, активно заиграв желваками. Он смотрел на меня. Долго и молчаливо, отчего в душе становилось

неспокойно. Казалось, Марк всегда знал, что ответить; всегда понимал, какие слова подобрать, чтобы перекрутить ситуацию в свою сторону, но сейчас... наградил комнату тишиной.

— Ты... Выглядишь сногшибательно, Агата, — наконец выдавил он, смочив горло слюной.

Его молочные щёки покрылись лёгкой розовинкой, переходящей на жилистую шею. Я ощутила, как и собственное лицо заливают краской. Лёгкая дрожь пробежала по телу, и я невольно опустила взор к бордовым тапочкам. Затем решилась взглянуть на него, отмечая, что Марк, в своём строгом белом костюме и с уложенными на правый бок волосами, выглядел крайне «хорошо».

— Ты тоже вполне себе ничего, — ляпнула я вслух, мысленно ругая себя за такую неуклюжесть.

На мой своеобразный комплимент он приподнял уголки губ, мягко, тепло, не так заученно, как обычно.

— Может, такая очаровательная мадемуазель согласится одарить танцем не менее прекрасного кавалера? — вальяжно протянул руку он, выгибая спину в игривом наклоне.

— Здесь музыку едва ли слышно, — удивлённо вскинула брови я. — Если уж на то пошло, можем вернуться на бал.

— Не-ет, — запротестовал Марк. — Нам не нужна музыка.

И он начал напевать. Тихую, мелодичную песню, которая показалась мне до боли знакомой. Воспоминания перенес-

ли меня на год назад, в тёплый сентябрь, первый, который я провела вдали от Москвы. Вдали от бывшего парня. Нашей с Лизой отправной точкой оказался колоритный Стамбул. Заселившись в уютные номера, мы спустились выпить в ресторан при отеле, славившийся живой музыкой. Там я и услышала трепетную джазовую балладу о неразделённой любви, исполненную хрупкой молодой девчонкой с ужасно грустными глазами. Её отрывистый тембр намертво застыл в ушах, а слёзы, пролитые за стаканом виски, навсегда окрестили прошлые отношения ошибкой. С последними завываниями фортепиано я пообещала себе, что больше никогда не вернусь к Кириллу и проживу жизнь на полную катушку.

— Говоришь, следил весь год, потому что отец не доверял Лизе...

Тогда эти слова лишь разозлили меня, но теперь всё встало на свои места. Поэтому мне так легко с ним. Поэтому, находясь рядом с Марком, я ощущала безмолвное понимание, будто в нём заключалась моя отдушина. Он знал меня. Даже слишком хорошо. И сейчас, неосознанно подхватив мотив, я начала подпевать ему в унисон.

Несколько секунд перетекли в долгие минуты. Марк притянул меня ближе, закружив в неумелом вальсе посреди тёплой комнаты. Я обвила крепкую шею руками, а его ладони давно уюстились на моей тонкой талии, прижимая сильнее. Мы не отрывали глаз друг от друга, утопая в приятных касаниях. Его радужка, обычно выдающая игривость и лёгкость,

засверкала чем-то более глубоким, моя улыбка — не сходила с алых губ.

Наши танцующие тени расползались по ровным стенам, и помещение, тускло освещённое настольной лампой, вдруг казалось куда таинственнее и волшебнее, чем пышный декор в главном холле. Время остановилось. В этот момент существовали только мы, двое танцующих под печальную мелодию, звучащую только в наших головах.

Полностью растворившись в незабываемой атмосфере, я вдруг запнулась. Нога подвернулась, и я полетела вниз, потянув за собой Марка. Он попытался удержать равновесие, каким-то чудом перераспределив вес так, что мы вдвоём, вместо твёрдого пола, рухнули на Лизину кровать. Я оказалась снизу, а он, главенствуя над ситуацией, навис надо мной, подпираясь руками.

Меня посетило дежавю. Пьяное сознание услужливо подкинуло картинку из недавнего прошлого: похожее помещение, поза и Ян. Вот только ощущалось всё совсем по-другому. Тогда — вынужденной необходимостью, смазанной страхом и непониманием. Сейчас... всё было иначе. Горячее дыхание Маркуса опалило мою щёку. Он закусил нижнюю губу, разглядывая моё порозовевшее лицо. Его глаза наполнились похотью, абсолютно точно — желанием, которое я приняла за обманчивую глубину. Он прерывисто дышал, проходясь жадным взглядом по каждой моей черте.

— Вот это, конечно, нас с тобой заносит в странные ситу-

ации, Агата, — шепнул он. — То авария, то это...

— Аварию, между прочим, ты подстроил сам, — я попыталась не думать о его губах, что находились всего в нескольких миллиметрах от моих.

Одной рукой по-прежнему подпирая кровать, другой Марк зашелестел по моим волосам, аккуратно распутывая густые пряди.

— Признаюсь честно, хоть наше падение и не произошло специально, я долго думал, как бы его подстроить.

Опешив, я не нашла, что ответить. И он спас нас от удушья молчания, утянув в робкий поцелуй.

Вначале касание было лёгким, неуверенным, практически призрачным — будто разведка, проверка реакции. Он словно пробовал меня на вкус, осторожно причмокивая губами, дразня, но не требуя большего. И мне это до одури нравилось. Нравилось ощущать мягкие, влажные губы, отдавать им своё тепло. Нравилось и то, что поцелуй постепенно становился глубже, чувственнее, требовательнее. Я активно отвечала на него, впиваясь пальцами в курчавый затылок. Приоткрыла рот, позволила чужому языку по-хозяйски ворваться внутрь, провести линию вдоль зубов, затем сплетаясь со моим в жарком танце. Он прижался ближе, ладонью обхватывая мою грудь сквозь одежду, отчего в животе запорхал рой бабочек. Я отдалась этому ощущению, позволяя поглотить себя целиком. Разум постепенно густел. Казалось, всё, что существовало, — Марк, его губы на моих, крепкие руки,

проводящие полосы вдоль разгорячённого тела, и моё дыхание. Я больше не думала о прошлом, о предостережениях подруг. Остались только мы. Здесь и сейчас.

Я потянулась к его рубашке, расстегнула пару верхних пуговиц, освобождая шею. Он отстранился на мгновение, которое показалось мучительно долгим.

— Вижу, ведьмочке не терпится, — проговорил он хриплым от возбуждения голосом. — Но как-то нечестно... Что голым буду только я.

Затем, замечая, что я не справляюсь, пришёл на помощь, ловко расстёгивая остатки. После... резко сменил позу, кувирком усадив меня к себе на колени и виртуозно расправляясь с молнией платья, скрывавшей спину. Он медленно стянул шёлковые рукава, оголяя ключицы и аккуратную грудь. Поцеловал шею, с пристрастием закусывая кожу. Через полуприкрытые веки я видела его взгляд, полный вожделения, рельефные мышцы живота, тонкую полоску волос, идущую от пупка вниз, и татуировку — хищную змею, которую с особым пристрастием обводили мои острые ногти.

Он доминировал. Оттягивал мою голову назад, захватывая волосы; закусывал нижнюю губу, проводя мокрую дорожку до ключиц; свободной ладонью беспощадно блуждал по груди и животу, спускаясь всё ниже. Я тихо стонала, подстраиваясь под его быстрый темп. Марк явно хотел, чтобы я молила о большем, а моим желанием было, чтобы он просил того же. Я, словно кошка, ластилась к нему, ёрзала по

напряжённому бугру через натянутую ткань штанов, игриво откликаясь на поцелуи, особенно рьяно вылизывая ложбину меж его ключиц.

— Не надоело терпеть, Агаточка? — шептал он, закусывая мочку уха.

— А тебе? — загадочно улыбалась я, готовая к следующему раунду затянувшейся прелюдии.

Руки Марка обхватили мои ягодицы, заползая под длинную юбку. Я опустила голову ему на плечо, впиваясь пальцами в спину. И тут... стук. Резкий и громкий, прервавший наше погружение в страстный омут. Марк мгновенно среагировал, легонько столкнув меня с себя. Затем просто растворился в воздухе, выдавая присутствие только томным, не успевшим успокоиться дыханием. Дверной хлопок, и я уже лежала, укрывшись махровым пледом. Притворилась спящей, вслушиваясь в громкое биение сердца.

Включился основной свет, больше не скрывая остатки багровой помады, размазанной по лицу. Следом послышались шаги к письменному столу и шелест макулатуры. Спустя какое-то время цоканье каблуков прекратилось. Я, выждав несколько минут, приоткрыла глаза и столкнулась с лисьим прищуром Ани, стоящей прямо надо мной.

— Да знала я, что ты не спишь, — фыркнула она, поправляя выбившуюся прядь. — И ты, Кайзер... Можешь появиться. Я не до такой степени бездарна, чтобы не унюхать скрывающее заклинание.

Марк, успевший переместиться на мою кровать, тут же возник из воздуха, поднимая рубашку, печально лежавшую на полу.

— Могла сразу сказать, Анюта, — выплюнул он, но существенно успокоился, узнав в гостье не «любимую» сводную сестру.

— Надеюсь, что за это время ты охладишь пыл, и мне не придётся разглядывать твоё достоинство, — хихикнула девушка. — Хотя, что я там не видела.

Поняв ошибку, Марк смущённо прикрыл заметную "проблему" в штанах первой попавшейся под руку книгой, в последующем переводя взгляд на меня:

— Кажется, придётся продолжить завтра.

— Кажется, да, — согласилась я, всё ещё находясь где-то далеко от реальности.

Марк, захватив мятый пиджак, поспешил ретироваться, оставляя меня одну справляться с последствиями. Правда, перед этим не выдержал и оставил краткий поцелуй на моей упругой щеке.

— Вечер тот ещё выдался. Видимо, у нас обеих. Прости, Гата, но я не могу сейчас находиться в четырёх стенах. Так что составишь мне компанию? Я покажу одно красивое место, — после паузы предложила Аня.

Я, всё ещё чувствуя угрызения совести, не смела ей отказать.

Глава 10: Проснувшаяся кровожадность.

Всё поглотила тьма. А когда она рассеялась, меня охватило одно-единственное желание — сродни тому, что я видела по ночам в безумных глазах. Оно не было похоже ни на злость, ни на ненависть, ни даже на привычную мне радость. Нечто иное... всепоглощающее и первобытное. Желание убить. Желание крови. Оно бурлило во мне, вытесняя все прочие чувства, становясь единственным ориентиром, ведущим во мгле. И я чувствовала невероятную лёгкость, подчиняясь этому зову, словно это было моей истинной природой. Моим предназначением, раскрытым в священный день Мабона.

Холод — пронизывающий, леденящий — прорвался сквозь дымку сна, выдержав меня из объятий забвения. Я резко распахнула глаза, вздрогнув всем телом. Последнее, что помнила: как Аня провела меня на крышу башни, показав невероятный вид на ночной туманный лес и синее небо. Но рядом не было ни её, ни стен университетской комнаты. Я лежала на голой ледяной земле, босыми пальцами ощущая липкую грязь, перемешанную с вязкой чёрной кровью. Моя одежда — белая ночнушка и бежевое пальто, подарен-

ное мамой на девятнадцатилетие, — была порвана и измазана в тёмных, ещё влажных пятнах.

Сердце забилося так бешено, что заглушило все звуки. Я испуганно огляделась. Перед глазами проступили знакомые очертания деревни «Змеиный глаз». Той самой, с которой всё началось. Привычный туман, густой и молочный, клубился вокруг, скрывая очертания ветхих домов. Но одно я узнала безошибочно: прямо передо мной возвышался идол — ужасный, древний, с рогами, уходящими в дымку неба. Идол Рогатого Бога, из-за которого я потеряла сознание две недели назад.

Судорожный страх вспыхнул мгновенно. Что я тут делаю? Как добралась?

Я поднялась, намереваясь немедленно бежать. Атмосфера деревни была жуткой, такой, где не хотелось находиться и минуты. Но стоило встать, как я увидела их — жителей. Силуэты престарелых ведьм с лицами, искажёнными гневом и осуждением, смотрели на меня сквозь туманную пелену. Их пальцы вместе с обвиняющими взглядами были устремлены прямо на меня.

— Проклятая! Проклятая! — кричали они.

— Да что здесь творится?! — выкрикнула я, и голос сорвался на хрип.

Мир начал кружиться, я почти снова упала, но не успела: чья-то крепкая рука обхватила меня со спины, не давая рухнуть. Стало тепло. Знакомо тепло.

— Не трогайте её, — твёрдо и спокойно произнёс Ян.

Ведьмы мгновенно замерли. Их шёпот стих, руки опустились. Казалось, они сильно испугались, не смея перечить его воле. Ян взял меня под локоть и повёл прочь от гудящей толпы, прочь от идола, пахнущего сырой кровью. Но не из деревни — напротив, мы шли всё глубже, туда, где сквозь туман проступал дом моего покойного прадеда. Здание, сильно выделяющееся среди прочих, снова встретило меня с гнетущим спокойствием, только Ян постучал в дверь.

— Давно не виделись, Агата, — добродушно поприветствовал дядя Костя, вовсе не обратив внимания на мой внешний вид. Он буднично разминал затекшие плечи, словно только недавно проснулся.

— Здравствуйте, — сказал Вознесенский. — Поможете, надеюсь?

Константин Фёдорович активно закивал, впуская нас внутрь.

— Как же отказать в просьбе родной кровинушке! Идём, отведу тебя в ванную, — предложил он мне немного нервно. — А жене скажу, чтобы что-нибудь приготовила. Голодные вы, наверное, в такую рань приехать.

Он повёл меня внутрь быстрым, деловитым шагом, глядя куда-то мимо, будто я была тенью, а не племянницей, пришедшей невесть откуда. Меня это напрягло, но сил размышлять не было.

— Вот, подожди пару минут, — сказал дядя, быстро ре-

тируясь в соседнюю комнату. — В это можешь переодеться.

— С-спасибо, — поблагодарила я дрожащим голосом, принимая в дар белую футболку и длинную атласную юбку.

Закрывшись в ванной, я столкнулась с отражением, от которого захотелось отвернуться. Лицо оказалось изуродованным сгустками чёрной крови по линии губ и скуле, а глаза — мои шикарные янтарные глаза — стали больше обычного, стеклянные, как у чужой. От собственного облика волосы встали дыбом.

Руки предательски дёргались и тогда, когда я включала воду, обнажая тело, покрытое синяками и болезненными гематомами, на удивление не успевшими затянуться. Холодная струя словно ударила по щекам, постепенно теплея в ладонях, смывая грязь и ужас. Мыльная пена скользила по коже с каждым усердным, до неприятного скрипа движением рук, стирая не только противный запах железа, но и обрывки кошмара. Но сознание по-прежнему оставалось спутанным, будто его пробили ломом, оставляя зияющую дыру.

«Как я здесь оказалась?», «Почему вся в крови?», «Откуда Ян узнал про деревню?» — ответов не было. Только кольцо на пальце жгло, подводя к утомительному осознанию того, что всё опять крутилось вокруг моей зловещей силы.

Передевшись в выданную одежду, пропахшую хозяйственным мылом, я почувствовала себя чуть более живой. Длинные волосы ещё липли к шее, лицо покрылось розовинкой от горячей воды, и страх на миг уступил место голоду и

усталости. Поэтому, ещё недолго засматриваясь на отражение в зеркале в надежде восстановить хоть щепотку хронологии, я направилась на первый этаж, в сторону знакомой небольшой кухни.

В уютном помещении пахло яйцами и жареным луком. У плиты стояла женщина: чуть полноватая, но не тяжеловесная, скорее мягкая в очертаниях, высоким ростом вовсе придавая себе статность. Её округлые ореховые глаза оглядывали меня прямым, добрым взглядом, а на щеке красовалась крупная запоминающаяся родинка. Широкими руками с короткими, покрытыми чёрным лаком ногтями она ловко переворачивала шипящую от масла яичницу. Звонким голосом же тихо переговаривалась с сидящим за столом Яном, который крайне учтиво ей отвечал — совсем не характерно для себя.

Я бесшумно села напротив и, не удержавшись, набросилась на еду — голод пересилил смущение.

— Ни черта не помню, — выдохнула я, глотнув горячего чая. — Ни как здесь очутилась, ни как извалялась в грязи и... крови. И как здесь оказался ты, тоже, — я посмотрела на Яна, ища в нём опору.

Он отложил вилку, тяжело вздохнул и, подбирая слова, промолвил, будто каждый слог ему приходилось выковыривать:

— Максиму пришло видение. Он разбудил меня среди ночи и сказал, что тебе нужна помощь. Рассказал, где искать,

— его голос звучал ровно, но под спокойствием чувствовались очертания напряжения и вины.

— И что он именно увидел? Что случилось ночью? — хотя я и спросила, внутри билась неуверенность. Неуверенность в том, надо ли мне это знать.

Женщина, тем временем, пододвинула новую тарелку и улыбнулась, будто знала гораздо больше, чем могло показаться.

— Ян обещал Косте помочь с дровами, — сказала она. — Ты ешь пока, а он как вернётся — всё расскажет. И не мухлой! Гляди, какая худющая! Ольга тебя, видно, совсем не кормит, — недовольно фыркнула она, что-то бурча о безопасности моей матери.

— Ага... — сумбурно пробормотала я, с большим удовольствием принимая добавку.

Ян и правда вскоре ушёл, громко хлопнув дверью. А я осталась с незнакомкой, смущённо отмечая, как её взгляд слишком пристально скользит по моему кольцу.

— Меня Жанной зовут. Для тебя — Жанна Романовна. Я Косте женой прихожусь. Мы виделись, когда ты была совсем маленькой. Не помнишь, наверное?

— Наверное, не помню, — согласилась я.

Жанна Романовна кивнула, подливая кипятка во фруктовый чай. После присела рядом, с энтузиазмом меня разглядывая. Меня же... что-то в ней настораживало: чернобровая женщина казалась воплощением доброты, однако от неё ис-

ходила почти неуловимая, мрачная аура, словно тень, спрятанная за широкой улыбкой. И взгляд... по-прежнему слишком жадно очерчивал перстень.

Жанна, заметив моё напряжение, поспешила сменить тему:

— Я очень рада, что вы с Яном дружны, как прежде. Всегда говорила твоей маме — из вас выйдет отличная пара! — воскликнула она и хитро подмигнула.

— Как прежде? — удивилась я.

— Неужели ты так плохо помнишь детство? — покачала она головой, откусывая кусок бекона. — До шести лет ты часто у нас гостила... Пока Ольга не рассорилась с Костей и Михаилом окончательно. Семья Яна тогда жила по соседству, до всей этой трагедии... — в голосе прозвучала горечь. — Да и у мамы твоей было одно важное дело к Александру Вознесенскому, прадеду Яна. Вот вы и были неразлучны. Бежали по двору, пугали кур... А дед Миша радовался: «Болотная и Вознесенский — вот это союз!» — так он всегда говорил.

— Вы, наверное, меня с кем-то путаете, Жанна Романовна, — тихо прошептала я, чувствуя, как сердце болезненно сжимается.

Вопреки её словам, детство я помнила совсем неплохо: квартира в Подмосковье, мама с папой, только начинающие вести бизнес, и закадычные друзья из детского сада. Ноги моей здесь не ступало до смерти Болотного. И с Яном, моим

загадочным учителем, познакомилась только в начале месяца при весьма нерадушных обстоятельствах. Но Жанна продолжала настаивать, не дрогнув улыбкой:

— Нет, дорогая, не путаю. Как забыть такое красивое личико? Мы всё наглядеться на тебя не могли, уговаривали Олю мужа привезти похвастаться... — тон её изменился, становясь в какой-то степени жутким. — Да, впрочем, детская память — штука интересная. Ты лучше скажи мне, Агачка... Кольцо с тобой говорит? Мучает?

От неожиданности я едва не выронила чашку. Её лицо... Оно, искажённое падающей тенью от лампы, стало чужим, будто демоническим вовсе. Приподнятые уголки рта дрогнули в судороге, а зрачки расширились, почти поглощая ореховую радужку.

— А ч-что?... — выдохнула я, вжимаясь в твёрдую спинку стула, готовая в любой момент пуститься в бега.

В голове вспыхнул рой мыслей, срывающихся одна на другую, как падающие иглы: что она знает? Что сделает, если я скажу правду? Почему так резко изменилась? И не причастна ли к моему появлению здесь?...

Этот вопрос уже когда-то задавала мне Елена Эдуардовна, но от Жанны так и сквозило угрозой, опасностью, отчего пульс отдавался в висках, а кольцо снова ожило, запульсировало, ещё сильнее сжавшись.

Я уже открыла рот, чтобы соврать, но не успела. Дверь громко хлопнула, и воздух в помещении содрогнулся. Ян то-

ропливо зашёл внутрь, окинув кухню мрачным, собранным взглядом. Будто так и ждал, когда меня в очередной раз напугают... Ну правда!

— Мы должны возвращаться, — отрезал он. — Спасибо за гостеприимство, тётя Жанна. Вы всегда очень добры.

Женщина приподнялась, глядя на него со странным прищуром, в котором не осталось и следа прежней мягкости. Но потом замотала головой, возвращаясь к миловидной растерянности.

— Да куда же вы пойдёте? — растянула она. — Утро раннее, всё ещё успеете. Поешьте, согрейтесь... Агатушка ведь толком не поела.

— Спасибо, но всё же мы и так задержались, — Ян чуть склонил голову, только взглядом оставаясь холодным.

— Но у Агаты тоже обуви нету! Как это, заболит же девочка наша!!! — не воспринимала отказ женщина.

— За это не переживайте, тётя Жанна. Костя уже подготовил ей кеды. Специально отыскал на чердаке.

— Не подойдут же, наверное... У меня-то нога широкая!

— Да он взял те, что от Софьи вашей остались.

Не давая ей больше вставить и слова, он подошёл ко мне, мягко, однако достаточно настойчиво поднимая за локоть. Я радостно послушалась и, проходя мимо Жанны Романовны, ощутила, как по коже пробежал ледяной импульс, от которого неминуемо захотелось скрыться за дверью быстрее. Ну и родственнички у меня, конечно...

— Возвращайся, Агаточка! Мы будем ждать, — на прощание сказал дядя Костя, всё ещё рассеянно хлопающий заплывшими от морщин глазами.

Обувь оказалась мне всё же велика, поэтому шлёпала я по влажной земле очень неуверенно, прохладным утренним воздухом обжигая щёки. Затянутое небо всё ещё хранило остатки темноты, но на востоке уже проступали тёмно-розовые полосы, медленно растекавшиеся по туману. Время и впрямь стояло очень раннее, делая деревню более призрачной. И окна... те, за которыми раньше стояли прозорливые ведьмы, следящие за каждым моим шагом, теперь занавесились плотными шторами, создавая впечатление, будто мы с Яном и вовсе одни. Все жители его явно сторожились, старались не попадаться лишний раз на глаза. И с чего бы ведьмам, доживающим свой век, так остерегаться, хоть и виртуозного, но обычного студента? Этот вопрос не давал мне покоя, странно давя на уставший мозг. Как и многие другие, иногда вынуждающие задуматься о здравости рассудка.

Мы шли по сырой дороге, и каждый наш вздох клубился белыми облачками. Гравий вперемешку с грязью хрустел под ногами, где-то лениво капала вода с крыши, а с ближайших домов тянуло запахом травяного отвара. Лес за границей деревни выглядел особенно густым и серым, словно затянутым пеленой. Достаточно привычная атмосфера для наших прогулок, но молчание в этот раз тоже напрягало.

У выхода из злосчастного «Змеиного глаза» стоял автомо-

биль — относительно новый, отечественный, чёрный, с едва различимыми под туманом бликами на капоте. Ян бесшумно обошёл его и открыл передо мной дверь, до этого пикинув автоматическим брелоком. Я села вперёд, чувствуя под собой холод кожаной обивки. В машине стоял запах сырости и терпкого мужского одеколona с достаточно выразительными нотами морской соли. Ян всегда им пшикался настолько сильно, что его можно было учуять издалека.

Двигатель завёлся, и гул мотора прозвучал неожиданно громко, почти резанул слух, но вскоре стих, превращаясь в монотонное урчание. Мы медленно двинулись с места, вырезая фарами разбитую извилистую дорогу. Низкий седан то и дело подбрасывало на кочках, и за каждым поворотом серое марево сгущалось сильнее, будто туман вовсе не хотел нас отпускать. В такой убаюкивающей атмосфере я практически уснула, однако гудящее сердце не позволило и глаз сомкнуть. Никогда не отличаясь особой терпимостью, я чувствовала, как нервы окончательно сдали. Слишком уж много потрясений за последнее время. Да и молчание между нами продлилось слишком долго. Непозволительно для такой ситуации.

— Ян, — наконец выдохнула я, — скажи честно: как я здесь оказалась? И... что за видение увидел Максим?

Он не ответил сразу, отчего изо рта так и норовило вырваться раздражённое цоканье, мол: «Неужели он правда думает, что я способна пустить всё на самотёк? Когда проснулась по уши в крови-то?!»

Я не решалась произносить вслух, видя, насколько сильно Вознесенский впился пальцами в руль. Настолько, что суставы побелели, а выпирающие вены резко взбухли.

— Когда мы приедем в университет, Агата, — голос его звучал твёрдо, почти приказывающе, — кто бы ни спрашивал, говори, что всю ночь после бала провела со мной.

Я моргнула, не сразу осознав смысл сказанного. Посмотрела на него с непониманием, с лёгкой злобой от игнорирования важных вопросов, но его взгляд продолжал быть прикованным к дороге. Лицо Яна не выдавало ни единой эмоции, разве что выразительная нижняя челюсть заострилась.

— Скажешь, что улизнула из комнаты и встретила меня у ворот. Можешь будто совсем случайно проболтаться о том, что мы видимся по ночам регулярно, что до рассвета тренируемся в лесу. Если почувствуешь, что кто-то слишком пристально смотрит; ощутишь хоть намёк на то, что твои мысли пытаются прочесть, а это, вероятнее всего, случится — представляй наши тренировки. Стихию, движения рук, силу. Можешь вспомнить лица русалок, которые тянули на дно, и свои эмоции, когда я толкнул тебя в озеро. Пусть думают, что ты сосредоточена на наших занятиях. Попытайся запутать их и не дать дойти до сути, — продолжал наставлять Ян. — Сейчас я не успею научить тебя блокировать сознание, поэтому экспериментируй.

Он говорил чётко, с интонацией, не допускающей возражений, а моя сумрачная надежда на какую-то ошибку, на

чью-то глупую шутку — выволочь меня с кровати и отвезти спящую в деревню — окончательно угасла. В груди стало тесно. Ян не давал советов, он явно предупреждал меня... Но почему? Да что я вообще могла совершить, имея в арсенале только базовые навыки по стихии? И мотивы Яна оставались, во многом, непонятны. Сорваться посреди ночи, спасти от сумасшедших жителей деревни, отвезти обратно... Зачем ему всё это? Наверяд ли он влюбился: Кира порой будила меня по утрам громким обсуждением с подругой очередного жаркого секса. Значит, он имел другие мотивы...

— Почему Жанна Романовна так интересовалась моим кольцом? И почему вторила, что мы с тобой знакомы с детства? Да и ведьмы, Ян... С чего бы им тебя слушаться? — не выдержала я.

Вопросы рождались друг за другом, и я бы могла продолжить дальше. Просто заставила себя замолчать, ведь до сих пор не понимала, могу ли доверять Вознесенскому. Его безумные глаза, приснившиеся мне в астрале, по-прежнему пугали.

Машина чуть вильнула, но он не повернул головы. Только вздохнул — коротко и тяжело.

— Потому что мы правда давно знакомы, — сказал он, не посчитав нужным ответить на всё остальное.

После этого Ян больше не произнёс ни слова. Тишина снова замерла вокруг нас, разрезаясь только дорогой, хрустящей под шинами. Её рваные контуры и забитые кочки будто отра-

жали моё состояние: такое же неровное и полное провалов.

Я прижалась к стеклу, глядя, как редкие ветви скребут по кузову, словно пытаясь нас остановить. И впервые за долгое время стало по-настоящему страшно — не за себя, а за то, что могу узнать дальше. Я всегда тянулась к знаниям, не боясь новизны. Наверное, поэтому так легко восприняла существование магии в нашем громком мире. Но сейчас хотелось хлопнуть в ладоши и поставить всё на «стоп». Тревога, вязкая и глухая, всё глубже пробиралась под кожу. Чем сильнее я погружалась в свои мечты, чем лучше осваивалась здесь, тем больше возрастало это желание. Желание прекратить, вернуться в нечто «обычное». Ведь казалось, что «новое» больше не сулило ничего хорошего.

Под мои мрачные мысли мы въехали на территорию университета. Я сразу почувствовала — что-то произошло. Ещё до того, как машина остановилась, заметила множество фигур, снующих между корпусами. Студенты, некоторые ещё разодетые в вечерние костюмы, толпились кучками, переговариваясь вполголоса. Среди них мелькали и преподаватели, говорившие с полицейскими. С виду самыми простыми, человеческими: с оружием на поясе и блокнотами в руках.

Ян резко заглушил двигатель.

— Не отходи от меня, — коротко бросил он, выходя из машины.

Я последовала его примеру, чувствуя, как от волнения подгибаются колени. Он взял меня под руку — достаточно

крепко, так, что даже захотев, не получилось бы сбежать — и быстрыми шагами повёл в центр толпы. Студенты расступались перед ним без возражений — кто-то шептался, подмечая наше совместное появление, кто-то просто отводил взгляд.

Перед глазами повисла жёлтая изоленга, протянутая от угла главного корпуса к подножию башни, в которой находилось наше общежитие. За ней мелькали следователи в белоснежных перчатках, фотографирующие, что-то активно записывающие и приглушённо перешёптывающиеся между собой. Сначала я не поняла, что происходит, увидев крупное пятно — тёмное, расплывшееся. Потом взгляд зацепился за рыжие локоны. И дыхание оборвалось. Аня... Да, точно Аня, наша Аня.

Её тело было вывернуто неестественно, похожее не на человеческое вовсе, а кукольное, сброшенное с большой высоты. Руки и ноги оказались изломаны под невозможными углами, пальцы крепко сжаты, будто схватили воздух в последней, тщетной попытке удержаться. Череп пробит, кожа головы рассечена, из-под неё сочилась тягучая чёрная кровь, уже запёкшаяся на щеках и свёрнутой шее. Глаза... Их словно выдавили изнутри, оставляя пустые, тёмные впадины. Её когда-то яркие волосы потускнели, утратив свой солнечный оттенок, теперь являясь почти бесцветными.

Меня внезапно вывернуло, после чего преподавательница истории ведём попросила отойти подальше, и без того пыта-

ясь отправить студентов по комнатам. Голова будто начала трескаться, ударяя пульсацией по вискам. И чем дольше я смотрела, тем сильнее мутило. Звук голосов вдруг стал глухим. Сознание норовило вырвать меня из реальности. Мир начал кружиться, мутнеть, и вдруг проявилась вспышка воспоминаний. Я словно провалилась в собственный разум.

Жар охватывает всё тело. Мне хочется крови, хочется растерзать её. Ведьма должна помогать ведьме. Ведьма должна сохранять баланс, а не рушить. Если ведьма ослушалась, она должна стать жертвой. Ведьма должна отдать то, что принадлежит не ей. Ведьма должна поплатиться.

«Перестань... Агата, молю... Агата!!!»

Крик, точно крик Ани. Она просит остановиться, но мне её совсем не жаль. Ведь она воровка. Она хотела забрать то, что являлось моим. Она нарушила священное спокойствие Мабона. Мои пальцы, словно две змеи, тянутся к её глазам. Она снова визжит, опалая моё запястье ярким огнём. В нос начинает просачиваться запах горелого мяса...

Я резко очнулась, судорожно переводя дыхание. Рука своевольно тронула запястье... На бледной коже действительно прорезывался след почти заросшего, но всё ещё различимого ожога.

— Нет... Этого не может быть, — сорвалось с губ, и я

испуганно попятилась назад.

Ладони Яна легли на мои плечи, удушающе впиваясь в кости, не позволив отступить. Он наклонился, щекоча отросшими волосами мою щёку, и прошептал:

— Кто бы ни спрашивал, говори, что эту ночь провела на тренировке со мной. Что бы ты ни вспомнила, Агата, говори именно так.

Я не смогла ответить. Только вяло кивнула, не в силах отвести взгляд от изоленты и того, что за ней осталось. Всё действительно вышло из-под контроля. Точно вышло. Но... когда? Тогда, когда приехала в университет? Или познакомилась с Яном? Нет... Точно раньше.

«Убей её. Убей. Она воровка. Забери своё по праву!»

Шёпот — я снова слышала тот шёпот, что говорил со мной в астрале. Успокаивающий, вязкий голос. Такой, каким не способно молвить живое существо. Эта мысль прошила сознание ледяной иглой. Окончательно потеряв контроль над эмоциями, я сорвала с пальца зудящий серебряный перстень. Металл, словно живой, царапнул кожу, раздирая внутренними шипами тёплую плоть. Из раны тут же выступила чёрная кровь, от чего я вздрогнула, но стиснула зубы и со злостью бросила кольцо на сырую землю. Оно жалобно отскочило, теряясь у кого-то под подошвой.

— Ха... — судорожно выдохнула я.

Ян мгновенно отпустил мои плечи, опускаясь на корточки. Взгляд его стал резким и холодным, как в нашу первую

встречу.

— Надень его обратно, Агата. Немедленно, — глухо потребовал он, пропитывая голос, казалось, неведомой ему интонацией страха.

Я попятилась, мотая головой. Ни за что... Ещё шаг — и, наверное, побежала бы, не разбирая дороги. Но спиной врезалась во что-то мягкое и шерстяное. Обернувшись, увидела чёрный свитер и цепкие глаза Елены Эдуардовны. Женщина стояла неподвижно, боясь шелохнуться, чтобы не спугнуть, оглядывая меня, как и всегда, спокойно и пронзающе. На губах же застыло привычное выражение едва заметного презрения. После того, как она отдала мне книгу на занятиях по ритуалам, больше Елена со мной не заговаривала, всецело игнорируя неудачи на её предмете.

— Все по общежитиям. Прямо сейчас! — разрежала она басовитой хрипотцой воздух. — Или я лично подпишу приказы об отчислении.

Толпа зашевелилась, нехотя начиная расходиться. Некоторые украдкой оглядывались на бездыханное тело, кто-то — вовсе с огромным подозрением взирал на меня. А я... не двигалась: Елена Эдуардовна мягко, но властно удерживала мою руку холодными пальцами. Признаться, и сил сопротивляться не было. Мир продолжал плыть, в ушах гудело, перед глазами же проблескивал силуэт молящей Ани. Я с трудом различала реальность, практически не понимала, кто рядом находится.

Её ладонь неожиданно легла мне на щёку. Касание оказалось почти невесомым, таким, словно его и не было вовсе. Но действенным, вынуждающим обратить на неё внимание.

— Надень кольцо обратно, — шепнула она непривычно ласково. — Иначе будет хуже. Пострадают другие. Не только ведьмы — люди тоже.

Вначале я не поверила. Попросту отказывалась верить в то, что без проклятого перстня, руководящего моим телом, способно стать ужаснее. Однако что-то в её тоне, звучащее схоже с предсказанием, заставило руки задрожать. Она говорила о маме раньше... Не могла же Елена намекать на угрозу семье? Не могла, так ведь? Я опустила взгляд: кольцо лежало совсем неподалёку, покачиваясь в пыли.

Навряд ли она могла, как и я, — убить, но воспоминания говорили сами за себя. От этого пальцы по-прежнему содрогались, когда я подняла его. Металл снова впился в кожу так, будто мстя за неповиновение, начиная злобно обжигать.

— Вот и хорошо, — произнесла она так, будто ничего не случилось. — Не стоит так переживать, Агата Робертовна. У многих ведьм руки по локоть в крови. В какой-то степени это неизбежно, учитывая нашу природу.

Она сделала короткую паузу, давая мне осознать сказанное. Затем взглянула куда-то мимо, в сторону главных ворот корпуса.

— Раз уж мы всё решили, — деловито сказала женщина, — вас с Вознесенским ждут в ректорате. На допрос.

До этого позабыв о присутствии Яна, я инстинктивно на него обернулась. Он определённо заведомо знал, куда нас поведут, поэтому и раздавал столь неоднозначные советы. И сейчас Вознесенский, кажется успокоившийся от вида кольца на моём пальце, еле заметно мне кивнул, с намёком на то, что этого не избежать. Даже если мне до жути страшно. Даже если я не знаю, как соврать, учитывая воспоминания, продолжающие лезть в голову.

Он чуть-чуть меня подтолкнул, и вот я шла за Еленой Эдуардовной, почти не чувствуя земли под ногами. Лёгкий ветер обжигал вспотевшее от нервов лицо, а мысли так и билась ручьём, подобно множественным астральным нитям.

Я думала о шкатулке. Той самой, которую заслуженно выиграла Аня на занятии по астралам. Казалось нелепым, что именно она могла стать причиной всего произошедшего. Но кольцо явно вторило мне: «Воровка! Ведьма забрала то, что ей не принадлежит!!!» И ничего другого попросту не выходило. Единственным, что могло бы стать моим и забрала Аня, являлась она.

«Я ведь даже не знаю, что лежало внутри. Да что в ней вообще такого?» — спрашивала себя, и нервный смех то и дело вырывался из моего горла.

Ведь это было настоящим безумием, что за приз, который выставлялся словно на аукцион для большей показухи, древние силы решили бороться настолько яростно.

— Агата, — произнесла Елена Эдуардовна так, будто

скальпелем прошлась по мозгу, — даже если будет сильно хотеться, не говори, что виделась с Ляшкевич ночью. Ляшкевич Анной.

Я не отреагировала, снова зарываясь в сомнениях. Почему и она, и Ян говорили эти фразы? Откуда они знали, что я совершила?...

По-прежнему держась за локоть преподавательницы, позволяя ей вести меня по знакомой лестнице в главном холле, я перевела на неё взгляд. Женщина выглядела достаточно собранно, совсем не переживающей. Возможно ли оставаться такой хладнокровной, идя рядом с убийцей невиновной? И с чего бы ей вообще мне помогать...

— А если... если я скажу правду? — выдавила я голосом, сливающимся с серыми стенами. — Что будет, если расскажу правду?

Елена Эдуардовна неожиданно остановилась, оглядывая меня так, что кровь застыла в венах. Она точно знала... знала то, что я сделала. И это пугало сильнее.

— Я не могу знать наверняка, — ответила она достаточно сдержанно. — Но верховный, посланный расследовать это дело, очень заинтересован в том, чтобы тебя изолировать от мира до начала Турнира Ночи. Правдой ты можешь только ухудшить своё положение. До этого тебя всячески покрывала Лидия Рустемовна, взявшая на себя всю ответственность за твоё зачисление в университет. Однако теперь, когда умерла её дочь... Сомневаюсь, что она согласится оспаривать ре-

шение совета. Понимаешь, Вирхова? Даже если тебе всё это кажется странным, безумным, может быть, несправедливым, — она слегка сжала мою руку, — сейчас лучше молчать.

Я кивнула, хоть и внутри всё кричало. Мозг работал без-устанно, пытался собрать обрывки воедино, прийти к какой-нибудь логической цепочке, но всё ускользало, оставляя лишь ощущение паники и безысходности. Почему они так со мной разговаривают? Почему, если знали, не предупредили? И, если дело в шкатулке, Ян ведь точно понимал, каковы будут последствия... Он так рьяно желал тогда победить. Но... всё равно промолчал, вынуждая мои мысли, мои действия перестать быть мне подвластными.

Мы поднялись на второй этаж. Коридоры опустели, и тревога отдавала в ушах ещё активнее. Я шла за Еленой, слушая биение собственного сердца, ещё не осознавая, что вот-вот переступлю порог ректората. Понимание пришло только тогда, когда шаги прекратились, а перед носом появилась высокая дверь. Ян тут же обошёл нас, собираясь зайти вместе со мной, однако был остановлен ядовитым замечанием:

— По одному, — сказала Елена, выпуская мою ладонь. — Строго.

Вознесенский в ответ раздражённо цокнул. Я же, верно распознав её намёк, неуверенно зацепилась пальцами за дверную ручку, в ближайшие секунды входя внутрь.

«Соврать... Главное — заставить себя соврать»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.